Трымайся праўды

абажур

ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
The Belarusian Association of Journalists

№ 5 (101) 2013

У Беларусі шукаюць «народных журналістаў»

Новы конкурсны праект «Народны журналіст 2013: зробім лепш» прапануе ахвотным дасылаць артыкулы, фота- і відэарэпартажы пра мясцовыя праблемы і шляхі іх вырашэньня.

Пераможцы атрымаюць магчымасьць апублікаваць свае тэксты ў інтэрнэце, незалежных мэдыях, а таксама ў выглядзе ўлётак.

Сябра журы, мовазнаўца і дыплямат Пётра Садоўскі так акрэсьлівае мэты конкурсу: «Досьвед паказаў, што жывая “мікрааналітыка”, угрунтаваная на прыкладах, якія перад вачыма, можа закранаць і будзіць мясцовых людзей, падводзіць іх да сур’ёзных высноваў і да дзеяньня. Калі дзякуючы “Народнаму журналісту” задумаюцца і пачнуць дзейнічаць хаця б некаторыя людзі, гэта будзе рэальны вынік».

Сёлетні конкурс адбываецца ў межах кампаніі «Зробім лепш!», якую ініцыявала Асамблея дэмакратычных няўрадавых арганізацыяў.

Першы конкурс «Народны журналіст» адбыўся ў 2011 годзе. Удзел у ім узялі больш за 150 чалавек з розных рэгіёнаў Беларусі.

Паводле Радыё Свабода

а
абажур
ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS
ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 5 (101) 2013 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота на вокладках —
Барыса Гарэцкага (1-я вокладка)
Уладзіміра Шарнікава (апошняя)

Выданне зарэгістравана
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 20.09.2013 г.
Дата выхаду 30.09.2013 г.
Фармат 60x84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Популярная и… неперспективная?

Журналистика по-прежнему остается популярной и привлекательной для молодых людей, выбирающих свою будущую профессию. Но из сотен ежегодно приходящих в университеты за профильным дипломом в профессии остается хорошо, если четверть. Почему?

Татьяна КОРОВЕНКОВА

В нынешнем году на факультет журналистики Института журналистики БГУ на дневную бюджетную форму обучения зачислено 108 абитуриентов. По данным пресс-службы Белгосуниверситета, на отделение аудиовизуальной журналистики зачислено 20 абитуриентов, на веб-журналистику —18, на отделение печатных СМИ — 25, на менеджмент средств массовой информации — 10, на специальности «информация и коммуникация» — 5, «литературная работа (редактирование)» — 15, «международная журналистика» — 15.

Кстати, выяснить, сколько выпускников-журналистов доезжают до места распределения, сколько из них впоследствии остается в профессии, в Институте журналистики БГУ мне не удалось. Предоставить такие данные по телефону или по письменному запросу там отказались.

Научить ученого

Эксперты отмечают, что студенты приобретают неплохие теоретические знания, но не имеют достаточных практических навыков. И краткосрочная практика в редакциях — раз в году — проблемы не решает.

Медиааналитик Павлюк Быковский неоднократно в беседах с редакторами как минских, так и региональных газет обсуждал проблему подготовки молодых журналистов. «В общем-то, все высказывают недовольство тем уровнем образования, который получают студенты в Институте журналистики БГУ и в региональных вузах, где возникли такие специальности в последние годы, — говорит Быковский. — А в региональных вузах обучение

журналистике, которое чаще всего возникает на базе филфаков, еще менее практично, чем в Институте журналистики. В целом наниматели жалуются на качество подготовки работников».

Журналистов, которые приходят в редакции, всегда приходится переучивать, констатирует Быковский. «Есть разные требования в каждой редакции — свои принятые стили, подходы. Но, с другой стороны, очень часто у новичков есть набор знаний, которые ими не востребованы. Допустим, выпускник вуза знает, как называются какие-то жанры, но не готов в этих жанрах работать», — замечает эксперт.

Сложности у молодых возникают из-за завышенных требований к своей будущей профессии. «Они думают, что работа не будет трудоемкой, но будет хорошо оплачиваться. В то время когда в Беларуси на самом деле профессия журналиста сегодня не настолько хорошо оплачиваемая», — подчеркивает Быковский.

Впрочем, именно в нашей профессии все слишком индивидуально.

«Хочу сказать, что ни вуз, ни курс обучения значения не имеют, — говорит главный редактор информационного агентства БелаПАН Ирина Левшина. — К нам на практику приходят студенты как из государственных, так и из частных вузов, и все они демонстрируют очень разный уровень подготовки к журналистской работе. Приходилось сталкиваться с отлично подготовленными первокурсниками и совершенно "сырыми" пятикурсниками».

По мнению Ирины, все зависит от личных качеств и прежде всего от интереса к профессии. К слову, три студента, которые проходили практику в БелаПАН, были впоследствии приняты в штат и работают ничуть не хуже опытных сотрудников. «Я не разделяю мнения некоторых коллег, которые сетуют на то, что уровень подготовки журналистов упал. Считаю, он и раньше был невысок, и тогда, как сейчас, все зависело конкретно от человека», — уверена Левшина.

Среди проблем, характерных для начинающих журналистов, она отмечает закомплексованность и боязнь личного общения. Многие из тех, кто только пришел в профессию, свободно общаются с собеседником с помощью электронной почты, скайпа, социальных сетей, но тушуются на пресс-конференциях, боятся задать вопрос.

«Еще одна распространенная проблема связана с техническим прогрессом, — улыбается Левшина. — Излишне говорить о том, насколько он облегчил журналистскую работу, но есть и обратная сторона медали. Рассчитывая на технику, многие молодые коллеги перестают полагаться на собственные мозги. Не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда журналист, вернувшись с брифинга, вдруг обнаруживает, что у него по каким-то причинам отключился диктофон. И тут выясняется, что без диктофона он не в состоянии подготовить текст».

Перераспределение ролей

Главный редактор газеты «Белорусы и рынок» Вячеслав Ходосовский не берется судить об общем уровне подготовки выпускников журфака, так как к ним в газету на практику направляют немногих. «Раньше больше приходили, сейчас меньше, — сказал он. — Кроме того, к нам приходят, видимо, те, кто желает в этой тематике работать и потому старается. Другое дело, что их потом не оставляют у нас, распределяют в другие места». Чувствуется, что есть недостаток детальных знаний, в том числе и по экономике, подчеркивает редактор.

Главный редактор газеты «Брестский курьер» Николай Александров солидарен с коллегами в том, что уровень подготовки больше зависит от самого студента. «Разные ребятишки попадаются. Но, во всяком случае, они к нам охотно идут на практику, сами просятся. Думаю, что тут больше даже не результат преподносимого им теоретического материала, а они сами как бы готовы к профессии», — считает он.

При этом Александров отмечает, что журналистика все больше приобретает женское лицо — среди поступивших на журфак увеличивается число девушек. По его мнению, причина в том, что газеты уже не играют такой роли, как прежде, не востребован журналист как герой-романтик, бескомпромиссный борец, многие подсознательно готовы в журналистике к роли обслуживающего персонала. «И я не думаю, что сейчас идет достаточно качественная подготовка журналистов. Все-таки журфаки готовят в основном для государственных газет и телевидения, что накладывает свой отпечаток», — подчеркивает Александров.

При этом все три главных редактора также отмечают, что в последние годы студентов журфака крайне неохотно направляют на практику в негосударственные СМИ.

«Точно знаю, что в последние годы руководство Института журналистики БГУ запрещает своим студентам-"бюджетникам" проходить практику в БелаПАН и других негосударственных СМИ, — говорит Ирина Левшина. — Вот так с младых ногтей будущих журналистов идеологически обрабатывают, а белорусские СМИ делят на два лагеря, которые когда-то обозначил Лукашенко: "чэсные" и "нячэсные". Это как минимум глупо, потому что часто подобными запретами чиновники от образования добиваются обратного эффекта: думающие не по указке выпускники Института журналистики предпочитают работу в негосударственных СМИ. И именно из них вырастают настоящие профессионалы».

«У государственных СМИ есть свои требования, одно из которых — обслуживание государства, правящего режима и государственной идеологии.

А в негосударственных СМИ совершенно другой подход. Но поскольку государство распределяет выпускников, "оберегая" их от частных изданий, то сами студенты вынуждены ориентироваться на те требования, которые им ставит вуз, и подстраиваться под эту систему», — отмечает аналитик Павлюк Быковский. По его наблюдениям, значительная часть выпускников журфаков идет в смежные профессии — например, занимается пиаром и рекламой. «Они связаны с медиабизнесом, но уже совершенно в другой области», — отмечает Быковский.

Падение доходов в среде белорусских журналистов и владельцев медиа также стало проблемой, отмечает эксперт. «Традиционные СМИ теряют деньги, а интернет-медиа еще их мало научились зарабатывать, — отмечает Быковский. — За исключением изданий, которые существуют от бюджетных денег и не завязаны на медиабизнес, в других сферах журналисты стали зарабатывать все меньше и меньше. Наиболее активные уходят из профессии в другие сферы».

Проблемы, решать которые пока некому

В Беларуси уже существует переизбыток журналистских кадров. «Есть мировая тенденция — традиционные медиа стали меньше зарабатывать денег. И, скорее всего, в ближайшем будущем не нужно будет столько репортеров, — отмечает Павлюк Быковский. — Сейчас возникают новые смежные профессии, в том числе технические редакторы и писатели, контент-менеджеры. Я знаю, что в Институте журналистики к этому присматриваются и готовят людей в этом направлении, но на самом деле подобного рода профессии возникли совсем недавно, и очень трудно проводить обучение по таким специальностям».

В Беларуси катастрофически не хватает специалистов, которые занимались бы менеджментом в медиабизнесе. «Это относительно новая профессия для Беларуси, поскольку медиабизнес возник буквально лет 20–25 назад как таковой. Среда для работы в медиабизнесе очень сильно отличается от той, что существует на Западе, в соседних с нами странах», — говорит Быковский. Так как примеры ведения бизнеса в соседних странах для Беларуси не всегда приемлемы, то нехватка специалистов в медиасфере не может быть компенсирована даже прямым заимствованием и приемом на работу людей из других стран. «Этот недостаток сейчас никак возместить не удается, — считает эксперт. — В принципе, есть самородки, которые самостоятельно произросли в редакциях, но даже обмен опытом между ними достаточно затруднен, так как есть конкуренция между изданиями, которые немного по-разному зарабатывают на жизнь, поэтому те единичные примеры очень сложно как-то объединить».

И хотя в Минобразовании знают об этих проблемах, система высшего образования не успевает перестроиться и соответствовать требованиям, которые диктует рынок. Подготовка же специалистов для белорусского медиабизнеса за рубежом сейчас практически бессмысленна, уверен медиаэксперт. «Можно обучать тем приемам, которые работают в других странах, но очень трудно использовать их, опираясь на тот опыт, который есть в Беларуси. И это серьезная проблема. Пока я не вижу, чтобы где-то, кроме курсов повышения квалификации, хотя бы минимально затрагивалась эта тема», — подчеркивает Быковский.

«Опыт России и Украины интересен для Беларуси, поскольку в чем-то схожая среда, но, с другой стороны, в этих странах пока еще предпринимательство не зажато, как у нас, там инициатива приветствуется, — продолжает эксперт. — У нас же есть очень много вещей, которые мешают ведению любого бизнеса. Но в том, что касается издательского бизнеса и медиасферы, имеются еще дополнительные ограничения. Например, кроме регистрации юридического лица нужно еще получить регистрацию как СМИ, нужно получить массу различных согласований, есть дополнительные ограничения, например, в том, кто может быть главным редактором». Даже если все обозначенные препоны удается преодолеть, никто не отменял сложности с доступом к информации, проблемы с распространением готовой продукции. Для печатных СМИ все еще существует государственная монополия на распространение в виде госкиосков периодики и подписных каталогов «Белпочты», куда отказывают включать негосударственные издания.

Финансовое благополучие редакций ограничено небольшим объемом рекламного рынка в Беларуси. «Из-за того, что он не очень крупный и при этом постоянно увеличиваются расходы на печать газеты, получается, что доходы редакции в лучшем случае стремятся к нулю, а в худшем случае — уходят в минус», — замечает Павлюк Быковский.

В такой среде приемы менеджмента, известные в России или на Западе, зачастую не работают. А как решить проблемы своими силами, мы тоже пока не придумали.

У першыя выходныя жніўня пад Мінскам прайшоў традыцыйны карпаратыўны фэст Беларускай асацыяцыі журналістаў

«БАмЖынкі-2013»

Лейтматывам мерапрыемства ў гэтым годзе стаў абвешчаны ўладамі «Год ашчаднасці», у сувязі з чым жартаўліва трансфармавалася і назва фэсту — «БАмЖынкі».

Апроч вядоўцаў на пачатку імпрэзы ўсіх прысутных на «БАмЖынках» прывіталі казачныя госці фэсту — Кот Базіліа, Ліса Аліса ды Карабас-Барабас у выкананні вядомага беларускага музыкі Аляксандра Памідорава.

Аляксандр-Карабас-Памідораў «імем тарабарскага караля» зачытаў указ старшыні БАЖ пра перайменаванне сёлетніх «БАЖынак» у «БАмЖынкі». Працэс суправаджаўся пагрозлівымі маланкамі з неба. «Гэта спецэфекты, не звяртайце ўвагі», — супакоіў Карабас.

Удзельнікі фэсту расклалі намёты, упрыгожылі тэрыторыю і вырашылі розныя «гаспадарчыя пытанні».

Пакуль ішоў загадзя замоўлены арганізатарамі фэсту дождж, удзельнікі «БАмЖынак» здолелі падсілкавацца, паўдзельнічаць у юрыдычным майстар-класе на тэму фрыланс-журналістыкі, а таксама паслухаць гісторыю месца, дзе адбываўся фэст, з вуснаў гаспадара сядзібы Алеся Лася.

18
76

Як толькі па даху перасталі грукаць апошнія кроплі, праграма «БАмЖынак» была працягнутая: удзельнікі падзяліліся на каманды ды накіраваліся на Поле Цудаў — «шукаць» акрэдытацыю на фэст.

Атрымаўшы акрэдытацыю, каманды пазмагаліся ў футболе і эстафеце. У часе апошняй госці мусілі выканаць шэраг спартова-журналісцкіх заданняў: на хуткасць даставіць у рэдакцыю гарачую навіну, не расплюхаць інфармацыю па дарозе, зацягнуць фрылансера ў штат рэдакцыі. А пасля ўдзельнікі паспрабавалі сябе ў майстэрстве кідаць косткі ў сметніцу гісторыі...

Наступным этапам адпачынку БАмЖурналістаў сталася падрыхтоўка і прэзентацыя ўласных камандаў, іх назвы, сцяга ды дэвіза.

Пазней жа, пасля смачнай вячэры, гасцей «БАмЖынак» запрасілі на майстар-клас па беларускіх народных танцах.

Пасля танцаў і спеваў ад капэлы Алеся Лася ўзяў гітару ў рукі Аляксандр Памідораў. Некалькі песень музыка выканаў пад акампанемент капэлы.

Другі ж дзень «БАЖынак» па традыцыі распачаўся з зарадкі і сняданку ды катання на коніках. Сам жа дзень быў прысвечаны ўзнагароджанню камандаў-пераможцаў ды абранню містэра і міс «БАЖынкі». Імі сёлета сталі Андрэй Сыцін і Алена Юроўская.

А ў агульным камандным заліку перамагла каманда «Зялёныя чалавечкі».

Фота пададзеныя прэсавай службай ГА «БАЖ»

Свобода писать и свобода читать

Анатолий ГУЛЯЕВ

Идеи сформулировать собственные этические принципы для новых медиа встречаются не так уж редко. Я бы даже сказал — часто. И витают они не только в среде блогеров и сотрудников виртуальных СМИ, свято верящих, что двадцать лет назад не было интернета, а до него, как известно, не было ничего...

Над проблемами этики в онлайне ломают голову и серьезные ученые, известные профессионалы. В результате многочисленных дискуссий даже возник и существует термин «нетикет». Википедия трактует его так: *«сетевой этикет (неологизм, является слиянием слов “Сеть” (англ. net) и “этикет”), правила поведения, общения в Сети, традиции и культура интернет-сообщества, которых придерживается большинство»*.

Но, несмотря на то что существует термин, а вокруг этой темы разгораются дискуссии, озабоченность специалистов пренебрежением этикой в онлайне только растет.

Стороны медали

Внедрение новых технологий распространения информации всегда являлось своего рода революцией. Вспомним появление печатного станка Гутенберга, который был проклят католической церковью. А потом радио, а потом телевидение... Все это именовалось (и было!) революциями. А где революция — там, разумеется, ломка старого и внедрение нового (или того, что под ним понимается). «Каждая революция — это новые возможности, которые, в свою очередь, становятся угрозой старому, старым методам и практикам, — пишет директор Центра этики журналистики школы журналистики и массовых коммуникаций Висконсинского университета в Мадисоне Стефан Вард. — Нынешняя революция в СМИ — не исключение... Главный вопрос заключается в том, насколько существующая этика СМИ подходит для средств массовой информации сегодняшнего и завтрашнего дня»[1].

Взаимоотношения *старой* этики и новых СМИ порождают множество вопросов. В том числе потому, что право на свободный доступ к информации и свободное выражение мнений вступает в противоречие с правом на защиту от, скажем, пропаганды наркотиков, насилия, порнографии и прочего. Грубо говоря, пишет человек в своем блоге о том, какой кайф поймал после очередной дозы героина, предлагает последовать примеру... Это противоречит только *старой* этике? Вписывается в рамки какой-то новой этики? Или, по нынешним понятиям, вообще ничему не противоречит? А как тогда с *вечными* истинами — теми самыми, из Библии?

Казалось бы, интернет — средство прямой коммуникации, вроде телефонной связи, и запреты (включая запреты на основе этических принципов) представляются неуместными и незаконными, потому что речь, по существу, идет о защите частной сферы. Я говорю с кем хочу, о чем хочу и когда хочу... И вообще: каждый писатель должен иметь право писать что и как хочет. И каждый читатель должен иметь право все это не читать...

С другой стороны, интернет обращается к анонимной общественности, что, по сути, придает ему функции средства информации. Информация, распространенная посредством интернета, имеет и резонанс, и общественное воздействие. А такая роль уже предполагает правовую ответственность за нарушение общественного порядка и оскорбление нравственности. Вопрос ответственности все более актуален, потому как индивидуумов, способных лишь оскорблять общественную нравственность, в онлайне становится все больше. Глупостей нынче как-то не принято стыдиться. И все, что не является некрологом, есть, как известно, пиар. А пиар — голубая мечта любой посредственности...

Еще одна очень важная сторона этой «медали» — **проблемы нравственности в СМИ всегда и без исключений связаны с проблемой качества информации**.

«Социальные медиа превратили новости в минное поле слухов и ложных новостей, которые запутывают и без того не всегда понятную ситуацию», — заявляет Journalism.co.uk — ведущий ресурс, посвященный мировой онлайн-журналистике (http://www.radioportal.ru/articles/17669/5-eticheskikh-standartov-onlain-zhurnalistiki). А хождение по минному полю — занятие не только сложное, но и опасное. И вообще оно нужно — минное поле? И не являются ли разговоры о *собственной* этике онлайна всего лишь стремлением сохранить территорию для непрофессионализма?

А может, как это часто случается, слухи о революции сильно преувеличены и ломать голову особенно не над чем? И «народная журналистика» есть не более чем миф?

Впрочем, вопрос состоятельности или несостоятельности «народной журналистики» не является предметом нашего разговора. Хотя по поводу «отмирания» профессиональной журналистики и замены ее соцсетями редактор газеты «15min», известный литовский журналист Римвидас Валатка однажды с иронией заметил: «Когда умирает больной раком, умирает и рак». Т. е. если представить себе, что однажды исчезнет профессиональная журналистика, добывающая и распространяющая ответственную информацию, то, похоже, неизбежно исчезнет и «народная журналистика», эту информацию использующая.

Кое-что об этических принципах

Сотрудник одного из вполне демократических изданий Беларуси — не слишком юный и достаточно известный как профессионал — пообщался по телефону с коллегой из госСМИ. После чего опубликовал запись этого разговора в Facebook.

О том, что разговор записывается, коллега предупреждена не была и потому говорила несколько свободнее, чем следовало. Согласитесь, приятельский разговор — это одно, а интервью для СМИ — совсем другое.

Некоторое время в Facebook шли дискуссии по этому поводу: правильно ли поступил демократический журналист, выдав несогласованную запись, выставляющую сотрудницу госСМИ в карикатурном виде на всеобщее обозрение? Многие из тех, кто считает себя

[1] Center For Journalism Ethics School Of Journalism & Mass Communication University Of Wisconsin-Madison [Electronic resource].
Mode of access: http://ethics.journalism.wisc.edu).

профессионалами, утверждали, что правильно: во-первых, Facebook — не официальное СМИ, и там все можно. Во-вторых, речь идет не о «своих» из демократических изданий, и потому вообще волноваться не о чем.

Редкие упоминания о том, что этический Кодекс БАЖ требует спрашивать разрешения на запись разговора, утонули в хоре восклицаний: у онлайна свои этические принципы, посмотрите на количество «кликов» и «лайков»!

Кстати, о *«кликах»* и *«лайках»* ☺. С появлением Сети разделение на своих и чужих по корпоративному принципу приобрело черты бесстыдной потасовки. Выступая перед студентами БГУ, руководитель БТ Давыдько позволил себе разъяснение: «Как ведется эта самая идеологическая война? Иногда Александра Григорьевича Лукашенко печатают и *вражеские, скажем так, негосударственные,* средства массовой информации. Допустим, "Белгазета"...»

Впрочем, бог с ним, с Давыдько... В развернувшейся после президентских выборов 2010 года публичной полемике белорусских демократов о том, кто в сложных условиях был бóльшим доносчиком и предателем, в Сети использовались и не такие выражения, круто замешанные на возвышении собственного «я» и дискредитации, оскорблении всех остальных. Свобода!

Но ведь, нравится нам или нет, *путь к свободе идет через запрет зла!* И если *новая этика новых медиа* отменяет этот запрет, есть над чем задуматься.

Профессор Валерий Иванов из Киевского университета имени Шевченко, доктор филологических наук и один из известнейших специалистов в части профессиональной этики журналистов, убежден: этические принципы в связи с изменениями технологии не трансформируются. «Т. е. общие стандарты журналистики не изменяются в зависимости от того, на каком носителе передается информация. Сохраняются требования точности, полноты ссылки на источник и другие», — подчеркивает киевский профессор.

Генеральный секретарь рабочей группы по определению будущего Европы Жига Турк, профессор из университета Любляны, считает: «Нужно сосредоточиться на том, что технические средства связи не могут делать: *создавать*, а не просто распространять интересные истории или хорошую политику. У качества всегда будет рынок. Рост новых информационных технологий нарушил систему только в том смысле, что лучшие перья могут и не состоять в штате газет, а политика необязательно формулируется только в коридорах власти[2].

Такого же мнения придерживается советник Норвежского союза журналистов Стайн Свендсен, который на одной из конференций говорил: «В Норвегии Этический Кодекс един для всех медиа. Когда это касается этических стандартов, я не вижу причин для различий между разными техническими платформами СМИ. Этика служит защите нашей целостности и помогает завоевать доверие общественности. В этой связи медиаплатформа не имеет значения».

«Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Евангелие от Иоанна, 15:13) — так было до твиттеров с фейсбуками, так будет и с приходом следующих новых технологий. Кстати говоря: *«Стыдятся ли они, делая мерзости? Нет, нисколько не стыдятся и не краснеют»* (Книга пророка Иеремии, гл. 6), — это тоже не меняется, но становится все более актуальным.

Мне как главе Комиссии по этике Белорусской ассоциации журналистов пришлось заниматься и проблемой нарушений профессиональной этики в онлайне. Многие помнят историю со статьей Зенона Позняка на сайте «Свабоды», конфликт между юными активистами «Революции через социальные сети». Практика рассмотрения хотя бы только этих заявлений в Комиссию по этике БАЖ и принятия решений по ним продемонстрировала, что и для онлайна (во всяком случае, в указанных выше случаях) работают принципы, уже прописанные в Кодексе журналистской этики БАЖ.

Правила нетикета

Формирование норм профессиональной морали не может быть единовременным явлением. Это живой, не прекращающийся процесс. Например, этические нормы для работников прессы, принятые Норвежским союзом прессы в 1956 году, изменялись и дополнялись девять раз: в 1966, 1975, 1987, 1989, 1990, 1994, 2001, 2005 и 2007 годах.

Постоянно изменяются и дополняются этические кодексы других стран, включая Беларусь. Комиссия по этике БАЖ работает над изменениями и дополнениями в этический Кодекс, которые будут рассмотрены на очередном съезде ассоциации.

Известный исследователь СМИ Майк Зандботе замечает: новые СМИ не вытесняют старые, а расширяют и дополняют их, увеличивая коммуникативные возможности. Интернет объединяет существующие формы общения, стирает границу между индивидуальной и массовой коммуникацией. В своей работе «Медиаэтика в эпоху интернета» Майк Зандботе пишет: задача состоит

[2] Не надо спасать прессу // Новая газета. 2010. 3 марта.

не в том, чтобы изобрести этику интернета, а в том, чтобы развить эту этику путем интерпретации существующих форм общения в интернете и ее переплетения с миром offline. Пользователь, по его мнению, должен полагаться на самоконтроль. А самоконтроль возможен только на основе этических принципов: как уже существующих и проверенных многими годами практики, так и новых, учитывающих особенности современных носителей информации[3].

Тем более что кодексы компьютерной этики уже существуют. Первый из них разработан в США еще в 1979 году (http://referat.yabotanik.ru/jetika/aktualnye-jeticheskie-problemy-sovremennosti/42798/42600/page4.html). Изучая эти кодексы, всякий раз убеждаешься, что построены они на основе уже хорошо проверенных этических принципов «старых» СМИ.

Весной 2013 года ресурс Journalism.co.uk на очередной конференции обсуждал этические вопросы, с которыми сталкиваются журналисты в интернете. Вот основные сформулированные выводы и рекомендации:

• точность важнее скорости;
• прозрачность;
• добавление ценности материалам *(чужие истории должны быть переписаны, а лучше всего дополнены новой информацией)*;
• исправления *(лучшее решение в случаях неточностей — внесение исправлений и признание ошибки)*;
• работа с троллями *(не кормить троллей, отвечать вежливо и сдержанно, важно незримое, ненавязчивое присутствие кого-то из журналистов или редакторов...)*.

Как видим, выводы Journalism.co.uk, как и основные положения кодексов компьютерной этики, родственны принципам, которые уже давным-давно сформулированы в любом этическом кодексе: точность, решительное неприятие воровства информации, необходимость признания ошибок, корректность во всем — даже в комментариях на сайтах.

Язык виртуальных СМИ

Довольно интересны с точки зрения профессиональной этики процессы в языке виртуальных СМИ. Практически все исследователи отмечают проникновение в него ненормированных и ненормативных выражений. *Мы не ругаемся, мы просто разговариваем матом...* Ресурсы типа Facebook и блоги изобилуют не только разговорными и вполне терпимыми терминами вроде «тусовка», «лузер», но и такими изяществами, как «мудак», «пипец», «блин», «наехать», «тырить» и другими — откровенно непристойными, содержащими элементы вербальной агрессии.

Нужно оговориться — такого меньше в СМИ, работающих на белорусском языке. Однако этот вывод касается лишь общественно-политической прессы, ориентированной на зрелых людей. Но в таком виртуальном ресурсе, например, как 34mag.net, где пишут по-белорусски, легко адаптируются русскоязычные кальки «кінцо», «фоткі», «кінуць», «спіздзіць», «гаўно», «круты», «двіжуха», опять же «мудак». И кажется, что ты сидишь не за компьютером, наслаждаясь высокоинтеллектуальным СМИ, а у подъезда, где уже с утра опохмеленная публика роскошествует беседами, круто замешанными на процитированной выше лексике. Правда, у подъездов, на стройплощадках и в армейских коллективах все естественнее, органичнее, я бы сказал, «смачнее». А за подписями интеллектуалов, на статус которых всегда претендовали журналисты, такое выглядит даже не убого... Противно! Словно вместо благородного стародорожского самогона тебе подсунули всего лишь никудышный костюковичский ☺.

Часто в общении с коллегами приходится слышать, что внедрение ненормированной (и даже ненормативной) лексики в язык СМИ — это закономерный и необходимый процесс, продиктованный временем. Так как будто ближе к народу. И, следовательно, нужно называть вещи не вполне приличными именами. Хотя есть вполне приличные... Это и есть «новая этика»?

Впрочем, такого рода умствования регулярно возникали и так же регулярно исчезали. Да, существуют серьезные причины проникновения ненормированной и ненормативной лексики в язык СМИ. Исследователи называют некоторые из них:

• криминализация общественного сознания, вызванная увеличением количества деклассированных элементов;
• снятие цензурных запретов;
• отсутствие эквивалента в нормированном языке...

Крупные российские исследователи языка В. Г. Костомаров и Н. С. Валгина считают, что наплыв жаргонизмов и слов, близких к российскому мату, закономерен только в том смысле, что подобное всегда происходит во времена социальных потрясений. Известно, что в течение XX в. русский язык трижды испытал нашествие арготизмов: в 1910–1920-е годы (Первая мировая, гражданская войны, две революции, концлагеря и беспризорность, амнистия); в 1940–1950-е годы (Отечественная война, немецкие концлагеря, ГУЛаг, крупная амнистия); в конце 1980-х — 1990-е годы (перестройка, развал СССР, этнические войны, лагеря, амнистия)[4]. Большое количество людей в такие времена оказывается в тюрьмах, воспринимает криминальную лексику и выходит с ней в общество, распространяя ее. Правда потом, по мере стабилизации жизни общества, язык СМИ всегда возвращается к норме, оставляя в употреблении лишь новые экспрессивные выражения и словосочетания, не имеющие эквивалента...

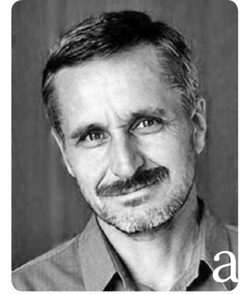
Т. е. во всех практически перечисленных случаях речь не идет об изменении этических принципов, выработанных обществом на протяжении веков его существования. И именно на них и держатся основные свободы — в том числе свобода писать и свобода читать.

Фото из архива «А»

[3] Sandbothe M. Media philosophy and media education in the age of the Internet // J. of philosophy of education. 2000. Vol. 34, № 1. P. 53–69; Sandbothe M. Interaktivität — Hypertextualität — Transversalität. Eine medienphilosophische Analyse // Mythos Internet. Frankfurt am Main, 1997. S. 56–82.

[4] Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособ. М.: Логос, 2003. 304 с.

Заступлюся за рэдактараў-кансерватараў

Аляксандр КЛАСКОЎСКІ,
mediakritika.by

Пакаранне тыднёвым арыштам аўтара нашумелых жорсткіх ролікаў пра будні МАЗа ды спальнага раёна Мінска апрыёры выклікала хвалю спагады з боку прагрэсіўнай інтэрнэт-публікі. Гэтакая ж натуральная і трывога за лёс адносна вольнай пакуль што пляцоўкі для выказвання — байнэту. Калі ўлады, асабліва «органы», і надалей будуць займацца «санацыяй» Сеціва з такім імпэтам, як апошнім часам, то многім пазатыкаюць раты.

Аднак гэты сюжэт падштурхоўвае, у прыватнасці, і да дыскусіі пра прафесійныя крытэры медыйнай працы.

У вышуку грамадзянін Маякоўскі...

Відавочна, што Мірзоеў — хлопец таленавіты, смелы — наступіў на мазоль начальнікам, і на яго банальна «наехалі». Здаецца, упершыню праваахоўнікі і дзяржаўныя медыі нават не ўтойвалі, што артыкул за лаянку ў грамадскім месцы аўтару скандальных ролікаў прышылі белымі ніткамі. Насамрэч гэта ўрок, каб іншым выкрывальнікам-аматарам непанадна было выносіць смецце з хаты, псаваць прапагандысцкую карцінку квітнеючай Беларусі.

Менавіта такую выснову робіць, у прыватнасці, **Зміцер Галко** ў артыкуле «Справа Мірзоева: дзяржава ў барацьбе за “прывабнае аблічча”» на ***Mediakritika.by***. Разам з тым аўтар, сам вядомы блогер, трактуе ролікі Мірзоева як адзін з нешматлікіх узораў грамадзянскай журналістыкі, з выкарыстаннем якой *«не клеіцца»* ў рэдактараў айчынных недзяржаўных медыяў.

«User-generated content (карыстальніцкі кантэнт) складае мізэрную долю матэрыялаў, што друкуюцца, — зазначае Зміцер Галко. — *Не бяруся меркаваць, што таму больш віной — кансерватызм рэдактараў ці чытацкай аўдыторыі, але як ёсць, так ёсць».*

І вось тут хочацца разабрацца болей грунтоўна.

Па-першае, некарэктна атаясамліваць карыстальніцкі кантэнт з грамадзянскай журналістыкай. Бо хвасты каментаў пад некаторымі артыкуламі значна даўжэйшыя за самі тэксты і нярэдка іх проста забіваюць (ва ўсіх сэнсах), так што казаць пра мізэрную долю не выпадае. Але ж там і не патыхае грамадзянскай журналістыкай, а пануюць тролінг ды хамства.

Па-другое, што такое ўвогуле грамадзянская журналістыка? Ці можна прылічваць да яе кожны выстаўлены ў публічны доступ твор аматара-нонканфарміста?

Медыйны аналітык **Паўлюк Быкоўскі** ў каментары для ***Mediakritika.by*** выказаў сумнеў у тым, што ролікі Мірзоева можна назваць грамадзянскай журналістыкай, у прыватнасці, праз прысутнасць у іх элементаў маніпуляцыі, у выніку чаго цяжка адрозніць рэальнае ад інсцэнаванага.

«Гэта можа нагадваць прыклады прапагандысцкіх матэрыялаў, якія ёсць на тэлебачанні», — кажа эксперт. І згадвае, у прыватнасці, папулярную некалі праграму «600 секундаў» расійскага праўладнага тэлевізійніка **Аляксандра Няўзорава**.

Хтосьці схільны разглядаць ролікі Мірзоева, хутчэй, як творы нонканфармісцкай, андэграўнднай культуры (ці контркультуры?). Тады болей лагічна праводзіць паралель з творчасцю гуртоў кшталту «Ляпіса Трубяцкога». Гэта асобная з’ява, і ў мастацтве, дарэчы, табуяваную лексіку варта ацэньваць па іншых канонах, чым у побыце ды СМІ. Інакш праваахоўнікі хутка будуць лавіць грамадзяніна Маякоўскага за радок «Я лучше в баре бл...м буду подавать ананасную воду»: дыскрэдытацыя грамадскага харчавання і барацьбы з прастытуцыяй!

Ці можа быць грамадзянская хірургія?

Далей я абстрагуюся ад справы Мірзоева і буду разважаць пра грамадзянскую журналістыку як такую. Сёння модна пра яе гаварыць, пры тым што роскід саміх уяўленняў пра прадмет

неймаверны. Некаторыя ўвогуле сумняюцца, што яна існуе. Іншыя разглядаюць яе як розум, гонар і сумленне нашай эпохі.

Некалькі гадоў таму была эйфарыя з нагоды з'яўлення гэтага феномена. Мяркую, тых, хто пляскаў у ладкі, проста дастала банальнасць, стэрэатыпнасць падыходаў ды стылю многіх традыцыйных СМІ.

Аднак прагноз, што таленавітыя аматары, гэтыя галодныя ваўкі-адзіночкі, заткнуць за пояс загрузлых у ляноце ды канфармізме профі-журналюгаў, не спраўджваецца і, я ўпэўнены, не спраўдзіцца.

Па-першае, новая канкурэнцыя добра дала па мазгах паўсонным газетным рамеснікам. Яны заварушыліся, сталі шукаць інфармацыйныя нагоды, сюжэты, калізіі ў блогах ды сацыяльных сетках, пераймаць разняволеную манеру пісьма, дадалі драйву ў свае тэксты. Па-другое, грамадзянская журналістыка паказала і свае хібы, сваю абмежаванасць.

Некаторыя профі саркастычна пытаюць: «А ці можа быць грамадзянская стаматалогія, грамадзянская хірургія?»

Ва ўсякім разе, калі і ёсць ніша для грамадзянскай журналістыкі, то яна даволі сціплая. Паўнавартасных, самадастатковых твораў у гэтым жанры — кот наплакаў. Астатняе — сыравіна. Не ўсюды можа дапяць прафесійны рэпарцёр. І таму, напрыклад, аўтарытэтныя тэлеканалы выкарыстоўваюць відэа з мабільнікаў, зробленае асобамі, блізкімі да антыўрадавых сіл у Сірыі, але з агаворкай: паведамленні пра змест сюжэтаў не спраўджаны з незалежных крыніц. І сапраўды, такія саматужныя мультымедыйныя матэрыялы — той выпадак, калі цяжка разабрацца, ці ён кажух украў, ці ў яго ўкралі.

«Плётка». Норман Роквел

Калі можна ўсё, то пра якасць лепей не заікацца

Выразна бачна, што беларускія анлайнавыя рэсурсы падзяліліся ў падыходзе да карыстальніцкага кантэнту. *«Салідарнасць»*, напрыклад, прынцыпова абыходзіцца без форумаў, блогерскіх рубрык. Шэраг інтэрнэт-СМІ відавочна мадэруюць такі кантэнт. На некаторых жа пляцоўках можа стаць блогерам і жук і жаба.

Пасля чыткі асобных опусаў, асабліва пад нікамі, хочацца двойчы вымыць рукі з мылам. Паліванне нечыстотамі, асабліва распаўсюджанае ў палітызаванай сеціўнай тусоўцы, — гэта і ёсць грамадзянская журналістыка? І кіраўнікі рэсурсаў, ад якіх нясе водарам сапсаванай каналізацыі, сур'ёзна ўважаюць сябе за падзвіжнікаў свабоды слова?

На гэтым тле хочацца абараніць рэдактараў-«кансерватараў», што вельмі асцярожна ставяцца да аматарскага кантэнту і наўрад ці разгоняцца ставіць на свае сайты, у прыватнасці, матэрыялы з табуяванай лексікай, няспраўджанай фактурай і са здымкамі асоб, змешчанымі без іх згоды.

І не толькі таму, што можна трапіць пад суд. Проста ёсць прафесійныя патрабаванні да імавернасці, каноны журналісцкай этыкі. І калі гаворка ідзе пра адказныя медыі, то гэтыя прынцыпы мусяць распаўсюджвацца на ўсю рэдакцыйную палітыку.

Дарэчы, моцныя блогеры нярэдка атрымліваюць прапановы сталай працы ці супрацы ад СМІ і пачынаюць так ці іначай дзейнічаць у рэчышчы іх рэдакцыйнай палітыкі. Пра што сведчыць досвед самога Змітра Галко. Мірзоева нібыта хацелі паглядзець на ролю вядоўцы нейкага шоу на расійскім канале. Калі дойдзе да справы, то людзі з канала пэўна ж патлумачаць, што можна, а што не вітаецца. І гэта нармальна. Тым прафесійныя СМІ і адрозніваюцца, скажам, ад сацыяльных сетак, дзе нібыта можна ўсё, але пра якасць змесціва лепей не заікацца.

Пры гэтым сёння, у эпоху вэбу 2.0, анлайнавыя СМІ не могуць абысціся без карыстальніцкага кантэнту, адзначыў у каментары для ***Mediakritika.by*** намеснік старшыні БАЖ юрыст **Андрэй Бастунец**. Аднак, мяркуе ён, і ў дачыненні такога кантэнту рэдактары мусяць датрымлівац аўтарскае права, патрабаванні прафесійных этычных кодэксаў.

Суразмоўца нагадаў выснову камісіі па этыцы БАЖ адносна кейса «Кузняцоў супраць Пазняка». Яе сутнасць такая: усе матэрыялы на старонках СМІ мусяць адпавядаць патрабаванням заканадаўства і прынцыпам журналісцкай этыкі, нават калі гаворка ідзе, у прыватнасці, пра блогерскія допісы.

Стандарт — і вораг, і козыр СМІ

Такім чынам, праца з карыстальніцкім кантэнтам — гэта выклік для медыяў. Бо калі слабаватыя творы маладога рэдакцыйнага супрацоўніка мэтры іншым разам разрабляюць як бог чарапаху, то неяк недарэчна выпраўляць тэксты блогераў, лезці з нажніцамі ў ролікі аўтараў-аматараў. Перакрэсліваецца ўвесь шарм моднага феномена. Але і глядзець скрозь пальцы на пэўныя рэчы за мяжою фолу рэдакцыя, што шануе сваю рэпутацыю, не можа сабе дазволіць.

З аднаго боку, адзначае Паўлюк Быкоўскі, прафесійным медыям цяжка адмовіцца ад таго кантэнту, што ствараюць не журналісты, бо цяпер існуе наўпростая канкурэнцыя — у сацыяльных сетках, на іншых рэсурсах. З іншага боку, *«якасць журналісцкіх матэрыялаў моцна адрознівае іх ад аматарскіх»*, бо непрафесіяналы часта не ведаюць адмысловага *«журналісцкага штукарства»*.

У выніку, напрыклад, буйныя парталы мэтанакіравана *«правакуюць публіку выказвацца, прапаноўваць свой кантэнт»*, але разам з тым зведваюць цяжкасці, каб *«адабраць тое, што ёсць праўдзівым і насамрэч цікавым»*, кажа эксперт.

Ён адзначае, што з беларускіх парталаў актыўна выкарыстоўвае карыстальніцкі кантэнт *TUT.BY*, але разам з тым гэта робяць там *«з вялікай перасцярогай, перапраўляюць»*. На думку Быкоўскага, у гэтым кірунку варта рухацца і іншым рэдакцыям.

Андрэй Бастунец, у сваю чаргу, падкрэслівае: калі мы маем на ўвазе адказныя медыі, то ім варта, хутчэй, адмяжоўвацца ад жаўцізны, чым пераймаць у аўтараў-аматараў прыёмы, што знаходзяцца па-за межамі этычных стандартаў.

Сапраўды, прафесійная журналістыка, з аднаго боку, пакутуе праз стандартызаванасць, але, з іншага — як ні парадаксальна — акурат і моцная, каштоўная датрыманнем шэрагу стандартаў. Яшчэ болей, менавіта ў гэтым яе шанец на выжыванне, яе перспектыва.

Чым болей будзе ў кожнага магчымасцяў запосціць нешта адным пальцам на сусветную аўдыторыю, чым мацней будуць віраваць плыні нерэдагаванага кантэнту, уключна з лухтой, дэзай, паклёпамі, тым болей будуць цаніцца аўтарытэтныя рэсурсы з выразнай рэдакцыйнай палітыкай, што прапануюць якасны кантэнт.

Facebook не делает нас счастливее

Согласно новому исследованию ученых Мичиганского университета, опубликованному в журнале «PLOS ONE», у человека, использующего социальную сеть Facebook, может ухудшиться общее самочувствие и снизиться ощущение удовлетворенности собой и собственной жизнью.

В ходе данного исследования изучался вопрос о самочувствии и состоянии людей, общающихся в Facebook в разное время суток. В результате была выявлена закономерность: чем больше времени они проводили в данной социальной сети, тем менее удовлетворенными себя чувствовали, а с увеличением времени, посвященного иным способам общения, самочувствие участников исследования улучшалось.

В исследовании приняли участие 82 совершеннолетних пользователя Facebook, среди которых были как мужчины, так и женщины разных рас и национальностей. Не менее пяти раз в день они проходили опросы, которые присылались им исследователями в течение двух недель. Участники получили вознаграждение в размере 20 долларов США и возможность принять участие в розыгрыше iPad 2.

В ходе этих регулярных опросов испытуемым приходилось отвечать, как они себя чувствуют, ощущают ли они себя одинокими или озабоченными чем-то. Участники должны были указать, заходили ли они на Facebook с момента последнего опроса или же связывались с людьми, используя другой способ общения.

Выяснилось, что чем больше испытуемые пользовались Facebook в течение периода исследования, тем хуже они себя чувствовали. Авторы также попросили участников оценить уровень удовлетворенности жизнью в начале и в конце исследования и обнаружили, что те из них, кто больше пользовался Facebook в течение этих двух недель, испытали снижение уровня удовлетворенности.

«На первый взгляд, Facebook является бесценным источником, обеспечивающим основную человеческую потребность — потребность в общении. Но вместо того, чтобы улучшать самочувствие, пользование данной социальной сетью приводит к противоположному результату», — приводит британская газета «The Telegraph» слова Этана Кросса, психолога, одного из авторов данного исследования.

По материалам MedPortal.ru

Анатолий САНОТЕНКО

Неизвестная Беларусь Владимира Шарникова

Пешеходный мостик на реке Западная Березина у деревни Поти. 2004 г.

Фото Александра Чугуева, komkur.info

Фотограф из Бобруйска бажевец Владимир Шарников обошел пешком и объездил на велосипеде более 2300 населенных пунктов, отражая в своих фотографиях Беларусь, которую мы еще не потеряли. На фотопортале «Znyata.com» его называют человеком-легендой.

Вначале было... фото

Владимир Васильевич родился в начале 50-х годов прошлого века в семье военного.

Профессия военного тогда была в фаворе, военнослужащих уважали, почти боготворили: как-никак победители, освободители родной земли...

Выбрал эту профессию, выучившись на артиллериста, и герой нашего очерка.

Тогда Владимир Васильевич еще никак не был связан с фотографией. Все еще было впереди.

Пока же была служба в Туркмении, Узбекистане, Афганистане, под Москвой, в ГСВГ (ГДР). Было постижение жизни и себя.

Женился, родилась первая дочь, вот тут жена Владимира Васильевича и сказала: «Ты будешь нашего ребенка фотографировать!» Первая улыбка, первые шаги...

До этого момента он фотоаппарата в руках никогда не держал. Но жены военных — всегда выше их по званию, надо подчиняться...

В общем, взял Владимир Васильевич отцовский «ФЭД», стал разбираться. Фотографическое дело изучал по самоучителю: что такое фотопленка, перфорация, как заправлять пленку, как проявлять ее... Потом купил проявители, закрепители — все как полагается, как в книжке сказано.

Он полюбил это — фиксировать, запечатлевать мимолетные мгновения жизни, ускользающую красоту бытия.

Понимание того, как правильно фотографировать, делать хорошие, качественные снимки, приходило с опытом. Многое также почерпнул в журналах, посвященных фотографическому искусству. Об этом времени он с иронией говорит так: «Считал себя очень крутым фотографом. А на самом деле был просто начинающим фотолюбителем».

Вообще, ирония и самоирония присущи Владимиру Васильевичу. Это его фишка, его бренд. Без этого не обходится ни один разговор: любит наш герой пошутить — и над собой, и над обстоятельствами. Но об этом — позже.

Так, снимая то, что приглянулось, что легло на душу, он интуитивно искал в фотографии себя, свой стиль. На фото тех лет — лица, городские виды, солдаты, боевые действия, разрушенная взрывом техника...

Снимал он тогда «Зорким» и «Зенитом», делая черно-белые снимки (цветная пленка была страшным дефицитом и не давала нужного качества), вытягивая из своих фотоаппаратов все, что только было можно.

Проходя службу в Группе советских войск в Германии и подкопив на новом месте немного денег, приобрел знаменитую «Практику». С объективами (страшный дефицит и мечта всех фотолюбителей Советского Союза). Это по тем временам чудо фототехники уже позволяло «развернуться».

«“Практика”, да еще с объективами — это было по тем временам выше крыши, — шутит Шарников и добавляет: — Да и объектов для съемки в ГДР было куда больше».

«Его зарыли в шар земной»

Германия оказалось не просто новым, а уникальным периодом в его жизни.

Недалеко от воинской части, в которой служил капитан Шарников, была братская могила советских солдат. («Очень, кстати, ухоженная, — подчеркивает наш герой, — как и все подобные захоронения на немецкой земле».) Он сначала сфотографировал этот мемориал. Потом как-то ехал по тем местам, смотрит — еще одна братская могила. Задумался: «А сколько их всего?» Стал интересоваться, ездить, снимать. Но не только снимать, а выписывать фамилии погибших воинов, составлять списки... В итоге — когда сверили — оказалось, что данные капитана Шарникова более точные, чем в штабе ГСВГ.

О нем написала газета «Правда», потом — «Красная звезда» и «Советская Белоруссия». Затем приехала съемочная группа из Министерства обороны СССР. А позже — кинодокументалисты с «Беларусьфильма». Известный белорусский режиссер Анатолий Алай снял о нем получасовой фильм. Использовав в названии строчку из стихотворения поэта-фронтовика Сергея Орлова: «Его зарыли в шар земной».

Пять лет капитан Шарников занимался съемками и составлением списков погибших — сам по себе, по собственной, так сказать, инициативе. Когда же о нем стали писать, сняли фильм, решением Главнокомандующего ему на один год продлили службу в ГСВГ (по правилам, более пяти лет за границей нельзя было служить), присвоили очередное воинское звание, назначили на должность в штабе Группы войск.

С этого времени и до конца службы в ГДР он занимался только этим своим проектом, который сам же и придумал (по тем временам это было неслыханной вольностью!).

«Лучше меня эту тему не знает никто, — говорит Владимир Васильевич. — Все, что связано с советскими солдатами, с их захоронениями на территории ГДР, — все это прошло через мои руки».

Причем, как он подчеркивает, из ста тысяч «официально» погибших во время Берлинской операции известны имена лишь около тридцати тысяч человек...

Вот эти тридцать тысяч имен, фамилий и собрал и систематизировал он в своих списках.

«Остальные фамилии, видимо, мы уже не узнаем — никто ведь не ищет, не занимается исследованиями такого рода», — с горечью резюмирует он.

«А что такое профессионал? Я и сейчас учусь!»

Потом начался вывод войск, майора Шарникова перевели в родной Бобруйск, где жили его родители.

В Бобруйске он стал сотрудничать с местной прессой, делать для них портретные снимки, фоторепортажи. Постепенно приходило понимание того, что нужно для газет, а фотографии становились все лучше и лучше.

Его заметили, пригласили на работу в многотиражку Белорусского шинного комбината, где он нашел «тихую фотографическую гавань» на целых 14 лет.

Но одновременно с этим по-прежнему много снимал для молодой негосударственной прессы, выходящей в Бобруйске.

Как теперь вспоминает Владимир Васильевич, поднять свою профессиональную планку, перейдя из разряда провинциального газетного фотографа в ранг фотокорреспондентов, снимающих «на уровне», ему помогло сотрудничество с лучшим спортивным изданием Беларуси — газетой «Прессбол». Примерно с 1997 года он стал отправлять с каждого футбольного матча родной «Белшины» несколько снимков в эту газету. Его оценили, предложили постоянное сотрудничество.

Когда же Шарников по семейным обстоятельствам переехал в Минск, то пять лет работал в штате этого издания.

В начале 2000-х он много снимал также и для «Комсомольской правды в Беларуси», где его любили и уважали. («Тогда эта газета позволяла себе в освещении событий намного больше, чем сейчас», — уточняет он.)

Ковшары.
2004 г.

Селиба.
2004 г.

Праздник в Аношках.
2007 г.

Кабанчик. Бояничи.
2000 г.

Между тем Шарников и сейчас много снимает футбол, по-прежнему не пропускает ни одного матча «Белшины», мотается с командой по всей стране.

Но на вопрос о профессионализме — с высоты своих лет и опыта — отвечает мудро-иронично: «А что такое профессионализм? Я и сейчас учусь!»

Правда, потом «хитро» добавляет: «Вот спортивная фотография у меня действительно получается. Наверное, есть у меня к этому делу какие-то способности...»

Жизнь как есть...

«Без укосов и надоев, без процентов, центнеров, гектаров и намолотов», — так звучит полное название знаменитого фотографического проекта Владимира Шарникова.

Ему уже ни много ни мало, а одиннадцать лет. Дело было так. К 2002 году Шарников уже достаточно поездил по Беларуси, посмотрел на страну, на ее села и деревеньки. И вот во время очередной поездки его осенило: «А ведь это надо фиксировать!» Ведь столько всего интересного есть в Беларуси, такие места, такие люди! А этого никто не видит. Если не зафиксировать — на пленке или в «цифре», — все исчезнет, ничего не останется...

С тех пор и стал он ездить по «неизвестной Беларуси». За свой счет, на велосипеде, за день проезжая и проходя весной, летом, осенью по 70–100 километров, зимой — пешком — до 30 километров.

Определял примерный маршрут по карте, садился на велосипед — и вперед, в неизвестное. Когда объехал окрестности Бобруйска, стал использовать дизель-поезда и электрички, отъезжая от города все дальше и дальше.

Бывало (и не раз!) задерживался он в дороге, опаздывал на последний дизель, и приходилось всю ночь крутить педали в сторону дома.

Чтобы не галопом по Европам, он часто выезжал с «сознательной» ночевкой, чтобы не спеша походить по деревням, пообщаться с людьми, заметить то, что на бегу не увидишь.

Ночевал обычно в стогу сена или соломы или на закинутом сеновале возле заброшенной хаты. Если находил их. А случалось, и просто в лесу или в чистом поле. «Надо уметь...» — улыбаясь в свои знаменитые гренадерские усы, говорит он.

«Сейчас народ совсем другой — настороженный, напуганный: никто не пускает к себе ночевать. Давно уже нет того "знаменитого" белорусского гостеприимства, к которому мы привыкли...» — поясняет Владимир Васильевич.

«Но все имеет свои плюсы, — продолжает он. — Просыпаешься рано утром, вылезаешь из стога — а кругом такой вид! Восход, облака или туман, неподалеку речка течет, первые лучи солнца пробираются сквозь лес... В общем, для фотографии — то, что надо. Причем это не постановочная съемка (которой, кстати, Владимир Васильевич никогда не пользуется. — *Авт.*), это сама жизнь. Такая, какая она есть на самом деле».

Правда, не все понимают его «фотохудожнические» устремления. Неизвестный человек, да еще с фотоаппаратом в руках — для деревни это практически ЧП. И если «мирные» сельчане могут просто аккуратно поинтересоваться: «А кто такой, а что Вам надо?» — то граждане «при должностях», случается, нападают с почти прокурорскими расспросами: «А что ты тут фотографируешь? А кто разрешил?»

«А кто запретил?» — отшучивается в таких случаях Владимир Васильевич. И объясняет какому-нибудь слишком уж подозрительному председателю колхоза (или вроде того): «Меня твоя развалившаяся ферма не интересует, такого добра по всей стране хватает. Я за красотой к вам приехал».

Но «председатель» после этих слов обычно еще более укрепляется в своих подозрениях. Мол, всю жизнь здесь живу, нет тут никакой красоты! А про себя явно думает: «Шпион! Точно шпион!» Но Шарников продолжает терпеливо объяснять: «Смотри, как падает свет, как он освещает ваши хаты, стога и лес вдалеке...»

Но иногда, чтобы сразу сбить волну опаски и недоверия со стороны сельчан, он так и говорит им, отвечая на подобные расспросы: «Да, американский шпион, вертолет стоит за лесом...» Тут уж вся деревня начинает понимающе смеяться-ухохатываться, и Владимир Васильевич беспрепятственно и весело приступает к работе: снимает колоритных сельских жителей (балагуря с ними при этом о том о сем), выстроенные местными умельцами резные домики, разукрашенные тамошними художниками фасады, детвору на заборе, мужика, вместо коня тянущего за собой телегу, колодцы, старинные церкви... Да мало ли что может попасть в вездесущий фотообъектив Шарникова!..

За годы таких съемок у него давно уже сформировались темы и подтемы: «Человек», «Природа», «Домашние животные», «Дурачье» (здесь он поясняет: «Стоит сосна, на ней висит плакат "Отстой диких животных". На автовокзале прикреплена табличка "Отстой автобусов"»). Отдельная большая тема — «Народная архитектура», которая имеет свои подтемы: «Окно», «Колодец», «Художник»...

И это еще не все — много их, этих «рубрик».

«Но белорусская деревня вымирает, — с горечью констатирует Владимир Васильевич. — Например, то, что я снимал десять, пять лет тому назад, сейчас, может быть, уже и не существует. Нередко в наших деревнях зимой можно увидеть такую картину: из всех жителей — две бабушки и одна собачка. А в тех селах, где раньше, судя по номерам, было 150–300 домов, сейчас жилых только 25–30. И это в живописнейших местах, например, южнее Жлобина на берегу Днепра, где только бы жить и жить!..

Или, к примеру, Кличевский район — там "живых" только восемь-девять деревень осталось. А в остальных тридцати-сорока деревеньках жизнь вымирает. Этого невозможно не заметить».

Вот эту ускользающую от нас жизнь и стремится зафиксировать Шарников.

И мечтает выпустить фотоальбом, посвященный этой теме.

За одиннадцать лет он объехал 2381 населенный пункт. А ведь еще осталось около 23 тысяч...

КАЖДЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Утверждение, вынесенное в заголовок, для многих людей в Беларуси является вопросом. Общество неоднозначно реагирует на тяжкие преступления, но солидарно негодует в случае судебной ошибки. Мораторий на смертную казнь — самый логичный и необходимый способ разобраться с сомнениями.

Но власти на предложение о моратории реагируют нервно. И поддержка кампании правозащитников за введение моратория на смертную казнь часто опасна для журналистов.

Стоит ли на эту тему писать? Качественны ли публикации, появляющиеся в прессе? Как разобраться с личными эмоциями и сомнениями (ведь журналисты — тоже люди)?

По инициативе Белорусской ассоциации журналистов в редакции «Брестского курьера» состоялся круглый стол, в котором приняли участие представители партий, юристы, правозащитники и журналисты. Предлагаем читателям «А» обзор высказанных мнений.

Николай Александров, главный редактор «Брестского Курьера»:

— Мы в «Брестском курьере» писали и будем писать на эту тему. Общественная реакция обострилась после того, как состоялся суд над Коноваловым и Ковалевым и приговор о смертной казни осужденных был приведен в исполнение. Тогда Европа и белорусская общественность всколыхнулись, поскольку остались вопросы и недоумения. Главное недоумение — то, что Беларусь оказалась единственной страной в Европе, которая сохраняет смертную казнь в своем законодательстве. Наши ближайшие соседи Россия и Украина ввели на смертную казнь мораторий и не приводят приговоры в исполнение, заменяя казнь пожизненным заключением.

Считаю, что Беларусь живет еще «на территории» Ветхого Завета, а Европа — «на территории» Нового Завета. В Ветхом Завете действует принцип «око — за око, зуб — за зуб», а Новый Завет — это философия христианства, которая считает, что человек сохраняет образ и подобие Божие, стремится к максимальному милосердию, способен к покаянию, исправлению. Как говорится в балладе: «Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил».

Когда в 1996 году в Беларуси провели референдум, где одним из пунктов был вопрос, сохранять ли смертную казнь, во многом производилась манипуляция общественным сознанием, и люди машинально голосовали «за». Это парадоксы массового сознания. Такие вопросы решаются не плебисцитами, а элитой общества, потому что она обладает более четким правосознанием и не руководствуется эмоциями и житейскими суждениями.

Игорь Кабалик, юрист:

— Из присутствующих здесь никто не видел живого «смертника», приговоренного судом к высшей мере наказания, а я в свое время пять лет осуществлял надзор за местами лишения свободы, и мне приходилось не раз видеть «смертников», даже одного дважды «смертника». Первый раз, еще в советское время, его приговорили к «вышке», которую заменили на 15 лет тюрьмы, второй раз видел его же в СИЗО, где он ожидал смертную казнь за очередное убийство двух человек.

Я бы обратил внимание на процесс осуждения к смертной казни. Тут прозвучал пример смертного приговора двум гражданам за взрыв в минском метро. Власть признает этот приговор законным, а часть общества — сомнительным. В этом случае, думаю, в цивилизованном государстве суд не выносил бы приговор о высшей мере наказания, а определил бы им пожизненное заключение.

К тому же неизвестно, что гуманнее: смертная казнь или пожизненное заключение. При пожизненном заключении человек проводит всю оставшуюся жизнь в изоляции ото всех — в камере размером 2 на 4 метра. Он пытается повеситься или вскрыть себе вены, а его спасают — и он опять сидит, пока не умрет естественной смертью.

И главное: считаю, что приговор о смертной казни должен выносить не один судья, а судебная коллегия как минимум из трех человек. Суд присяжных тоже не вправе решать судьбу человека: они — люди эмоций, не профессионалы, на них больше действуют слезы, чем юридически доказанные факты.

Смертная казнь, согласно ст. 24 Конституции, — это исключительная мера наказания. И применяться она должна в исключительных случаях и только по приговору суда. Такие приговоры должны выноситься публично, а не так, как у нас, — в засекреченном режиме. Если нельзя пускать людей в зал заседаний, значит, надо транслировать такие процессы в другом помещении суда или в режиме онлайн в интернете.

У меня нет однозначного мнения по вопросу, нужно или не нужно применять высшую меру наказания. В отдельных случаях, как говорят, убийцу надо живьем закопать, а в других случаях — я против, когда не вижу этого процесса и не знаю его материалов. Но в связи с тем, что в Конституции и Уголовном кодексе есть статья о смертной казни, я как юрист не могу выступать против основного закона страны.

Роман Кисляк,
юрист и правозащитник:

— Я тоже видел «смертников», но не в местах лишения свободы, а в судебной кассационной инстанции, после того как приговор оставался в силе. Вступил в кампанию против смертной казни до того, как она началась в 2009 году в правозащитных организациях. Я видел, сколько несправедливостей существует в этих процессах. Я — профессиональный юрист, в прошлом — член областной коллегии адвокатов, участвовавший в процессах 2007–2008 годов, связанных с убийствами. Меня на одном процессе поразила позиция адвоката убийцы. Тот преступник изнасиловал парня, позже умершего от этого. Как можно оправдать защитника, который воспользовался речью, написанной ему этим подзащитным? О каком качестве юридической помощи может идти речь? Адвокаты, особенно в регионах, боятся браться за такие дела. Я вижу, что здесь есть проблема.

С 2009 года мы наблюдали процессы, в которых обвиняемые в убийствах обжаловали приговоры о смертной казни. Мы пытались помочь им в апелляциях.

В каждом из шести уголовных дел, которые приходилось изучать, мы находили нарушения минимальных стандартов справедливого правосудия. Мы не знаем, как в деле Коновалова и Ковалева проходил сам процесс, как соблюдались обусловленные законом стандарты, как проходила их защита, потому что все известно только со слов представителя прокуратуры.

Все дела, которые я изучал, были обжалованы в Комитете по правам человека ООН — из-за несоблюдения минимальных стандартов ведения справедливого процесса. Например, по вопросу презумпции невиновности, когда человек, еще не осужденный, представляется как преступник, вводится конвоирами в зал суда носом в пол, в результате чего формируется отношение к нему суда и общественного мнения. Еще идет следствие, а высокие должностные лица высказываются о нем в обвинительном тоне.

Были недостатки и по процедурным вопросам, это было обжаловано в Комитете ООН. В таких случаях исполнение высшей меры наказания должно было быть приостановлено, но, к сожалению, это не предусмотрено нашим законодательством. В свое время бывший министр внутренних дел Республики Беларусь заявил, что не живет по законам ООН.

До дела Коновалова и Ковалева люди мало интересовались процессами, связанными со смертной казнью. К примеру, дело Василия Юзепчука, осужденного к высшей мере наказания за убийства пожилых людей в Дрогичинском районе,

процессы над Андреем Жуком в Солигорском районе, Гришковцовым и Бурдыко...

Соблюдение процедуры подразумевает гарантию представления позиции защиты. Обвинение и защита — это равновесные позиции судопроизводства. Но зачастую суды сразу становятся на сторону обвинения. В мире не существует идеальной системы правосудия, но лучше бы у нас был суд присяжных со всеми его недостатками.

В Беларуси, на мой взгляд, возможно применение смертной казни, но только после такого суда, который бы отвечал самым минимальным гарантиям правосудия, оговоренным в Пакте о гражданских и политических правах, который подписала Республика Беларусь. Если нет этих гарантий, это по международным правилам квалифицируется как произвольное лишение жизни в результате несправедливого процесса.

Но смертная казнь — это наказание, которое невозможно потом исправить! Сама ее процедура нарушает гражданские права родственников приговоренных к исключительной мере наказания. В докладе «Международной амнистии» о смертной казни в 2012 году говорится, что в графе о причине смерти Ковалева «сведения не представлены». Это вопиющий факт для системы исполнения наказаний МВД. Родственникам не говорят, что человек был расстрелян, а сообщают: «Убыл по приговору». Неизвестно место захоронения, тело его не выдается. О смерти человека узнают либо из свидетельства о смерти, либо из решения Верховного Суда.

А на Филиппинах, когда человека приговаривают к смертной казни, ему перед этим дают 10 дней, чтобы он при жизни закончил все свои земные дела: написал завещание, простился с родственниками, может, как-то решил вопросы своего бизнеса, если таковой имелся... У нас же осужденный на смерть узнает о ней в день приведения приговора в исполнение. У него нет реальной возможности проститься, родственники узнают об исполнении приговора от адвоката уже постфактум.

Как осужденный на смерть, лишенный связи с адвокатом, может тут же подать жалобу в Комитет по правам человека ООН? А ведь ст. 61 Конституции гласит, что, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, каждый вправе обращаться в международные организации в соответствии с ратифицированными у нас международными правовыми актами. К тому же, согласно Венской конвенции, государство не может не исполнять международные обязательства, ссылаясь на свое внутреннее законодательство. Изменение законодательства — это проблема государства.

Мы не можем денонсировать Пакт о гражданских и политических правах применительно к Беларуси.

В Европе смертная казнь воспринимается как дикость, а Беларусь еще себе это может позволить. На США не надо равняться: там существует 51 система правосудия на уровне штатов: в одних смертные приговоры отменены, в других — остались. И Америка не входит в Совет Европы.

Николай Александров:

— Вопрос сохранения смертной казни или ее отмены все-таки зависит не от исторического состояния общества, а от какой-то интеллектуальной «наполненности» общества. К сведению, в самый разгар революции в России, в 1906 году, после того как стреляли в губернаторов и убили великого князя Сергея Александровича, Государственная дума Российской империи большинством голосов приняла решение об отмене смертной казни. Этот вопрос бурно обсуждался и решался верхними слоями общества, юристами, литераторами, художниками. Думаю, что мы далеко ушли от такого понимания высшей меры наказания.

Иван Орлов, журналист и писатель:

— Когда нет общества, нет никакого движения снизу. Я вспоминаю, как в Бресте случилось такое событие, когда один кавказец, вполне возможно, что нечаянно, застрелил школьницу. Тогда площадь Ленина ломилась от людей. Это была демонстрация похлеще, чем знаменитый «колбасный бунт». И тогда здесь был легендарный «проспект Дудуева», или улица Богданчука, где жили люди кавказской национальности. Из-за стихийного изъявления воли народа милиция за неделю решила эту проблему.

Увы, менталитет нашего «болотного человека» состоит в том, что со времен Екатерины II для него любая власть — это власть оккупационная. Вот в чем беда.

А что касается темы смертной казни, я как бывший музыкант, поэт и теперь немножко литератор против смертной казни. Но как журналист, освещающий правовые вопросы, я в сомнении. 70 % во мне против казни, а 30 % — я еще не знаю.

Согласен, что Америка — нам не указ, и в Европе хватает всякого бардака. Совсем недавно прочитал в «Иностранной литературе» работу американских журналистов об их тюремной системе. Должен сказать: в некоторых моментах ничем не лучше, чем у нас. Есть там и частные тюрьмы, где из заключенных выжимают все, чтобы получить прибыль. Но там с момента вынесения приговора проходит достаточно много времени, и адвокатам там дают биться до последнего, чтобы не было никаких сомнений. Там никто не делает так, чтобы в день объявления приговора отправлять человека на тот свет.

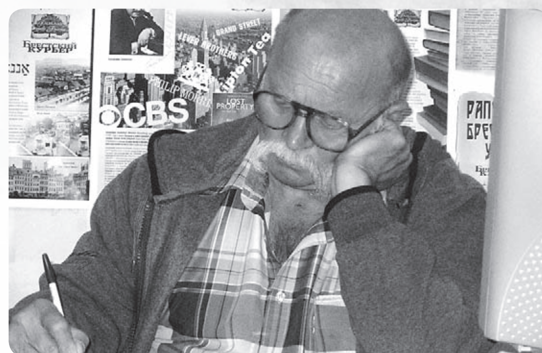
Юрий Шапран, журналист:

— Если говорить о референдуме, который проводился в свое время в Беларуси, когда ставился вопрос о смертной казни, то нужно отметить, что большинство людей всегда будет за ее сохранение. Преобладают эмоции: «кровь — за кровь, зуб — за зуб». Есть пример Англии. Когда там шли дебаты по поводу, выносить ли вопрос об отмене смертной казни на референдум или нет, решили не выносить, потому что народ в большинстве своем все равно будет за высшую меру наказания. Решили отдать этот вопрос на откуп парламенту, куда выбирают лучших представителей общества. И парламент отменил смертную казнь.

В свое время, будучи в Витебске на республиканском семинаре Гостелерадио, я увидел документальный фильм, снятый прибалтийскими авторами, о «смертнике», который сидит в одиночке. Этот фильм я бы показывал в колониях и вообще молодежи: ты сидишь ошарашенный тем, что говорит этот человек и как его показывают — день за днем. «Смертник» говорил, что выбрал бы сейчас расстрел, а не пытку неизвестностью, ему снились кошмары — то, что он совершил. Ни одного окна, баланда, он лишен права на прогулку, свежего воздуха. Я против смертной казни.

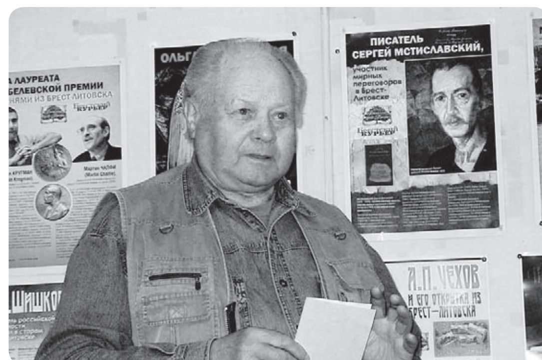
Игорь Набойченко, журналист:

— Я — за смертную казнь, но мое мнение не совсем однозначное. Я служил в Полоцке, и недалеко от нашей части в деревне жил Михасевич. Но пока добрались до него, за несколько лет осудили 13 невинных человек: одного расстреляли, других посадили за решетку. После того как выяснилось, что невиновного осудили за убийство и расстреляли, я встретился с сотрудником уголовного розыска

и прокурором. Когда я спросил про следователей, которые вели это дело, то работник прокуратуры ответил, что в принципе всё спустили «на тормозах»: кого-то отправили на пенсию, кого понизили в должности, но никого не посадили. Решает все план, система: если следователь не раскроет преступление, его «звездочки» лишат и т. д. Надо привлекать к уголовной ответственности следователей и судей за невинно осужденных людей.

Несколько лет назад в Дрогичинском и Ивановском районах поймали двух человек, которые убили 6 пожилых женщин. Так вот один из них на суде откровенно ржал по поводу совершенного: «А вы знаете, сколько я на самом деле убил?» В Гродненской области происходили аналогичные преступления. Так что, такого нелюдя оставлять в живых и кормить? Такие люди не должны жить.

Алексей Кривошеин, в прошлом военный контрразведчик:

— Я не согласен с тем, что кто-либо, идя на преступление, не думает о возможных последствиях. К наиболее тяжким преступлениям готовятся, обдумывают, предусматривают все варианты, в том числе, как уйти от уголовной ответственности.

В нашей Конституции (ст. 24) записано, что смертная казнь до ее отмены может применяться как исключительная мера наказания за тяжкие преступления и только по приговору суда. Нужно ли применять смертную казнь или надо ее отменить, ввести мораторий или вообще убрать из Уголовного кодекса? Мы должны аргументировать, почему она нужна или не нужна. Каковы будут последствия, как это скажется на

криминогенной обстановке сейчас и завтра? Что гуманнее: приведение смертного приговора в исполнение или замена его пожизненным заключением, обрекающим человека на мучительное существование?

Вопрос о смертной казни дискутируется, как говорится, с исторических времен. В Советском Союзе она вводилась и отменялась, делались исключения. Передо мной Уголовный кодекс Российской Федерации, изданный в 1950 году, с которым я работал более полувека назад, еще при Сталине. В нем, на странице 140 читаю Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1946 года об отмене смертной казни. Представьте себе: только год назад закончилась война, бандитизм процветает, и тем не менее принимается этот указ. И как ни удивительно, инициатором этого указа был министр внутренних дел Лаврентий Берия.

Интересно, как в указе объясняются причины отмены смертной казни: упоминаются историческая миссия советского народа, победа над фашистской Германией, и как результат — «применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени». Правда, 12 января 1950 года издается другой Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором формулируются исключения: смертную казнь можно применять лишь к изменникам Родины, шпионам и диверсантам.

Как я отношусь к вопросу о смертной казни? С одной стороны, мне жалко расстреливать человека, которого обоснованно и по закону приговорили к смертной казни. Но, с другой стороны, посмотрите, какая идет волна тяжких и особо тяжких преступлений, к примеру, убийств из корыстных побуждений, убийств нескольких человек. Имеют ли такие убийцы право на жизнь или не имеют? С этой точки зрения я — за смертную казнь, за то, чтобы ее оставить. Но лучше оправдать 10 виновных, чем осудить на смерть одного невиновного.

Николай Александров:

— Относительно отмены смертной казни в 1946 году. Вспоминаю одну фразу Салтыкова-Щедрина: «В России свирепость законов смягчается их неисполнением». Я полагаю, что после войны эта отмена была определенной декорацией, вполне возможно, из благих побуждений, но наверняка казни в тот период были.

Валерий Цапков, журналист:

— Мне представляется, что смертная казнь в Беларуси пока останется. Да, ее отменили более чем в 60 странах. Но по численности большинство населения планеты живет при наличии смертной казни. Если мы пытаемся равняться на Европу, то Беларусь — последняя страна, применяющая смертную казнь. Может, мы тоже к этому придем: оставим смертную казнь, но введем на нее мораторий.

В России временно отменили смертную казнь. Но это все условности! Россия, как и США, находится в состоянии мира и войны: в том регионе стреляют, а в этом — тайные внесудебные решения, как убийство в Катаре Яндарбиева российскими спецслужбами. Что, там было гласное судебное решение?

По поводу Беларуси. Наверное, должна быть какая-то серьезная отсрочка исполнения приговора о смертной казни. Торопливость исполнения такого приговора порождает недоверие людей к его справедливости.

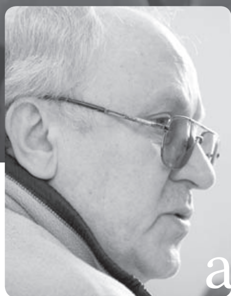
Владимир Величкин, правозащитник:

— Суды у нас не независимые, все завязано на «вертикали»: что там скажут — то и сделают. Я в свое время имел горький опыт сидеть в одной камере с серийными убийцами: россиянином и белорусом. Один убил кого-то в драке, другой в поисках выпивки вырезал семью. Ну что могу сказать после общения с ними? Вполне адекватные люди. Убийцы разные бывают: по пьянке, по неосторожности, за деньги, превысил допустимые меры самообороны или просто маньяк... А тот, кто приводит смертный приговор в исполнение, — тоже убийца?

Недаром православные верят в заповедь: «Не убий!» Т. е. не ты дал человеку жизнь, и не тебе ее забирать. Я однозначно против смертной казни, особенно в наших сегодняшних условиях. После расстрела Коновалова и Ковалева, думаю, произошел сдвиг в сознании людей. Зачем и кому нужна смертная казнь?

Подготовка публикации и фото Юрий ШАПРАН

Житие

Леонид ЗАИКО,
научный обозреватель

Пища, жилище — базовые потребности в любом обществе, каждой стране. Они либо отталкивают нас от социума, либо делают патриотами в самом первичном понимании этого феномена. Нарисовать картину маслом «Я люблю Беларусь» — самое простое. Незатейливое.

В океане цифр и широком потоке рассуждений о нашей жизни теряется, как правило, суть происходящего. Часто этот смысл специально «теряется» — как элитами, находящимися у власти, так и обслуживающими ее СМИ. В последние годы в прессе, электронных медиа идет своеобразная «гонка вооружений» — кто быстрее, раньше, громче заявит, скажет, «обнародует». В этой скоростной информационной повседневности люди не успевают думать, осмысливать происходящее.

Хотя всем нам есть над чем подумать, желательно без спешки и суеты. Посему обратимся к простому и важному.

Жизненное пространство

Формула белорусской жизни вроде как прочно связанная, но запутанная.

Мои коллеги обнаружили, что у большей части населения деревень и малых городов возникла цельустремление — переехать в Минск. Страна маленькая, куда же еще! И обязательно купить квартиру в Минске.

А так ли хорош Минск?

Прага, на мой взгляд, лучше и интересней. Или Кельн — один из самых свободолюбивых городов Германии. Жители Кельна мне говорили, что за всю историю Третьего рейха Адольф Гитлер ни разу не посещал их города. Знал, что его там радостно встречать не будут. Вековые устои и традиции. Чего нам так не хватает.

В Минске периода переселения районной номенклатуры, ускорившегося в 1990-е годы, стали расти новые места «концентрата жития» — дома в 12–17 этажей, безликие внутренние пространства, улицы и торговые центры. Называю это ареалами концентрации биомассы. Ничего гуманистичного, очеловеченного. Метры и квадраты.

Достаточно посмотреть фильм Витторио де Сика «Похитители велосипедов», как сразу узнаешь предтечу наших микрорайонов — итальянские дома послевоенного времени. Сходство убедительное. Хотя в наших микрорайонах иногда вызывают удивление «Порше Кайены», припаркованные возле панельных домов.

Минск, но какой ценой?

Во всем мире цена квадратного метра жилья формируется сбалансированно — в пределах цены товара «рабочая сила» (месячная зарплата). Один квадратный метр = среднемесячная зарплата.

Когда наши строители выдавливают из предполагаемых новоселов по 1200–1400 у. е. за квадратный метр, явно замечаешь разрыв параметров. А было ведь и наполовину больше, и сейчас пугают ростом цены «квадратов». Почему же? Стимулирование спроса?

Жаждущие квартиру не имеют точной информации по строительным издержкам. При проверках, организованных Администрацией Президента, было выявлено, что реальная цена «квадрата» в Минске находится на уровне 550–650 долларов. Что соответствует средней зарплате в столице. Но эта ценная информация быстро «захлопнулась».

Дело в том, что строительство нового жилья для измученных его семидесятилетним отсутствием граждан страны стало вторым «ВЕЛИКИМ ОГРАБЛЕНИМ ТРУДЯЩИХСЯ».

Стоит 550, а берут 1200. Эти цифры известны власти. В 2013 году выяснили, что стоил квадратный метр 550–650 и дешевле все прошедшие 10 лет. И больше этого срока. Почему обманывали столько? Излишне взятое отдавать будут? Или срок давности по этому общенациональному преступлению истек?

Формулы и формы жизни

Впрочем, население уже влипло в новую игру. Доходы от вкладов. На что ставить? Квартиры или депозиты? Лучше, конечно, депозиты с очень высокими процентами — по 2,5 % дохода в месяц. И квартиры с максимально низкими процентами за кредит — по 2 % или 4–5 % в год. Однако это для самых умных и ловких.

Что получается? При 70-метровой квартире по 1200 долларов за метр общая цена покупного жилья будет составлять 84 000 долларов. Много или мало? Проверим на возможностях капитализации.

При нынешнем курсе рубля 84 тысячи долларов составят 730 млн белорусских рублей и даже больше, особенно к концу года. Размещенный в одном из обычных банков

страны под 30 % годовых, или 2,5 % в месяц, депозит на названную сумму дает ежемесячный доход в 18 млн 250 тысяч белорусских рублей. Те же 2100 долларов в месяц.

При зарплате в Минске в 700 долларов (великое число неудачников с меньшей зарплатой не в счет!) сумма дохода от депозита превышает в 3 раза величину цены товара «рабочая сила». Приходилось и все чаще приходится в нынешние дни выслушивать просьбы белорусов рекомендовать, что же делать. Купить квартиру или держать деньги в банке?

Так возникает новая форма зависимости — капитализационная, денежная. Это ведет ко внутреннему стрессу. Человек конвертировал сбережения на квартиру в рубли, завел депозит и получает процентов на 18 млн в месяц. Читает интервью с вице-премьером П. Прокоповичем, который называет свою зарплату в 11 млн. И думает: «Вот какой я умный и разворотливый!»

Мучается, как бы «словить момент». Когда снять рубли и конвертировать в доллары? Занимается таким «спортом» большая часть населения страны: от университетского профессора до работницы детского сада, многие довольны ролью удачливого комбинатора. И не хотят верить, что прогорят, что подсели на иглу, что работать уже стало не интересно.

Так зачем же мы переезжаем из наших маленьких, родных поселков, деревень, городков в Минск? В район Каменного Лога, где такое скопление биомассы! Муравейник и тот построен разумнее. Ближе к образованию, науке, учености? Сомнительно. Ближе к власти и деньгам, особенно не своим? Возможно. Ближе к многообразию жизни? Как сказать... Здесь больше невест и женихов? Возможно, но и разводов больше. В силу того же разнообразия вариантов красивых и не совсем. Как и умных.

Толкуя о роскоши

До 1950-х годов в наших правовых нормах было всякое. Вспоминаю с благодарностью лекции по праву («Советское право») в 301-й аудитории старого корпуса нархоза. Лектор — Еремеев, блестящий оратор, доцент, умница. Он нам показывал и настоящее, и прошлое в праве. Скажем, предметы роскоши. С 1930-х годов к ним относили патефон, велосипед, наручные часы. Нам было это странно в 1960-х.

А теперь наш 2013 год. Министерство финансов предложило увеличить акциз на автомобильное топливо: бензин и дизельное топливо. Обратите внимание: акциз обычно применяется именно к товарам группы роскоши: яхтам, виллам, бриллиантам, шубам для светских львиц... Товары группы товарищей Романа Абрамовича и Сулеймана Керимова. Миллиардеров. Из соседней страны.

Акцизом усмиряют любителей «вредных» товаров: водки, сигарет. Но бензин? Это товар группы беснующихся в роскоши олигархов? Роскошь в виде топлива для авто? Кстати, чисто в экономическом и социальном смысле неправильно вводить для небогатых белорусов на автомобильный бензин акцизы, которые с другими налогами составляют половину цены конечного товара.

К слову, понимая важность социальной цены на бензин, Владимир Путин при первых же шагах создания общего экономического пространства дал распоряжение продавать нефть для внутреннего потребления Беларуси по российским ценам. Без экспортной пошлины. Значит, 7 млн тонн нефти для своих граждан мы можем перерабатывать и продавать недорого.

Мы имеем зарплату в 2,2 раза ниже средней российской. Логично было бы предположить, что и бензин должен у нас стоить в 2 раза дешевле, чем в Смоленске или Калининграде. Почему же это не так? Попробуем разобраться.

Итак, мы покупаем нефть очень дешево в России. Эксперименты по поставкам из Венесуэлы и Азербайджана скромно и незаметно завершились. Хотя надо было бы сказать во весь голос: белорусские независимые экономисты были правы, когда утверждали, что ввоз нефти по 800 долларов и выше является ошибкой. На ней мы потеряли пару с гаком миллиардов долларов в национальном масштабе. Кто из чиновников признал ошибку и повинился? С возвратом в казну впустую потраченной валюты?

В 2013 году мы покупаем нефть только в России. Цена хорошая, выгодная. Покупаем по — вздохните глубоко! — 380,6 доллара за тонну. Таких цен не было, в прошлом году в это же время средняя цена тонны нефти из России была 425 долларов. Почувствуйте разницу.

Так почему чиновники нашего минфина хотят поднять акциз на топливо? Сырье стало дешевле, а наши прямо подметки на ходу рвут!

Все ясно и просто. Покупаем нефть по 380, продаем из нее нефтепродукты по 779 долларов. Чистый потенциальный доход — 399 долларов. Посчитаем издержки на переработку, все затраты. Получим одну из самых низких цен в мире.

Иностранцам мы продаем топливо (не только бензин, но и тяжелые фракции) в среднем по 78 центов за 1 кг. Следовательно, брать со своих дороже 78 центов неприлично дорого! Бензин для своих, белорусов, должен стоить не дороже 6700 за литр, это вполне экономически обоснованно.

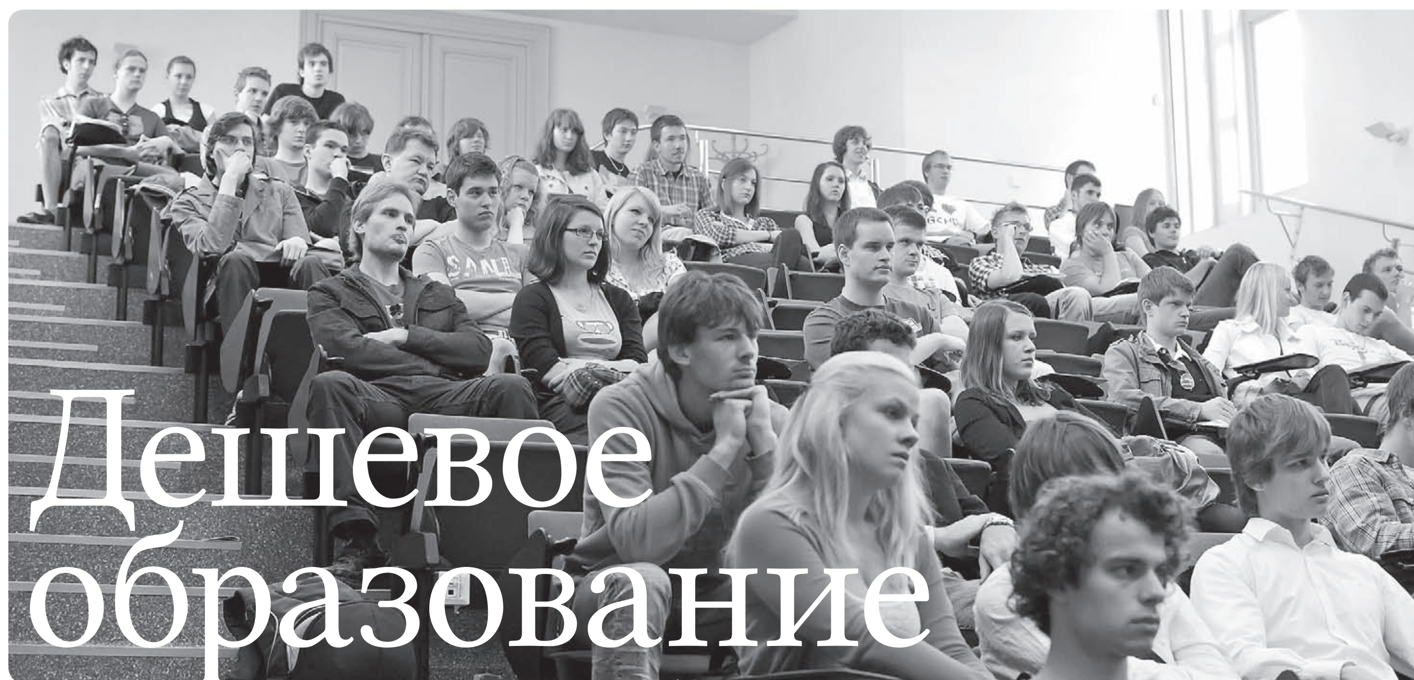
На самом деле реально достичь цены на готовый бензин на уровне 50 центов, 4000–5000 белорусских рублей за литр. Нормальная цена? Вполне — это же для себя родных. Да и с социальной точки зрения справедливо (напомним опять же, что зарплата в соседних странах выше, чем у нас).

Бензин потребляют 40 % белорусских семей, имеющих двух детей. Люди на автомобилях отвозят детей в школы, детские сады. Выезжают к бабушкам и дедушкам, посещают исторические и святые места. И все это сделать дороже? С такими лозунгами любое правительство на Западе ушло бы в отставку. Естественнейшим образом, а с учетом его предложений усилить «акциз», так ушло бы со скандалом.

Кремль пошел на удешевление бензина для белорусов, а собственные чиновники готовы вешать дополнительные налоги, удорожать его. Не правда ли, во времена Сталина это назвали бы подрывными происками врагов народа? А по нынешней новой традиции — действием «пятой колонны»? Именно в этой ситуации спорить о ярлыках и терминах не хочется.

Пока мы затронули часть айсберга под названием диалектика социума и экономики. Не стоит полагать, что этим проблемы ограничиваются. Их гораздо больше, особенно в сфере максимально близкой каждому из нас. Работа и учеба, отдых. Свое и чужое. А приватизация — замедленная мина под все общество?

Если бы явление и сущность совпадали, необходимости в науке не было бы. И нам, как никогда, нужна наука жизни.

Дешевое образование не может быть качественным

Вступительная кампания в вузы 2013 года заставила говорить о том, что общество не удовлетворено массовым высшим образованием, которое может предложить наша система. Но государство стоит на своем и ничего в этой системе не меняет, кроме платы за обучение, которая за последние три года увеличилась в 10 раз.

Елена СПАСЮК

Более того, наметившаяся тенденция вступления Беларуси в пространство европейского высшего образования оказывается под вопросом.

Демография и кризис системы

В этом году на ряд специальностей в вузы был недобор. Особенно не пользовались популярностью педагогические специальности. В некоторых вузах не хватило студентов даже на бюджетное обучение. И объясняют происшедшее демографической ситуацией: мол, мало в этом году выпускников средних школ.

Вместе с тем очевидно, что недобор связан и с введением минимального проходного балла для участия в конкурсе на поступление. По предварительным данным, из 113 448 абитуриентов, принявших участие в ЦТ, не смогли преодолеть порог нижнего тестового балла 40 682 абитуриента, т. е. 35,86 %.

Недобор студентов, а также недофинансирование образовательной сферы заставляют постоянно поднимать цены на обучение. Необходимо иметь в виду, что это касается не какого-то узкого круга людей. В высших учебных заведениях Беларуси обучается около 445 000 студентов, из них почти 290 000 (65 %) учатся на платной основе. С сентября 2010 года по июль 2013 года стоимость обучения увеличилась в 10 раз. О последнем повышении цен общественность узнала в июле этого года.

В лидерах по стоимости обучения, как и в прошлые годы, — медицинские вузы. Например, обучение в Белорусском государственном медицинском университете обойдется в год от 16 млн 400 тыс. рублей на первом курсе лечебного, педиатрического, фармацевтического факультетов

до 19 млн 150 тыс. на стоматологическом. Также в лидерах — Белорусский государственный университет, где самым дорогим считается обучение по специальностям «международное право» на факультете международных отношений и «экономическое право» и «правоведение» на юридическом факультете — 17 млн 940 тыс. рублей.

Для студентов такие суммы, безусловно, являются очень большими. Весной студенты-платники даже начали в интернете кампанию «За стабильную оплату обучения!». Требования студентов сводились к тому, чтобы в стране была введена стабильная и понятная система оплаты обучения, а повышение стоимости проходило один раз в год и привязывалось к фактической и планируемой инфляции в стране. Однако кампания прошла незаметно и ничего не изменила.

На образовании «экономят»

По словам министра образования Сергея Маскевича, по нынешним меркам (2012/2013 учебный год) «обучение одного студента-бюджетника в вузе обходится государству от 18 млн рублей».

Какими бы впечатляющими ни были вышеприведенные цифры, в Беларуси на образование тратится не много, на высшее — тем более. В 2013 году бюджетное финансирование системы образования в Беларуси увеличилось более чем на 8,5 трлн рублей — с 25,9 трлн рублей в 2012-м до 34 трлн.

Однако существует дисбаланс: высокое финансирование системы среднего образования происходит в ущерб дошкольному и начальному, постоянно снижаются затраты на высшее образование.

Кандидат философских наук Владимир Дунаев в исследовании «Белорусское высшее образование в межстрановой перспективе» отмечает, что государственные расходы на студента значительно ниже, чем в странах Организации экономического сотрудничества и развития (сейчас в ОЭСР входят 34 наиболее развитых государства). «Дешевое образование, меж тем, не может быть качественным», — подчеркивает Владимир Дунаев.

Эксперт в сфере образования, преподаватель Европейского гуманитарного университета Андрей Лаврухин обращает внимание на то, что Беларусь по уровню бюджетного финансирования высшего образования, а также исследований в вузах и за его пределами находится на отстающих позициях. По данным Белстата, в 2005 году доля расходов на образование составляла 6,2 %. Во все последующие годы она сокращалась и к 2011 году достигла 5 %. В то же время среднегодовой рост ВВП за это период был не менее 6 % (лишь в 2011 году он составил 5,3 %).

В 2012 году расходы республиканского бюджета на высшее образование составили 3 249 175 188 тыс. рублей, что составляет 0,69 % от ВВП, т. е. в 2,3 раза меньше, чем в странах ОЭСР (в среднем).

При этом в 2009 году страны ОЭСР в среднем тратили на образование 6,2 % от ВВП. Диапазон различий колеблется между 7 % в таких странах, как Дания, Исландия, Израиль, Корея, Новая Зеландия и США, и менее 5 % в 7 странах ОЭСР: Чехии, Венгрии, Индии, Индонезии, Италии, Словакии, ЮАР. Характерно, что расходы на образование росли быстрее, чем ВВП за тот же период почти во всех странах: «При этом доля средств, приходящаяся на сектор третичного (высшего) образования составила 1,6 % от ВВП или 25,8 % от всех средств, выделяемых на систему образования в странах ОЭСР (в среднем). В среднем в странах ОЭСР расходы на высшее образование, включая основные, вспомогательные услуги и исследовательскую деятельность вузов, в 2009 году составили 13 728 долл. США в расчете на одного студента».

Диапазон затрат на одного студента в разных странах колеблется от 6–9 тыс. долл. США в Эстонии, Словакии, Чили, Польше, Чехии, Венгрии до 15–29 тыс. долл. США в Бельгии, Германии, Японии, Австралии, Великобритании. Лидеры — Дания (18 556), Канада (20 932), Швейцария (21 577) и США (29 201).

Между тем образованность нации является экономической категорией, непосредственно влияющей на рост ВВП. Согласно данным Всемирного банка, 64 % роста ВВП в странах с переходной экономикой обусловлены качеством человеческого капитала, а 40 % валового национального продукта производится за счет развития эффективной системы образования. Считается, что 1 доллар затрат на образование дает 3–6 долларов прибыли. Таким образом, деньги, потраченные на образование, возвращаются сторицей.

Поэтому, отмечает Дунаев, в Беларуси вклад образования в экономический рост страны мог бы быть более существенным, если бы были пересмотрены приоритеты в системе распределения средств, а акценты смещены с массовости на качество.

Пока в рейтинге ООН Беларусь по уровню образованности находится на 26-м месте, а по уровню ВВП на душу населения — на 66-м.

Мешает «национальный интерес»

Безусловно, в сфере образования нельзя решить все проблемы разом. Однако предпринимать какие-то действия для ее оздоровления жизненно необходимо. Общественный Болонский комитет

презентовал в Минске «Белую книгу», посвященную проблеме присоединения белорусской высшей школы к Болонскому процессу, что, по мнению авторов, может открыть новые возможности для белорусской высшей школы.

Как отметил Владимир Дунаев, чтобы приблизить систему высшей школы Беларуси ко включению в Европейское пространство высшего образования (Болонский комитет), прежде всего необходимо «реформировать белорусское образовательное законодательство», а именно внести изменения в Кодекс об образовании.

Кодекс ориентирует на использование инструментов исключительно внешнего управления высшей школой, «а это как раз и находится в противоречии с главными европейскими ценностями: академической свободой и университетской автономией».

Например, общественный Болонский комитет поднимает вопрос выборности ректоров. Так, в европейских странах ректора выбирает сенат вуза, академический совет и т. д. В Беларуси, согласно ст. 208 Кодекса об образовании, руководитель государственного учреждения высшего образования назначается и освобождается от должности в порядке, определяемом президентом. Руководитель частного учреждения высшего образования назначается на должность и освобождается от должности министром образования по представлению учредителя.

Среди предложений Болонского комитета — наделение вузов большей экономической свободой, например, правом распоряжаться бюджетными остатками, т. е. использовать финансовые госсредства не только в течение периода, на который они были выделены, но и накапливать их. В настоящее время в конце года нереализованные средства «сгорают». Дунаев подчеркнул, что большая свобода для вузов означает и большую ответственность для них.

Официальной реакции на «Белую книгу» со стороны властей не было. Последний раз министр образования высказывался о Болонском процессе в Овальном зале парламента. Отвечая на вопросы депутатов 17 мая, он сказал, что участие в программах Болонского процесса имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Главный отрицательный момент, по его словам, — «вымывание мозгов». По мнению министра, Болонский процесс не является для Беларуси самоцелью: «Это новые возможности, которые открываются для взаимодействия на уровне участия в общеевропейских программах, программах мобильности прежде всего. Но для нас, как и для любой другой страны, национальный интерес превыше общеевропейских интересов».

Кормители и благодетели

По мере ухудшения ситуации в промышленности власти все чаще и охотнее говорят о достигнутых и грядущих успехах сельского хозяйства. Казалось бы, еще совсем недавно премьер-министр Михаил Мясникович говорил о 3 млрд долларов экспортной выручки сельского хозяйства, а уже на весенней встрече со студентами и сотрудниками БГТУ Александр Лукашенко назвал сумму в 5 млрд. И огласил планы относительно 7 млрд долларов на ближайшую перспективу.

Константин СКУРАТОВИЧ

Президент рассказал студентом, а попутно и всему белорусскому народу о том, что такое продовольственная безопасность и чем она отличается от продовольственной зависимости, которая не что иное, как кабала и беспросветный тупик. Тогда молодой в то время президент и правительство сутками работали, чтобы не допустить голода. В общем, понятно, хоть и образно, но с перехлестом, в демонстративном ожидании активного общественного признания за самоотверженный труд. Естественно, что все не согласные с ним (и в то время, и сейчас) достойны осуждения.

Есть нюансы, а есть и вполне откровенная ложь относительно недавней исторической ретроспективы. На самом деле талонное распределение ширпотреба вводилось в конце 80-х годов, когда правительство (советское), объявив переход к рынку, не могло решиться на освобождение цен. И пришлось «продавать» не только сахар, но и водку по талонам. А для промтоваров были введены специальные «заборные книжки». Покупаешь носки или рубаху — талончик вырезается.

Кажется, даже для пианино была установлена норма — не более одного инструмента в руки.

Остановить эту вакханалию в России сумел Егор Гайдар по просьбе Бориса Ельцина. Буквально на следующий день после нового рыночного курса 1992 года в РФ (а вместе с ней — везде) предложение в торговле оживилось и через месяц обогнало спрос. А вскоре (по советским меркам) самоорганизовалась более-менее цивилизованная торговля и у нас, благодаря которой мы все существуем.

Однако никто из прежней белорусской «памяркоўнай» номенклатуры не мог поспособствовать нормализации экономики. Плыли вслед за россиянами. Пробовали выпускать суррогаты денег, искусственно ограничивать спрос на внутреннем

рынке, ограничивать экспорт. Задача стабилизации розничного рынка была решена не правительством, но предпринимателями. Неорганизованная, но очень деятельная социальная группа «челноков», рекрутированная всеми профессиями и сословиями, очень быстро научилась торговать.

Лукашенко, когда стал президентом, попробовал примерить на себя мантию профессора-экономиста и даже заказал у экспертов антикризисную программу. Из которой свою антиинфляционную часть имел мужество выполнить только Станислав Богданкевич. При чем тут мужество? А при том, что Станиславу Антоновичу этот успех обошелся отставкой и реальной опасностью получить срок.

Вопреки нынешним разглагольствованиям главы государства Минск лета 1994 года ничем не напоминал блокадный город. Он больше всего походил на буржуазный город, из которого вдруг сбежали все большевики. После многолетнего, можно сказать, воздержания пришло время для всех удовольствий. Пишу об этом ради восстановления истины для современных студентов. Вдруг они на самом деле поверят в избавителя страны от голода.

Что такое продовольственная безопасность? В нормальных условиях продовольственные запасы (стратегические резервы) не отличаются от других, но и более эфемерны, чем иные экономические блага. По сравнению с теми же золотовалютными резервами, с технологиями, которыми располагают промышленность, транспорт. И даже само сельское хозяйство. Раньше фермы были маленькими, а сейчас стали огромными комплексами. Благодаря технологиям отдельные энтузиасты-генетики уже планируют получение собственных быков-производителей, чтобы помимо молока приторговывать и иными товарами.

Если есть технология, если есть кадры… Впрочем, в нормальной экономике на первое место следует ставить все-таки кадры. Именно знающие люди приводят в действие дело.

Бывают в экономике удачные решения. Но нет в отдельных отраслях своей палочки-выручалочки. Например, сельское хозяйство не может работать существенно лучше других отраслей. Те, в свою очередь, не могут работать более эффективно, чем сельское хозяйство. Доказано практикой. По всем этим принципиальным соображениям сельское хозяйство имеет 4 % ВВП. Например, за январь — февраль текущего года рост стоимостных объемов внешней торговли продовольствием обеспечен увеличением физических объемов поставок и средних цен. Товарная масса экспорта увеличилась на 14,4 %, импорта — на 30 %, при этом средние цены на экспортные продтовары — на 2,3 %, на импортированные — на 5,5 %. Попробуй разгонись, если экспорт дешевеет, а импорт дорожает.

Причем дорожает в первую очередь сырье. Как и в промышленности.

Часто повторяют: «Если завтра война?!» Если это произойдет, то нам продовольственная безопасность ничем не поможет. Например, даже «при немцах» голодных бунтов не было. А вот при большевиках власть охотно спекулировала на теме «государство и революция». Об этом и все нынешние откровения власти насчет «продовольственной безопасности». В этом смысле она не отличается от любой иной монополии, обращенной в пользу государства.

Безопасность в любом случае обеспечивается сегодня не запасами, а международными политическими соглашениями и взаимными обязанностями. Имей хоть 1000 МиГов и более, но если валютную выручку ты получаешь от продажи ресурсов на Запад, то здесь тебе и порог твоей безопасности. Продовольственной в том числе.

Есть такая пословица: «Хоть горшком назови, но в печь не сажай». Это так, но отчасти. Поскольку многое зависит и от имени. А присвоение чужих имен приносит людям огромный вред. Если понять, то можно спастись, нет — гарантированная гибель. По этой причине ни в одной из европейских соцстран крестьянство не допустило создания советских колхозов. Оставшись «мелкобуржуазными собственниками», поляки, например, не допустили построения «развитого социализма», а немцы согласились на объединение в кооперативы, только по форме похожие на советские колхозы.

И только в СССР в этом деле существовал полный плюрализм — всем управляло государство. Госхоз, совхоз, колхоз — разница непринципиальная. Современные белорусские СПК, по форме кооперативные, по своей природе от советских колхозов не отличаются. Причина одна. Если нет частной собственности, то всякая юридическая форма используется для манипулирования людьми. Наши «провластные аграрии» могут легко доказать, почему «коллективизация» была в стране неизбежной.

Но они промолчат, что Красную Армию в войну от голода спасли американские фермеры.

У Ленина была статейка, изображавшая два пути развития сельского хозяйства: американский и прусский. Мы, обещалось, пойдем своим путем. И получилось, как сказал бы Яшка Артиллерист из фильма «Свадьба в Малиновке», полное безобразие — «в ту степь!». В этот контекст легко вписывается история, как «молодой президент» спасал минчан от голода.

По свидетельству Варлама Шаламова, организатором первого колхоза в Совдепии стал Иван Яковлевич Федяхин. Крестьянский, можно сказать, философ, эсер по политическим убеждением, подбил мужиков на коллективное хозяйствование по образцу, созданному Александром Чаяновым. По мнению экономиста, после революции перед сельским хозяйством открывался специфический, но обещающий успех. Независимые в хозяйственной и производственной жизни крестьянские семьи объединяются по вопросам, которые не должны их отвлекать от основной деятельности. Т. е. по вопросам, которыми они не могут заниматься (переработка продукции, хранение, сбыт продукции, закупка и обслуживание техники, заготовка минеральных удобрений, семеноводство, племенная и селекционная работа, в том числе и вопрос кредитования) и

передают их в ведение собственных вертикально интегрированных кооперативных организаций.

Обратим внимание, что последний вопрос «отвечает на вопрос», на который в Беларуси пробуют ответить по сей день. Чаяновские «колхозы» начинали работать прибыльно с первого своего дня. Их природу формировала «здоровая потребность» растущего организма, но она же содержала методы их организации, привлекательные своей последовательностью и логической доказательностью. Недаром Ленин заинтересовался идеями Чаянова, которые использовал в своей статье «О кооперации», и воскликнул: «Социализм — это строй цивилизованных кооператоров».

Но, как говорится, кто помнит Ленина, если уже и Шарецкого стали забывать. Тоже был мощным «колхозником».

Не станем утверждать, что идеи Чаянова победили во всем мире. Нет. Кооперативные организации в духе Чаянова получили достаточное развитие, но только в израильских кибуцах воплотились по тем временам красиво, мощно и интересно для самих кибуцников.

А для Чаянова приготовили привычный советский путь на Голгофу. В 1926 году его обвинили в мелкобуржуазности и антимарксистских интерпретациях сути коллективизации, под его «враждебные измышления» создали «Трудовую крестьянскую партию» и применили высшую меру социальной защиты (расстреляли) в 1936 году.

Эсеровские колхозы создавались для коллективного сотрудничества частных хозяйств, единственным законодательным и исполнительным органом которых были общие собрания. Общее собрание выстраивало систему отношений колхоза с государством на основе законов. Исполняй закон и ни о чем больше не думай.

В советской литературе эти колхозы были названы «кулацкими», колхозников раскулачили. Поэтому первый председатель колхоза Иван Федяхин получил пять лет заключения. Система его уже и не отпустила из своих объятий — придушила где-то на этапе.

Трудно судить, каких бы экономических успехов достигли «кулацкие» колхозы. Но практика доказала, что колхозы, подчиненные партийным и государственным структурам, поднять производство хотя бы до среднего европейского уровня не смогли. Их история завершилась, можно сказать, типичным разгромом — СССР полностью потерял продовольственную безопасность. Спасать страну от физического вымирания пришлось за счет гуманитарных даров неколхозных стран.

Сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК) сохранили сущностное содержание бывших колхозов. Как и в колхозах, в них обобщены неделимые производственные фонды, они финансируются и реально отчуждены государством. Можно сказать, что эти СПК образуют единый государственный псевдоколхоз, который управляется не министерством даже, а «лично президентом».

Модернизация была бы возможна, если бы к этому делу потянулись люди. Но вместо интереса отношение к нему определяется тотальным отчуждением. Так что шевелитесь и думайте, «народные» благодетели и кормители.

Фото В. Шарникова

Фото Г. Вератинского

Особенности религиозности белорусов

Человечеству издавна присуще религиозное мировоззрение. Религия как форма общественного сознания с совокупностью духовных ценностей, базирующихся на вере в сверхъестественные силы, доступна и понятна людям с пеленок. С возрастом религиозность получает новое содержание и осмысление.

В каждом конкретном случае, в каждый исторический отрезок времени религиозное мировоззрение находит свою реализацию как в определенных вероисповеданиях, так и в степени распространенности этих вероисповеданий. Что в полной мере относится и к Республике Беларусь.

Леонид **МИХЕЙЧИКОВ**

В соответствии со статьей 5 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» никто из граждан не обязан сообщать о своем отношении к религии, не может подвергаться какому-либо принуждению при выборе своего отношения к определенному вероисповеданию, к участию или неучастию в деятельности религиозных организаций. Государственная перепись не фиксирует вероисповедания граждан Беларуси. Основным источником информации о конфессиональном составе страны являются социологические исследования.

Википедия сообщает, что в 2007 году, согласно данным Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь, около 50 % граждан отнесли себя к той или иной религии. Из них:

80 % — православные (*около 40 % от общей численности населения*);

14 % — католики (*около 7 % от общей численности*);

6 % — другие религии.

В 2010 году, согласно данным того же госоргана, уже 58,9 % граждан страны признали себя верующими. Из них:

82,5 % — православные (*около 48 % от общей численности населения*);

12 % — католики (*около 7 % от общей численности*);

4 % — другие религии.

Поразительно, но уже через год, в 2011 году, согласно данным опроса населения, проведенного Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь (ИАЦ) 93,5 % респондентов отнесли себя к той или иной религии. Из них:

81 % — православные (*около 76 % от общей численности населения*);

10,5 % — католики (*около 10 % от общей численности населения*);

2 % — другие религии (*иудаизм — 1 %, протестантизм и ислам — по 0,5 %*).

Правда, ИАЦ отметил, что *«среди сделавших заявление о своей конфессиональной принадлежности 21,5 % респондентов не смогли дать однозначный ответ на вопрос, являются ли они верующими. Изо всех опрошенных дали однозначный ответ о своей вере в Бога 65 %. Отмеченное в ходе исследования расхождение данных*

о доле указавших свою конфессиональную принадлежность (93,5 %) и долей верующих (65 %) демонстрирует особенности религиозной самоидентификации белорусских граждан, которая выходит за рамки культового поведения» (http://ru.wikipedia.org/wiki/).

Таковы официальные данные отношения горожан и сельчан Беларуси к вероисповеданиям, функционирующим в стране.

Первое, что можно заметить, — это рост численности граждан, относящих себя к верующим. С 50 % в 2007 году — до как минимум 65 % в 2011 году. 15 % за 4 года — очень даже впечатляющий рост уровня религиозности населения на территории Беларуси!

Второе: бросается в глаза 80-процентное, с уверенным увеличением количества приверженцев, распространение в стране православия — безусловное господство одной из ветвей христианства.

Третье: поступательное снижение численности приверженцев другой ветви христианства — католицизма: с 14 % в 2007 году до 10,5 % в 2011 году. Можно констатировать и аналогичное поступательное снижение численности приверженцев других религий: с 6 % в 2007 году до 2 % в 2011 году.

Судя по приведенным официальным данным, в новых исторических условиях расширение круга своих сторонников, приверженцев характерно в основном для православия. А сторонников иных конфессий, при общем росте количества верующих, становится меньше. Неужели интерес верующих к другим религиям претерпевает трансформацию? Возможно, люди меняют веру, становятся сторонниками православия?

С целью уточнения ответов на эти и иные вопросы, связанные с религиозным мировоззрением в Беларуси, сотрудники социологического центра ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО» предложили жителям Беларуси высказать свое мнение относительно исследуемых проблем. В частности, в ходе республиканского опроса общественного мнения, проведенного в марте — апреле текущего года, горожанам и сельчанам страны был предложен вопрос: **«Относите ли вы себя к какому-либо вероисповеданию? Если да, то к какому именно?»**

Вероисповедания белорусов

Общенациональный опрос показал: большинство (84,4 %) взрослых граждан Беларуси считают себя людьми верующими. Остальные 15,6 % респондентов либо не относят себя ни к какому вероисповеданию, либо считают себя атеистами, либо затруднились ответить на предложенный вопрос.

Как уже отмечалось, сегодня крупнейшей христианской конфессией в Беларуси является православие (табл. 1). Две трети — 68 % взрослых горожан и сельчан страны — указали, что относят себя к этому вероисповеданию.

Таблица 1
Относите ли вы себя к какому-либо вероисповеданию? Если да, то к какому именно? (%; предлагалось выбрать один ответ)

Православие	67,9
Католицизм	13,9
Протестантизм	1,4
Иудаизм	0,2
Ислам	0,3
Буддизм	0,2
Другое	0,5
Не отношу себя ни к какому вероисповеданию	8,2
Атеист	4,3
Затрудняюсь ответить	3,1

Среди приверженцев православия больше женщин (57 %). 60 % составляют люди в возрасте 40 лет и старше. Около половины (45 %) — это жители сел и небольших городов с числом проживающих до 70 тысяч человек. Каждый второй сторонник православия — это житель Брестской, Гомельской и Минской областей (вместе 50 %).

Второй конфессией по численности верующих в Беларуси является католицизм. Каждый седьмой респондент указал, что исповедует эту веру (14 %).

Среди сторонников католицизма также преобладают женщины (55 %). Но можно заметить некоторые демографические различия между приверженцами двух ветвей христианства на территории Беларуси. Подавляющее большинство сторонников католицизма (82 %) — люди в возрасте 30 лет и старше. Если в православии верующих 30–39 лет 17 %, то в католицизме эта возрастная группа составляет 21 %. Можно предположить, что в рядах католиков начался процесс омоложения.

Среди сторонников католицизма больше лиц со средним образованием и меньше — с базовым, что можно объяснить лишь приходом в ряды верующих католиков молодых людей с более высоким уровнем образования.

Как и в православии, около половины католиков (47 %) — жители сел и небольших городов с числом проживающих до 70 тысяч человек. Основное количество приверженцев католического вероисповедания (83 %) — граждане, проживающие в Минске, Витебской, Гродненской и Минской областях.

Представителей других вероисповеданий (протестантизм, иудаизм, ислам, буддизм) на территории Беларуси проживает не много — порядка 2,6 %.

8 % опрошенных горожан и сельчан указали, что не относят себя ни к какому вероисповеданию. Среди них — больше мужчин (60 %). Более трети (35 %) — юноши и девушки 18–29 лет. Каждый четвертый — с высшим образованием (24 %), а каждый шестой (18 %) — с базовым образованием.

Лишь 4 % респондентов считают себя атеистами. Среди них — большинство мужчин (68 %).

Около половины (45 %) — люди в возрасте 30–39 лет и старше 60 лет. Чуть больше среди атеистов лиц с высшим образованием, инженерно-технических работников и представителей творческих профессий, а также жителей Могилевской области.

И только 3 % опрошенных горожан и сельчан затруднились ответить на предложенный вопрос. Здесь более половины мужчин (60 %) и более трети (38 %) — молодые люди 18–29 лет.

Итак, подавляющее большинство — 82 % жителей Беларуси — представители двух ветвей христианской конфессии. 8 % — граждане, индифферентные к любым вероисповеданиям. И только около 3 % респондентов придерживаются других конфессий.

Судя по данным общенационального исследования, проведенного в России в ноябре 2012 года Левада-Центром, к православным отнесли себя 74 % респондентов, к исламу — 7 %. 10 % не относят себя ни к какой конфессии, и 5 % — атеисты. Численность представителей остальных вероисповеданий в Российской Федерации также незначительна (в пределах 1 %).

Граждане страны и религиозное обучение детей

В ходе республиканского опроса жителям Беларуси был предложен вопрос: **«Как вы считаете, следует ли осуществлять религиозное воспитание и образование детей в школах?»**

Относительное большинство — 37 % опрошенных горожан и сельчан — ответили: «Нет, это не обязательно» (рис. 1). *«Ввести религию в школе? Нет*, — считает 52-летняя жительница одного из райцентров Гродненской области. — *Для этого можно сходить в храм. А в школе и так загруженность — больше не придумаешь». «Достаточно того, что церкви открыты для посещения*, — согласна с ней 64-летняя пенсионерка. — *Пусть теперь каждый сделает свой выбор: идти туда или нет».*

Среди этой группы респондентов более половины — мужчины (54 %). Каждый второй респондент — в возрасте 18–39 лет (50 %). В профессиональном плане в большем количестве представлены рабочие, работники сферы обслуживания, торговли, а также учащиеся, студенты (всего 44 %).

Вместе с тем ответы на вопрос показали: каждый второй респондент (50 %) считает, что религиозное воспитание и образование детей в школах необходимо ввести. При этом 35 % опрошенных придерживаются мнения, что такое воспитание следует осуществлять не в общеобразовательных, а в специализированных воскресных школах, которые следует посещать всем детям. И 15 % согласны, что религиозное воспитание и образование детей следует ввести во всех общеобразовательных школах. «*Да. Нужно как можно больше обратить внимания на воспитание у детей богобоязни. Духовные ценности уходят. Обидно*», — мотивирует свою позицию 50-летняя работница сферы обслуживания и торговли.

Затруднились ответить на вопрос 13 % опрошенных граждан. *«Не знаю. Нужно ли образовывать в вере?* — размышляет 35-летняя жительница райцентра с высшим образованием. — *Нужно дать людям выбор». «Образование не обязательно*, — считает женщина 38 лет с высшим образованием. — *Главное, чтобы люди оставались человечными»*. Явно, проблема религиозного воспитания и образования детей в школах воспринимается людьми по-разному.

Рис. 1. Как вы считаете, следует ли осуществлять религиозное воспитание и образование детей в школах? (%; предлагалось выбрать один ответ)

За религиозное воспитание и обучение детей активнее выступают протестанты и католики

Исследование показало: вопросы религиозного образования подрастающего поколения в школах по-разному воспринимаются представителями различных вероисповеданий.

Большинство представителей всех вероисповеданий ратуют за религиозное обучение детей

в школах. Относительное большинство при этом хотели бы, чтобы этот процесс осуществлялся не в общеобразовательных, а в воскресных школах.

Наиболее активно религиозное воспитание и образование поддерживают сторонники протестантизма (76 %). Затем следуют католики — чуть ли не две трети (61 %) «голосуют» за религиозное воспитание и образование детей в школах. Сдержаннее к религиозной подготовке молодого поколения относятся приверженцы православия. Из них только половина (52 %) считают необходимым религиозное обучение детей в школах. Нельзя не отметить и мнения респондентов, которые не относят себя ни к какому вероисповеданию. 41 % из них поддерживают идею религиозного обучения детей в школах. При этом практически все они (40 %) ратуют за обучение в специализированных школах, а не в общеобразовательных!

На пост нужны дополнительные средства

Как любое мировоззрение, религия предлагает не только систему взглядов на мир и место человека в этом мире, но и определенные представления о взаимодействии личности с окружающей действительностью. Насколько отдельные элементы религиозной атрибутики присущи гражданам страны, социологи пытались выяснить с помощью вопроса: **«Сейчас идет Великий пост, предшествующий Пасхе. Соблюдаете ли вы его и в какой мере?»**

Более половины — 56 % опрошенных горожан и сельчан страны — честно признались, что сохраняют обычный режим питания (рис. 2). Среди них заметно преобладают мужчины (55 %), лица 18–49 лет (70 %), люди со средним образованием (69 %).

Только 4 % респондентов затруднились ответить на вопрос о Великом посте — явное свидетельство того, что проблема поста в поле зрения общественного мнения. Кроме стандартных ответов на вопрос опрашиваемые граждане оставляют в анкетах личные суждения, которые чаще всего сводятся к материальной, финансовой стороне проблемы Великого поста. *«Все идет к тому,* — пишет 54-летняя жительница райцентра в Гродненской области, — *что скоро мы будем на вечном посту. В магазинах цены растут, а денег нет».* *«Пост?* — задается вопросом ее 36-летняя землячка, работница сферы обслуживания и торговли. — *Цены такие, что мы и так все время на диете!»*

Около четверти — 26 % белорусов — частично соблюдают пост. Среди них преобладают женщины (64 %), люди в возрасте 40 лет и старше (68 %). Более трети (38 %) — пенсионеры и работники творческих профессий. Поясняя свою позицию, 66-летняя пенсионерка со средним образованием пишет: *«Какой пост? Не до жира. На пост нужны средства дополнительные. А где их брать?»*

5 % респондентов полностью соблюдают пост. Таким образом, можно констатировать, что Великий пост соблюдают около трети (31 %) граждан Беларуси. В той или иной степени.

Среди 5 % горожан и сельчан, соблюдающих пост полностью, преобладают женщины (82 %), люди в возрасте 50 лет и старше (67 %). Около половины — 47 % — это пенсионеры, а каждый пятый (20 %) — человек с базовым образованием.

Каждый десятый опрошенный белорус (9 %) указал, что собирается поститься в последнюю неделю поста. Среди них также существенно больше женщин, лиц с базовым образованием, пенсионеров и людей старше 50 лет.

Естественно, Великий пост не сводится только к ограничениям в питании. И респонденты обращают на это внимание. *«Пост в еде — ничто,* — пишет в анкете инженерно-технический работник 44 лет, — *если ходишь и думаешь, как кого-то съесть».*

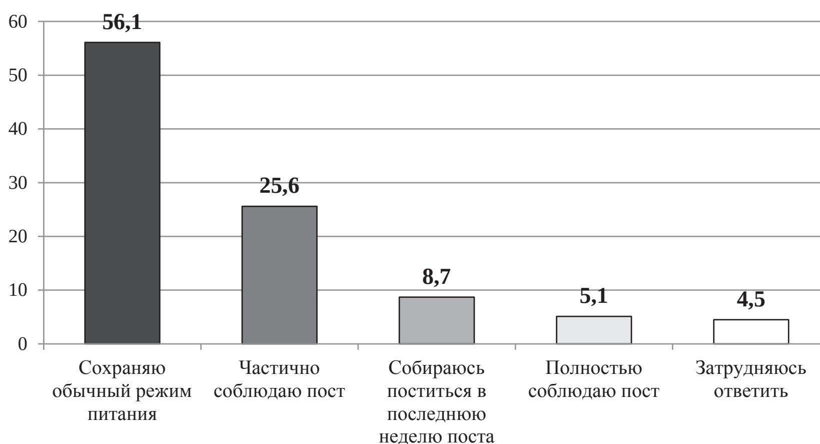

Рис. 3. Сейчас идет Великий пост, предшествующий Пасхе. Соблюдаете ли вы его и в какой мере? (%; предлагалось выбрать один ответ)

Резюме

Количественный показатель степени религиозности белорусов высокий. И при соблюдении конституционных гарантий свободы совести, свободы мысли, а также при дальнейшем отсутствии давления со стороны официальной государственной идеологии численность

приверженцев религии, думается, будет увеличиваться.

Намечается тенденция «старения» православия и «омоложения» католицизма. И это при том, что православие пользуется «высочайшим покровительством» на государственном уровне.

Желание превратить православие в государственную идеологию (а президента А. Лукашенко канонизировать при жизни!) натолкнулось на благоразумный отказ православной церкви благословлять особенности общественно-политической ситуации в Беларуси.

Сегодня более половины граждан страны считают себя православными (68 %). Католиков чуть ли не в 5 раз меньше (14 %). Представители других религий, по-видимому, предпочитают не афишировать свою приверженность какому-то конкретному вероисповеданию. 8 % респондентов указали, что не относят себя ни к какому вероисповеданию, а 3 % затруднились ответить на этот вопрос. Заметим, среди них люди зрелого возраста и немало граждан с высшим образованием. Явно, часть из них лукавит (из 11 %), не желает дать откровенный ответ. По-видимому, этому есть объяснения, связанные с особенностями положения вероисповеданий в стране.

Судя по ответам, общественное сознание нуждается в уяснении, уточнении роли религии. Откуда такое предположение? Отвечая на вопрос о необходимости религиозного обучения детей в школе, многие респонденты предлагают альтернативу — посещение церкви. Для обучения, как считают некоторые, *«можно сходить в храм»*. Или предлагается *«оставаться человечными»*, не уточняя при этом, какой же морали следовать: религиозной или мелкобуржуазной.

Верующие в большинстве своем поддерживают идею религиозного воспитания и образования детей в школах. Правда, отдается предпочтение обучению в воскресных школах, а не в общеобразовательных. Можно даже предположить, что в некоторых вероисповеданиях такие духовные «ликбезы» уже действуют.

Стремление части респондентов дать белорусам свободу выбора между религией и иным мировоззрением наталкивается на простой вопрос: «Из чего выбирать?» При господстве мелкобуржуазной идеологии выбор у граждан небольшой. Или религия, или «голый чистоган» при полном отсутствии совести и тем более заботы о ближнем. Поэтому путь к религии более доступен, ибо даже в основе мелкобуржуазной психологии есть ростки религиозной морали. Взять хотя бы Заповеди Христа: не убий, не укради, почитай отца и мать свою и т. д.

И все же выбор у граждан Беларуси имеется: как между двумя христианскими конфессиями, так и между другими вероисповеданиями.

Примечание

Общенациональный зондаж общественного мнения проведен 29 марта — 17 апреля 2013 года социологическим центром ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО». Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Беларуси 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено 3000 респондентов. Контролируемые параметры — место проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности не превышает 0,6 %.

Этот очерк пришел в редакцию «А» окольными путями. Заглянул было в один известный журнал, но там вздохнули: «Не формат».

Впрочем, Валерия Саротник пишет именно об этом: жизнь ломает рамки заданных форматов.

Слово о моей бабушке

Валерия САРОТНИК

Когда-то в учебнике русского языка предлагалось написать сочинение про человека. Ну что-то вроде биографии. И там же приводился фрагмент того, как не надо этого делать, — текст от лица девочки, писавшей про свою бабушку. И звучал он примерно так: «Моя бабушка — герой войны. А еще она умеет делать пирожные, в них крем ложкой надо набивать...» Почему-то это «как не надо» очень четко врезалось в мою память. С тех пор и делю: личное — отдельно, официальное — отдельно.

Но сегодня почему-то подумалось: ведь именно так, «как не надо», все и вся и хранится в памяти! Ну не может ваша бабушка для вас быть как в учебнике: отдельно — героем-писателем-художником-ученым и отдельно — бабушкой! Они то и дело выходят наружу, эти стороны человека. Вначале, в детстве, для вас есть только бабушка, средоточие добра, любви и иногда шлепка полотенцем по заду — баловство ведь никто не отменял! Потом — друг, человек, с которым можно говорить обо всем, о чем нельзя с родителями, или почти обо всем, как повезет. А потом... Кому-то опять-таки везет — у кого-то есть «потом». А у кого-то, как у меня, остается только память, скудные картинки из детства, голос на магнитофонной ленте, ее книги, ее песни да сухие строчки биографии-пресс-релиза...

Родилась в 1938 году, в деревне Копань, на Гомельщине, застала войну ребенком. Она не много и редко рассказывала про свое детство. Начинала записывать в чем-то вроде дневника и не смогла продолжить. Все еще было больно.

Но в стихах войны много. Биографической. Того самого страшного детства.

Иногда я думаю: «Почему люди говорят, что в прошлые годы все было лучше?» Почему-то я сомневаюсь, что большинство людей мечтает вернуться в прошлое из-за политической, экономической или всякой другой ситуации. Они просто хотят в детство. А иногда мне по-детски хочется быть феей или чем-то вроде. И подарить людям, в чьей жизни была война, другую жизнь — нормальную, скучную и спокойную. И бабушке тоже.

Хотя стала бы она тем, кем стала, не будь в ее жизни войны? Не будь и всего того, что было вообще?..

В детстве стала писать свои первые стихи и рассказы. После семилетки поступила в медучилище. Где она только ни работала за всю свою жизнь, но, несмотря ни на что, медицина и слово оставались ее вечными спутниками. Она была фельдшером-акушером, медицинским работником, работала на станции переливания крови и сама стала почетным донором. Получила высшее журналистское образование в БГУ. Была первым диктором Витебского телевидения. Работала редактором газеты «Советский студент», «Мастацкай літаратуры», начальником репертуарного отдела в филармонии, в журнале «Вожык». У нее много стихотворных сборников, больше для взрослых, но есть несколько и для детей.

Бабушка написала много песен: «Ручаёчак-ручаіна», «Соловьи Хатыни», «Ксеня», детская песня «Доброта»... Одна песня, как рассказывали нам, дошла до самого Владивостока — люди знали ее наизусть, она называлась «Ах, гармонь».

Здорово, правда? Можно взять справочник по белорусским писателям и почитать про свою бабушку. Здорово и горько. Потому что в справочнике не написано про то, как она читала мне свои детские стихи: про кошку, которая съела паука, про незадачливого петушка, который попался лисице... Стихи, которые я помню до сегодняшнего дня и вряд ли забуду. Не написано там и про то, как она сидела со мной, когда я

болела, «дежурила» по ночам, отпуская маму поспать, брала на руки, если я не могла справиться с кашлем.

Не написано ни слова про сказки и игры, которые мы придумывали вместе. Не написано про письма, которые я нашла через несколько месяцев после ее смерти. Их с дедушкой переписка перед свадьбой и немного после. Про то, какой у нее был почерк и что я иногда нарочно пытаюсь писать, как она.

Я многое хотела бы уметь, как она. Так же, как она, легко заводить друзей. О, их всегда было много! По праздникам дом был полон гостей. Когда она тяжело заболела, многие «разнообразные не те», как у Евтушенко в стихотворении, «осыпались», отошли. Но на их место пришли новые, настоящие, друзья, которые и оставались до конца. И до сих пор остаются, и помнят, и поддерживают нас.

Я хотела бы, как она, быть сильной. И не бояться ничего. Как она, идти, если нужно, напролом — нет, не по головам, что вы. Я хотела бы быть храбрее и увереннее. Как она, когда ей сказали, что в Горках, куда она переехала, невозможно найти работу, — нашла три и на все устроилась. И когда возникла острая, почти жизненная необходимость, одна уехала в Минск, на голом месте начала все заново и забрала в столицу моих будущих маму и дедушку.

Всегда было так. Сейчас я даже завидую ее храбрости и жизнелюбию до самого конца. Но это не единственная моя боль. Мне было мало ее. Слишком мало, чтобы до конца понять и оценить. Давно и долго я пытаюсь выстроить для себя сегодняшней ее — такую, какой бы я ее увидела, будь я старше, какой бы я ее узнала сейчас, будь она жива. Получается странно и больно, и кажется иногда, что мы не ужились бы рядом. И я мысленно спорю с ней. О ее стихах. О том, как она относится к вере. О том, что я, в отличие от нее, терпеть не могу уборку и прочие домашние хлопоты. О том, что мне, как ни крути, не хватает ее. Хотя пустота в сердце закономерно заполнилась — как и должно быть.

Сейчас я пишу это, разговариваю с мамой — и наружу всплывает такое количество воспоминаний, что я не успеваю их фиксировать. Ничего великого и философского — просто жизнь в мелочах, из которых жизнь и состоит.

Что еще можно сказать о человеке, который прожил бурную, в хорошем смысле слова, жизнь, цельную, наполненную событиями и людьми? Что ей всегда хватало смелости оставаться собой. С одной стороны. А с другой — часто везло, что ли, на людей, которые готовы были принять ее такой, какой она была. И любили ее за это — за неуемную энергию и большое сердце.

Нелли Тулупова — один из первых дикторов Витебского телевидения

В редакции газеты «Советский студент», БСХ, Горки

Бабушка любила море и летать на самолетах. И летать на море на самолетах.

Дома всегда, и в ее молодость, и в мое детство, был образцовый порядок. А в мамином детстве она подбирала, как бездомных котят, не поступивших студентов, оставляла у себя, пока они не обустраивались. Многие из них оставались потом ее друзьями.

А еще — могла поднять полки и повести за собой. Даже если эти полки стройными рядами двигались на… огород — убирать картошку или полоть клубнику. Я не шучу.

Море и небо — так бы я ее описала. Человек — как море. Которое может быть ласковым и теплым, а может — бесповоротно и жестоко бурным и всегда бесповоротно настоящим и честным. Как небо, которое приносит и дождь, и солнце и может разразиться смерчем и грозой. Ничего не получалось у нее в полсилы. Иногда мне кажется, что это качество людей той закалки, когда — как говорила в своих письмах Надя Рушева — чтобы все остальные вокруг хотя бы тлели, нужно до конца сгореть самому. Душа компании, двигатель,

пламенный мотор — среди друзей, на работе, в семье. Основа, цементирующий момент, «матриарх», в конце концов. Она для всех значила много больше, чем казалось на первый взгляд.

Человек не может жить без веры, утверждают многие философы. Хотя бы во что-то верит каждый человек. И да, может, это и обидит кого-то, но я скажу: качество того, во что мы верим, определяет нашу жизнь. Даже больше: то или Тот, во что или в Кого мы верим, остается с нами в тот момент, когда жизнь заканчивается. Вопрос только в том, во что или в Кого мы верим. И как это поможет нам — там, в самом конце.

Это есть в каждом человеке. Неудовлетворенность земным. Понимание того, что существует нечто большее, чем то, что мы имеем тут, в этой жизни.

Это было в ней всегда. Всегда рвалось наружу, как росток из семени, которое закопано очень, очень глубоко, присыпано, спрятано. Но растения имеют свойство прорастать сквозь асфальт. И в ее случае семя проросло.

В детстве, она говорила, у нее было три основные мечты: долететь до звезд, вылечить всех больных онкологией и написать много книг. «Книжек — немного написала, всех больных не вылечила», — говорила она. Но до звезд долетела. В стихах. В молитвах.

Встреча с читателями

Поворот был ожидаем. И очевиден — путь не для всех. Если по-настоящему вчитаться в стихи, еще далекие от веры, если вдуматься в жизнь, в которой чем она только ни увлекалась — вплоть до оккультных учений, если рассмотреть этот путь духовных исканий, «конечная станция», станция Надежды, становится очевидной. Я не буду вдаваться в мелкие личные подробности, а уж тем более не полезу в литературный анализ — кто-то, может, обвинит меня в субъективности. Человек искал Бога. Но сложно найтись

С внучкой

самому, если тебя не ищут в ответ. И, я уверена, ее искали.

В стихотворениях словно водораздел — до и после прихода к вере, до и после перемены курса жизни. Поэмы — переписанные, переправленные. Нет, не испорченные, напротив. Их хочется сравнить с украшениями, в которых не хватало главного, самого заметного и яркого камня. Они и так были хороши, но теперь она, как тот купец, отыскала Ту Самую Жемчужину.

Я уже говорила о том, каким было ее поколение. Жить полностью, целиком сейчас и наотмашь. Как Алеша Карамазов, который не в силах был вместо «всего» отдать копейку нищему и вместо «иди за мной» ходить только к обедне. И вот тут странное и удивительное качество веры — обострять и вытаскивать наружу все качества личности — проявилось полностью. Она тоже не смогла отдать мелочь вместо всей жизни. И не могла не пойти, когда ее позвали. Она стала монахиней. Тайной, в миру.

Мы не должны были про это знать — никто не должен был. Все открылось незадолго до ее смерти.

Нужно закончить. Нужно как-то подытожить... Но как «подытожить» человеческую жизнь?.. В голову лезут слова Хемингуэя: «Если любую историю дописать до самого конца, она закончится смертью».

Последние годы — ближе всего, но я, честно говоря, предпочла бы их не помнить. Я и так их уже почти не помню — осталось немного картинок, немного впечатлений. Все, что я помню в последний ее день, — дурацкий детский фильм, песенка из него, будто издевка. И никаких слез. Потому что все слезы остались в тяжелых днях ее долгой болезни. Просто пустота.

Не хочу заканчивать грустно. Хочу запомнить ее такой, какой она мне часто снится: веселой, живой, подвижной. Она всегда помогает мне во сне. А то, чему она научила меня, что оставила после себя в моей душе, помогает мне жить. И не только мне — всей нашей семье. Хотя ее самой все-таки не хватает...

Шостая кніга Аляксея Белага, якая днямі пабачыла свет, невыпадкова атрымала назву «Прыватны сектар». Аўтар, сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў і Беларускага ПЭН-цэнтра, жыве ў сваім доме недалёка ад станцыі Баранавічы-Цэнтральныя, дзе проста да веснічак прымыкае вялікі сквер і ў цёплыя летнія дні шапацяць лістотай акацыі, ліпы, бярозы…

У новым зборніку большасць вершаў, якія не друкаваліся ў кніжках А. Белага раней. Але ёсць і выбранае з ранейшай творчасці паэта. У кнізе ўтрымліваюцца і фотаздымкі аўтара «ад дзяцінства да сталасці». Рэдактарам зборніка выступіла жонка паэта, прафесар кафедры філалогіі Баранавіцкага ўніверсітэта Алена Белая. Фінансава падтрымаў выданне кнігі Выдавецкі дом «Інтэкс-прэс», дзе аўтар і працуе.

Сплаў

Магчыма, ты яшчэ не быў нідзе,
А сёння вось пазбыўся роднай хаты.
Ляцяць байдаркі хуткія па Ясельдзе,
Нібыта лёгкі човен Гаяваты!

Усё, што трэба сёння, — пад рукой,
А трэба — ну хіба вясло з дзюралю…
Смяецца сонца, на душы спакой,
Нібыта срэбра — рабаценне хваляў.

Ты сёння прызвычаіўся да лета,
Да шэрых птушак і да жоўтых кветак.
Ты нават бачыш, як трыснёг шапоча,
І ад’язджаць адсюль ніяк не хочаш.

***

Люты. Сапраўдны. На вуліцах спешка,
Узімку няма куды дзецца.
Бегае полымя па галавешках,
Быццам смяецца.

Лёгка даверыўшы вечар запалцы
(Снег — быццам квецень язміну),
Добра сядзець у фатэлі-качалцы
Каля каміна.

Цёпла ў хаце і ад батарэяў,
Але ж агню кожны рад.
Два-тры паленцы і свецяць, і грэюць…
Ад аднаго ж — толькі чад.

…Стыне ралля пад халодным сувоем,
Добра, што нас у дамку сёння двое.

Ветэранам

Пабачылі шмат яны, шмат пражылі,
Старэюць сыны іх і дочкі…
Ідуць ветэраны, звіняць медалі,
Шапочуць па бруку кіёчкі.

Яны без выгод прывучыліся жыць
(Каму менш пашчасціла) ў вёсках.
І кветкі да помніка ім палажыць
Не так ужо лёгка і проста.

Ідуць, у адзін аб’яднаўшыся рад,
На гэтым відовішчным свяце —
І той, хто ўзяты быў у заградатрад,
І хто ваяваў у штрафбаце.

Спазналі хто гром перамог, хто канвой,
Хапіла ім розных падзеяў.
Няма болей пошты ўжо той палявой,
І сцяг, пэўна, недзе ў музеі.

Адной яны дзеці гаротнай зямлі,
Што мела да вольнасці прагу.
Аднолькава срэбрам звіняць медалі
З пазнакай на іх «За адвагу».

Яны цяпер радыя кожнаму дню…
А ўнукам іх потым і дзецям
Трохкутнічкі з фронту, пасланні з агню
Апальваюць рукі. І свецяць…

Вяртанне на поўнач да сяброў

Гудок здалёк, курсанцкія шаўроны
(Праз двое сутак трэба быць, хоць рэж)…
Ты крочыш да агульнага вагона.
Шкада, што салаўёў не забярэш!

А нехта на пероне застаецца
(Магчыма, і слязу сатрэ цішком).
І думаеш: а тут куды падзецца,
Калі не з’ехаць гэтым цягніком!?

***

А ў снегу кароткі век
(Зноў капрызнічае зіма),
І здзіўляецца чалавек:
Сёння ёсць, а заўтра няма.

…Дзякуй Богу, што ўсё не так,
Не відно ні травы, ні тыну.
Бель такая, быццам мастак
Узяў і загрунтаваў тканіну.

Люд на сані змяніў вазок,
Больш не душыць у хаце нэндза…
Хто з нас зробіць першы мазок,
Хто ў фарбу апусціць пэндзаль?

Памеры

Больш тут няма пакосаў,
Пах пераспелай травы…
Бацька глядзіць з нябёсаў:
«Мы працавалі, а вы?..»

Быццам жалезам па біле
Альбо аб камень хвалі:
«Што вы тут нарабілі,
Мы за што ваявалі?»

У адпачынку

Наросхрыст расчынена неба,
І птушкі пяюць на галіне.
Прачнуўся — нікуды не трэба,
Нікому нічога не вінен!

Не трэба на сход ці на працу,
Баяцца, што выбраўся позна.
І самы найлепшы дарадца
Не нехта, а ўласны твой розум.

***

Ні сяброў не мяняю, ні звычкі,
І ў хаце нібыта парадак…
Залаты ланцужок электрычкі
Зноў схаваецца за даляглядам.

За галінкі зачэпіцца рэха,
Каб узняцца пасля аж да неба.
Нехта зноў на радзіму паехаў,
Бо да родных спазняцца не трэба.

Ну а ты то капаеш, то сееш…
Не суцешвайся тым, што паспееш.

У шпіталі

Тры дні ўжо, як я да акенца прынік.
Адзін у палаце.
Такі непуцёвы цяпер сакавік:
То сонца нібыта павесіць на цвік,
То снегам налапіць.

Чамусьці ў шпіталі ніяк не засну,
Спіна забалела і сцёгны.
Здаецца, за ўсё тут жыццё адпачну…
А ўнізе каты адчуваюць вясну,
І стогнуць, і стогнуць.

Чаму да сябе я так страціў давер
(Учора ж збіраўся на ловы).
Вязе санітарка на пяты паверх
На ліфце службовым.

Жанчыны цяпло мне не заўтра адчуць,
І што мне да цэнаў і зніжак?..
Затое не дзіўна знянацку пачуць:
«Мужчына, дак вы адыдзіце чуць-чуць,
Я кнопак не віжу!»

Вандроўка

Прысядзеш цішком ля цяпельца
І нешта ўзгадаеш. І ўспомніш.
Душа, бы бліскучае шкельца,
Збірае празрыстыя промні.

Займецца сухое палечча,
Вятроўніка шолах — бы спевы.
Адчуюць стамлёныя плечы
Цяпло стогадовага дрэва.

Мядзведзевым футрам — пагоркі,
Ніякіх табе экскурсантаў…
І дымам, не злым і не горкім,
Пацягне ў краіну атлантаў…
Падкажуць зіхоткія зоркі,
Як вызначыць шлях без секстанта.

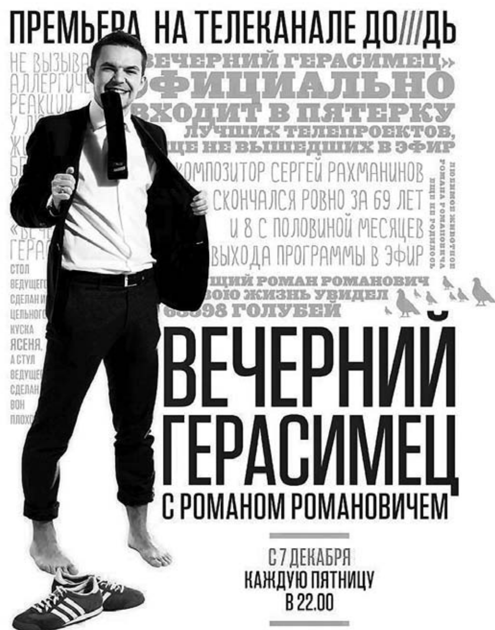
***

Настрою ўздым, душы палёт,
Скамечаная цыгарэта.
Чарговы турыстычны злёт.
Намёты. Лета!

Па елках чыркнула крыло,
Ну што, давай на «ты»…
Адкуль цябе тут намяло?
Аднекуль з Варкуты…

Тут роднасных хапае душ,
Амаль пагаварылі…
Ды пабач, бы халодны душ,
Твой вельмі ўжо раўнівы муж,
Што можа даць па рыле…

Гумарыстычнае шоу,

Цэлы год на расійскім тэлеканале «Дождь» выходзіла вечаровае гумарыстычнае шоу «Вечерний Герасимец с Романом Романовичем». Вядоўца — беларус Аляксандр Філіпенка — стаў тварам канала і разняволіў у эфіры з цэлы шэраг вядомых людзей — ад спевака Дзімы Білана да прэм'ер-міністра Расіі Дзмітрыя Мядзведзева.

Аліна
РАДАЧЫНСКАЯ

Гутарку пра досвед тэлевядоўцы, погляд на радзіму зводдаль і кнігу пра прычыны з'язджаць з Беларусі прапануем чытачам «Абажура».

Са сцэнарыстаў — у прайм-тайм

Аляксандр Філіпенка ніколі не думаў працаваць у кадры. Ён прыйшоў у якасці сцэнарыста на расійскі «Первый канал». Пісаў, як сам кажа, «самыя нясмешныя жарты» для Аляксандра Цыкалы ў праграме «Прожектор Пэрис Хилтон». А потым атрымаў прапанову весці рубрыку ў праграме Ксеніі Сабчак на тэлеканале «Дождь», з чаго і вырасла ўласнае гумарыстычнае шоу «Вечерний Герасимец с Романом Романовичем».

— Хто такі Раман Рамановіч?

— Для гэтага творчага псеўданіма я ўзяў імя майго мінская сябра, бо падумаў, што больш ідыёцкага спалучэння, чым прыдумалі яго бацькі, быць не можа.

— А Герасімец?

— Вы не ведаеце, хто такі Сяргей Герасімец? Гэта чалавек, які гуляў за зборную Беларусі па футболе. Між іншым, чалавек, які забіваў галандцам. Калі мы прыдумвалі найменне праграмы, а задача стаяла прыдумаць абсалютна бязглуздую назву, мы вырашылі знайсці штосьці агульнае паміж мною і аўтарам праграмы Ільёй. Ён — заўзятар каманды «Зеніт», а Сяргей Герасімец калісьці гуляў у «Зеніце», а я заўзею за зборную Беларусі. Хаця думаю, што калі б сам Сяргей Герасімец даведаўся, што ў ягоны гонар назвалі праграму, то быў бы крыху здзіўлены.

— У Вас ёсць яшчэ і сувядоўца — «рыбка Сяргей».

— Гэта мой сувядоўца, ён мне вельмі дапамагае. Прыдумваем пытанні 50 на 50, ён прапаноўвае гасцей.

Вечаровае шоу робіць госць

Эфір «Вечернего Герасимца» — гэта дыялог вядоўцы і госця пра найбольш актуальныя тэмы тыдня і, натуральна, «па профілі» госця. Усё з гумарам і ў лёгкім фармаце, без палымяных сур'ёзных дэбатаў.

— Ці ёсць у Вас госць мары?

— Кожны, хто яшчэ не быў у нас на эфіры! Я б, безумоўна, хацеў паразмаўляць з Уладзімірам Уладзіміравічам Пуціным. Дарэчы, Дзмітрый Мядзведзеў неяк зняўся ў нашым скетчы, які фактычна быў жартам з яго. Гэта, безумоўна, плюс для прэм'ер-міністра. Тым больш што ніхто не верыў у тое, што ён пагодзіцца, мы проста ведалі, што ён будзе побач з тэлеканалам і даслалі прапанову «на авось».

якога ў Беларусі няма

— Ці запрашалі каго з Беларусі?

— Я вельмі хацеў бы паразмаўляць з Сяргеем Міхалком, мы яго доўга запрашалі. Але ён не любіць размаўляць з журналістамі, кажа, што яго справа — музыка. Больш нікога не запрашалі.

— Вы ўяўляеце праграму фармату «Вечерний Герасимец» у Беларусі?

— Я не зусім разумею, што адбываецца на беларускім тэлебачанні, бо не гляджу яго. Але, мне падаецца, вечаровае шоу будуецца на госцю. Гэта самае важнае ў шоу. Я не ведаю, ці набярэцца ў Беларусі дастатковая колькасць гасцей на сезон. Гэта маглі б быць нейкія выканаўцы, футбалісты БАТЭ, зборнай. Але такі спіс хутка б скончыўся. Мне не зразумела, хто цікавы беларускаму гледачу, на жаль. Незразумела, пра што можна жартаваць, пра што не. Пэўныя тэмы могуць быць пад забаронай.

Прапановаў з Беларусі няма

У эфіры Аляксандр Філіпенка даволі часта ўзгадвае розныя беларускія падзеі, аднак цягам нашай размовы ўвесь час падкрэслівае, што глыбока ў сітуацыі не разбіраецца.

— Я — вядоўца вечаровага шоу і не лічу сябе журналістам. Мая задача — стварыць настрой. Асабліва для гледачоў «Дождя», якія 24 гадзіны на суткі глядзяць навіны, ад якіх, мне падаецца, можа выбухнуць галава. Адносна паралеляў з Беларуссю… Мне падаецца, што часам у Расіі нешта паўтараецца. Але ў апошні час я ўсё далей і далей ад палітыкі.

— Тым не менш у шоу шмат палітычных жартаў.

— Так! Што тут такога, усе жартуюць пра палітыку, паўсюль! Людзі ў Крамлі таксама жартуюць. Але мы жартуем пра палітыку не таму, што ў нас ёсць адмысловая ўстаноўка на гэта, а таму, што яна — частка жыцця, таксама як і балет, футбол, што заўгодна.

— Ці вярнуліся б Вы ў Беларусь?

— Я, уласна, і не лічу, што з'язджаў. Тым больш што мы жывём у такім «маленькім Еўрасаюзе». Тут у мяне ёсць праца, якая мне падабаецца, тут выходзіць мая кніга, тут мая сям'я. Пытанне не ў тым, што я не хачу туды ехаць ці ў мяне няма ніякіх прапановаў з Беларусі. Хаця такіх прапановаў сапраўды няма. Калі б нешта такое з'явілася, я б з задавальненнем вярнуўся… А вялікія прапануюць ганарары ў Беларусі?

Пра кнігу

Увосень выходзіць кніга Аляксандра Філіпенкі «Бывший сын». Яе падзеі заснаваныя на беларускай гісторыі — тут і трагедыя на Нямізе, і першыя выбары, і мітынг пратэсту ў 2010-м. Кніга — першы досвед у новай ролі, але будуць і наступныя. Дзеля іх і дзеля выхавання сына Аляксандр пакінуў кар'еру тэлевядоўцы і цяпер піша новы раман.

— У Вашай кнізе сабраныя моманты, якія мне асабіста падаюцца вызначальнымі для Беларусі, прычым яны прапушчаныя праз лёс аднаго чалавека…

— Я б хацеў, каб гэтая кніга ўвайшла калі-небудзь у школьную праграму. *(Смяецца.)* У ёй я апісваю часткова і сябе — у часе, калі жыў у Беларусі. І раман уласна пра чалавека, які з'язджае з Беларусі. Хтосьці пісаў пра тое, што гэта пратэстны раман. Але гэта, хутчэй, раман-адступленне, абсалютна дакладна не раман-барацьба. Гэта кампіляцыя нагодаў, праз якія беларусы з'язджаюць. Мне было цікава зразумець, чаму я з'ехаў, чаму гэта робяць іншыя. Ці вернуцца яны? Магчыма, у наступных раманах гэты ці іншы герой знойдзе нагоды вярнуцца.

— Разабраліся, чаму Вы з'ехалі?

— Я вучыўся ў ЕГУ. Яго закрылі. Прапанавалі студэнтам вучыцца ў БДУ, што мне не надта спадабалася, бо, калі б я гэтага хацеў, паступіў бы туды адразу. Была нейкая крыўда, неразуменне, чаму гэта ўсё адбываецца. Можна было паехаць вучыцца ў Чэхію ці Польшчу, але перш неабходна было б вывучыць мову — а значыць, страціць год. А мая бабуля сказала, што кожны адукаваны чалавек мусіць пажыць у Санкт-Пецярбургу. Я, дурань, яе паслухаў. *(Смяецца.)* І так апынуўся ў Расіі дзевяць гадоў таму. Хаця я не лічу, што я з'ехаў. Я проста вандрую.

У беспредела нет предела, или Особенности национальной охоты на журналистов

Михаил ПАСТУХОВ,
доктор юридических наук,
профессор

Журналист Дмитрий Галко стал широко известной в стране личностью, после того как отсидел 10 суток на Окрестина и написал острый и объемный материал о милицейско-судебном произволе, опубликованный в двух номерах газеты «Народная Воля» (от 21 и 24 мая 2013 года).

Почему же наш коллега оказался в эпицентре милицейского внимания и почему его осудили «ни за что»?

Мы встретились с Дмитрием и еще раз попробовали разобраться в том, что произошло.

— Дмитрий, как Вы пришли в журналистику?

— Можно сказать, что я — потомственный журналист. Мой отец — Галко Николай Андреевич — был профессиональным журналистом, работал в республиканской газете «Сельская жизнь», потом — в парламентской «Народной газете». Когда в 1995 году Александр Лукашенко своим указом освободил Иосифа Середича от должности главного редактора «Народной газеты», то на его место был назначен мой отец. Но он не продержался на этой должности долго, лишившись «величайшей милости». Примерно в то же время из-за конфликта с начальством освободили от должности мою маму, которая работала заместителем министра образования. Так что, можно сказать, диссидент я тоже потомственный.

Скажу честно: журналистика меня поначалу не привлекала. После окончания школы я выбрал философскую науку и поступил в Европейский гуманитарный университет, который тогда еще находился в Минске. Правда, учеба у меня гладко не шла по личным причинам. Когда доучился до третьего курса, ЕГУ закрыли.

Пока в Минске существовал ЕГУ, я сквозь пальцы смотрел на происходящее в стране. Это был островок интеллектуальной и личной свободы, где можно было не замечать окружающего беззакония. Только когда не стало этого островка, я со всей остротой ощутил, что в стране происходит что-то не так. Первой реакцией на это было бежать отсюда без оглядки.

Поехал искать счастья в Москву, где поступил в Институт журналистики и литературного творчества. Интерес к учебе был, но институт пришлось оставить из-за финансовых трудностей. Тогда же возникли острая потребность осмысления жизни, стремление высказаться. Создал блог в интернете, публиковал статьи в литературно-философском журнале «Топос», пытался пробиться в «Новую газету».

В это время я был уже второй раз женат, у нас рос сын Ян-Христиан. В 2007 году в Минске случилась трагедия с моим другом. Из-за несчастного случая он стал инвалидом I группы. Ему нужна была помощь, поэтому мы приняли решение вернуться домой.

Здесь мне предложили поучаствовать в «Дне блогера» на радио «Свабода», потом приняли в качестве нештатного корреспондента. Долгое время вел на сайте интернет-обзор. По отдельным темам готовил репортажи.

— А как же Вы попали под прессинг милиции 19 декабря 2010 года?

— После предварительного оглашения итогов президентских выборов как журналист и гражданин я посчитал своим долгом принять участие в акции на площади Независимости. Мы с женой и ее сыном, другом-инвалидом, его женой и приятелем из Новополоцка присутствовали на акции. Когда участники стали расходиться, мы тоже пошли домой. А когда поднялись на площадь Свободы, возле нас неожиданно притормозил микроавтобус, из него выскочили люди в черном. Грубо схватили меня, мою жену, а друга-инвалида просто волокли по асфальту. В отделе милиции, куда нас привезли, мы стали расспрашивать, за что нас взяли, в чем наша вина, что с нами будет. Я сказал, что работаю нештатным корреспондентом в независимом издании. После этого работники милиции стали куда-то звонить. Видимо, в отношении меня были какие-то установки. Во всяком случае, в отделе меня продержали, как и остальных, всю ночь, а утром отвезли в суд.

Суд был скорым и закрытым. Работники милиции завели меня в кабинет судьи. Тот провел быстрый опрос, зачитал написанные кем-то рапорта. Моим мнением судья даже не интересовался. Когда меня повторно ввели в кабинет судьи, тот огласил: 10 суток административного ареста.

К тому времени мою жену и друзей уже пропустили через «судебный конвейер» (женщинам и другу-инвалиду дали большие штрафы, остальным — 15 суток). Находясь в том же суде, они искали меня. Но им отказались назвать кабинет, где меня втихую судили.

Отбывать административный арест меня направили в изолятор г. Жодино. Там очень жесткий режим, по типу тюрьмы: с овчарками, металлическими заграждениями, ужасным питанием. Но контингент оказался почти «своим» — молодые парни — участники Площади. Продуктовые передачи в камеры было запрещено приносить (только воду и сигареты). Из прессы — только «СБ». Десять суток показались вечностью. Что интересно: нас там допрашивали представители трех ведомств, в том числе КГБ. Их интересовало, что видели, кого видели.

— Что Вы делали после административного ареста?

— После освобождения из изолятора рассказал обо всем в пяти объемных публикациях. Все увиденное и пережитое произвело на меня удручающее впечатление. В знак протеста я решил начать голодовку, не выходя из дома. Одновременно рассылал требования об освобождении политзаключенных. Особенно меня тревожила судьба Никиты Лиховида, который стойко переносил все тяготы неволи, в том числе в карцере.

Я проголодал 25 дней. Состояние мое становилось угрожающим. Многие родственники и знакомые просили меня подумать о последствиях. После взрыва в минском метро стало ясно, что дальше нет смысла голодать. В своем блоге я размещал материалы на тему теракта и о суде над задержанными...

— Что было дальше?

— Моя депрессия затянулась больше чем на полгода. Только осенью 2011 года я попросился на работу в «Народную Волю», где стал заниматься редакционным сайтом. Время от времени готовил для газеты свои публикации. В основном остросоциальные репортажи, но затрагивал и политические темы. Накануне моего второго ареста вышел объемный материал о суде над Трухановичем, а незадолго до этого был опубликован репортаж с презентации книги политзаключенного Олиневича. Как признался один из спецназовцев, который участвовал в «операции» по нашему задержанию, на нас была «наводка».

— И как проходило очередное задержание?

— Опять-таки неожиданно. Я даже не предполагал, что к мирно идущим людям может подъехать микроавтобус, из которого как черт из табакерки выскочат молодые парни и предложат зайти к ним в «гости». По сути, это была спланированная милицейская акция, так как нас после задержания повезли в РУВД. Там никто не спешил с нами разбираться: ничего нам не объясняли, никаких бумаг не составляли. На ночь нас заперли в «обезьянник», как бомжей.

Только в 10 утра двери камеры открылись, и началась «работа». В рапортах, которые нам предъявили для ознакомления, мы обвинялись в нецензурной брани и неповиновении работникам милиции. Нас почему-то записали безработными, хотя у меня было удостоверение корреспондента «Народной Воли», а у Александра — корреспондента информагентства БелаПАН.

— Очередной суд, наверное, тоже произвел впечатление?

— Конечно, самое негативное. Приглашенные в качестве свидетелей спецназовцы откровенно лгали и противоречили друг другу. Судья

Е. Хаткевич пытался привести их показания хоть к какому-то знаменателю. На этот спектакль было просто стыдно смотреть.

У меня сложилось впечатление, что все «служивые» и судьи знают, что нас привлекают к ответственности ни за что, а точнее за то, что мы — «непростые» люди. Сотрудников силовых структур и судейского корпуса совсем не интересует, совершили мы что-то или нет. Для них главное — выполнить установку свыше и дать соответствующий срок наказания.

— И еще один «тюремный» вопрос. Как Вы оцениваете условия содержания в ЦИП (Центре исправления правонарушителей) на ул. Окрестина?

— Не дай бог кому-то побывать в этом дерьме. Нахождение там унижает человеческое достоинство и к тому же небезопасно. Например, меня направили в камеру, где были обнаружены вши. Когда я стал возмущаться, охранник отвел меня в сторону и предложил сделку: если я замолчу, то он переведет меня в другую камеру. Я отказался. Жалобу подписали всей камерой. Тогда сидельцев нашей камеры перевели, а на наше место заселили других людей. Через пару дней вши расселились почти по всему этажу, начальству пришлось вызывать санитаров и делать прожарку.

В нашей камере сидел наркоман, больной гепатитом. Его предупредили, чтобы он не говорил о своей болезни, иначе его сгноят в «стакане» (каменный колодец, в который садят перед отправкой в суд или при переводе в другой изолятор. — *Авт.*). Мне пришлось видеть мучения человека, больного эпилепсией. Еще был молодой парень с белой горячкой (только благодаря требованиям соседей по камере ему оказали медицинскую помощь).

За четыре дня до окончания 10-суточного ареста меня перевели в «двойник» с уголовником, за плечами которого было 25 лет отсидки. Как потом выяснилось, такие меры «профилактики» применялись и в отношении ряда политзаключенных.

ЦИП на Окрестина — как преисподняя, где многие люди теряют человеческий облик, ломаются. Там не знаешь, что с тобой может произойти в следующую минуту или в очередную ночь. Особенно тяжело приходится людям образованным, интеллигентным, больным и пожилым. Нахождение там — сущая пытка: невероятная скученность, зависимость от всех и каждого, некачественное питание, отсутствие отдыха и нормального сна, постоянно угнетенное состояние. Можно сказать, что условия отбывания административного ареста хуже, чем нахождение в колонии.

Побывав несколько раз в этом аду, я возмущаюсь, когда кто-нибудь говорит, что это, мол, ничего, терпимо и полезно «для просветления мозгов». Как будто беззаконие может быть в гомеопатических дозах. На самом деле у беспредела нет предела. Беззаконие в любом виде и в любой дозе останется беззаконием. И нормальному обществу должно быть не безразлично, в какие условия попадают его члены, которых сажают в милицейские изоляторы и ЦИПы по лживым обвинениям, т. е. ни за что!

Комментарий юриста

Действительно, нам не безразлично, что происходит и как обращаются с людьми, которые занимают активную гражданскую позицию, и в том числе с нашими коллегами-журналистами. Их хватают средь бела дня бойцы спецподразделений, переодетые в гражданскую одежду, потом везут в неизвестном направлении без объяснения причин. Оставляют в камерах милицейских учреждений на ночь, как преступников, однако без предъявления каких-либо обвинений. А утром, во время суда, они становятся «хулиганами» и «дебоширами». Суд выносит им обвинения без всяких гарантий защиты, даже в присутствии адвоката и публики. Свидетели-милиционеры плетут разные измышления, и судьи им верят. Наказание «ни за что» — 10, а то и 15 суток административного ареста. А там, в изоляторах, как рассказал мой собеседник, — преисподняя, где приходится спать на вшивых матрасах и есть баланду.

Это можно назвать беззаконием, произволом, беспределом, как угодно. Но такая ситуация превращает жизнь многих людей в кошмар. И белорусское общество хотят убедить в том, что это нормально. Но это никак не стыкуется с тем, что наша страна находится в центре цивилизованной Европы, о чем нам постоянно напоминают государственные телеканалы. Как и о бурном развитии нанотехнологий, «силиконовых долин», о масштабной модернизации, стабильности и невиданных экономических победах. Однако на этом фоне большое количество образованных людей постоянно окунают в «пещерный век», где нет телефонов, телевизоров, прессы, чистой одежды, нормальной пищи, где отношение к обычным гражданам хуже, чем к закоренелым преступникам. Об этом власти и государственные СМИ молчат.

Однако оставим эпитеты и эмоции. Вернемся к строгому юридическому языку и правовым нормам.

Рассматривая ситуацию, в которой оказались Дмитрий Галко и его коллега Александр Ярошевич, остановимся лишь на наиболее существенных моментах. В том порядке, в каком они возникали в производстве по административному делу.

Гарантии неприкосновенности личности

В Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 года (далее — ПИК) черным по белому записано: *«Никто не может быть задержан за совершение административного правонарушения при отсутствии на то законных оснований и в нарушение порядка, установленного настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 2.4).*

По смыслу закона следует, что сначала должны быть основания для задержания. А только потом возможно задержание. Значит, создание «летучих отрядов» спецназовцев в гражданской одежде для вылавливания отдельных граждан недопустимо. Более того, такие действия являются преступными. Их можно квалифицировать по ряду статей Уголовного кодекса, в частности, ст. 183 «Незаконное лишение свободы» (ограничение личной свободы человека путем водворения его в какое-либо помещение или иного насильственного удержания при отсутствии признаков должностного или другого более тяжкого преступления), ст. 185 «Принуждение» (принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенное под угрозой применения насилия к нему или его близким… либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления), ст. 426 «Превышение власти или служебных полномочий» (умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам).

По закону, на судье, прокуроре, органе, ведущим административный процесс, лежит обязанность (!) немедленно освободить всякого незаконно задержанного (ч. 2 ст. 2.4).

А что на практике? Ни один из указанных субъектов даже ухом не поведет, узнав об очередном «хапуне». Они молчат. Потому что знают, что их коллеги по «юридическому цеху» делают «важную государственную работу». А ведь этих «коллег» надо привлекать к ответственности как вероятных преступников.

Порядок задержания лиц, подозреваемых в совершении административных правонарушений

Административное задержание состоит в кратковременном ограничении свободы лица, в отношении которого ведется административный процесс, за совершение им административного правонарушения; в доставлении его в орган, ведущий административный процесс, и в содержании в данном органе (ч. 1 ст. 8.2 ПИК).

В законе также прописано, что административное задержание применяется в следующих целях: 1) пресечения противоправной деятельности; 2) составления протокола об административном правонарушении, если составление его на месте выявления (совершения) административного правонарушения не представляется возможным; 3) установления личности; 4) обеспечения участия при рассмотрении дела об административном правонарушении; 5) пресечения сокрытия или уничтожения доказательств; 6) обеспечения исполнения административного взыскания в виде административного ареста или депортации.

По просьбе лица, задержанного за совершение административного правонарушения, о месте его нахождения *в течение трех часов* уведомляются совершеннолетние члены его семьи, близкие родственники, защитник, наниматель, с которым задержанный состоит в трудовых отношениях, администрация учреждения образования, учащимся или студентом которого он является. О задержании несовершеннолетнего уведомление родителей или лиц, их заменяющих, обязательно.

В то же время лицо, в отношении которого применено административное задержание, срок которого длится более трех часов, содержится в местах, определяемых органами, ведущими административный процесс.

Как видим, процесс задержания в значительной мере отдается на усмотрение лиц, которые уполномочены осуществлять задержание. Они могут составить протокол о задержании на месте правонарушения, а могут доставить в отделение милиции. У них широкий выбор целей, для достижения которых гражданина можно задержать и увезти. Если человек будет просить сообщить родственникам или знакомым о его задержании, то «уполномоченные лица», по смыслу закона, должны в течение трех часов такое уведомление сделать. По истечении этого времени они могут гражданина отпустить, а могут держать и дальше. Как долго?

Ответ на этот вопрос содержится в ст. 8.4 ПИК. К примеру, на срок свыше трех часов, но не более чем на 72 часа (трое суток) могут задерживать лиц, совершивших административное правонарушение, за которое в качестве взыскания предусмотрен административный арест. При этом срок административного задержания исчисляется с момента фактического задержания. Протокол об административном задержании в таком случае составляется должностным лицом, которое проводило задержание.

Из этой нормы ПИК следует, что лица, которых оставляют «ночевать» в отделе милиции, должны совершить относительно тяжкие административные правонарушения, за которые грозит административный арест. Протоколы на них должны составлять лишь те работники милиции, которые их лично задерживали.

В случае с Д. Галко и А. Ярошевичем мы видим, что спецназовцы завезли ребят в отдел милиции и

оставили «сидеть». Никто им не объяснял, на каком основании они задержаны, им не разрешили позвонить, в том числе родным и адвокату. Их просто заперли в «обезьянник» для обдумывания своего положения. И только утром «обрадовали» определенностью: их обвиняют в двойном правонарушении (нецензурная брань плюс оказание сопротивления работнику милиции). Правда, с составлением протокола пришлось попотеть, так как мастеров словесной изящности среди спецназовцев не нашлось.

Ночь в «обезьяннике»

Вместе с другими задержанными журналистов закрыли в камере. По словам Дмитрия Галко, «это помещение два на три метра, большую часть которого занимала деревянная “сцена” (нары)… Без окна, с мрачным тусклым светом, шершавыми грязно-зелеными стенами и залитым мочой полом. Последнее неудивительно, потому что дежурный не хотел себя утруждать выводом задержанных в туалет. “А больше тебе ничего не надо?” — ответил он на мою единственную за всю ночь просьбу. Потом он ее выполнил, раздраженно матерясь, когда я прикрикнул, что, мол, если задержали ни за что, то хотя бы имейте совесть, обращайтесь по-человечески».

Еще одна деталь, описанная Д. Галко: «Трезвому человеку, которого по труднообъяснимым причинам вырвали из нормальной жизни и бросили в этот жутковатый склеп, заснуть было нельзя. Постоять у одной стенки, перейти к другой, присесть на корточки, уставиться в прострации на тусклую лампочку. Приляжешь на “сцену”, глянешь в черный потолок, почти сразу вскочишь от ощущения, что тебя погребли заживо» *(см.: Как «непростых» людей в Беларуси бросают за решетку // Народная Воля. 2013. 21 мая).*

Как оценить это пребывание в «склепе»? Как оно согласуется с международными актами, которые ратифицированы Республикой Беларусь как членом ООН?

По большому счету, для нормального, интеллигентного человека водворение в этот «жутковатый склеп» можно признать пыткой в ее официальном понимании. Напомню, что определение пытки дается в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 года). Под пыткой понимаются *«действия, которые какому-либо лицу умышленно причиняют боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома, или с молчаливого согласия».*

Во всяком случае, Дмитрий Галко испытал страдания, физические и нравственные, осознал, что для него это наказание, запугивание и принуждение и что все это происходит в стенах государственного органа и с ведома его служащих. Другими словами, такая камера в РУВД — это пыточная, которой не место в современном демократическом государстве.

Можно сослаться и на другой международный документ — Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утвержден резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988 года). Речь идет о задержанных по подозрению в совершении преступлений, а не каких-то административных правонарушений. И тем не менее в Своде требуется от государств, чтобы к задержанным и заключенным под стражу проявлялись гуманное отношение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. При этом подчеркивается, что ни одно задержанное или находящееся в заключении лицо не должно подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания.

Работники милиции как лжесвидетели

Дело против журналистов Д. Галко и А. Ярошевича еще раз подтвердило этот печальный факт, получивший массовое распространение. Ну как можно правдиво обвинить журналистов в том, чего они не совершали?!

В Кодексе об административных правонарушениях имеется ст. 24.4, предусматривающая ответственность за заведомо ложное объяснение свидетеля или потерпевшего, что влечет наложение штрафа от 10 до 50 базовых величин. Однако на практике нет случаев привлечения милиционеров-лжесвидетелей к ответственности. И это не случайно. Работники милиции, вызываемые в суды для дачи показаний, как бы отбывают повинность по указанию своего начальства. Тем самым они негласно получают индульгенцию на дачу ложных показаний.

К сожалению, белорусское законодательство допускает свидетельские показания работников милиции по делам об административных правонарушениях без всяких ограничений.

В нормах международного права вопрос о возможности использования показаний представителей власти прямо не регламентируется. Однако предполагается, что такие показания могут даваться лишь в исключительных случаях, когда нет другой возможности установить факты. К такому выводу позволяет прийти изучение норм Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ОНН 17 декабря 1979 года).

Что можно предложить, чтобы прекратить практику лжепоказаний работников милиции в отношении «непростых» людей? Самая простая мера — установить запрет для работников милиции выступать в качестве

свидетелей по делам, в которых они сами принимали непосредственное участие.

Судья — не обвинитель, а независимый арбитр

Как свидетельствует практика, судебный процесс по делам об административных правонарушениях не содержит достаточных гарантий защиты прав и свобод так называемых правонарушителей. Например, Дмитрий Галко, несмотря на свою невиновность, наличие грамотного адвоката, изобличение милиционеров-спецназовцев в лживости их показаний, получил 10 суток административного ареста. Почему?

Да потому, что у нас не только лживые свидетели-милиционеры, но и зависимые судьи. Как можно осудить человека, если полностью разбит фундамент обвинения — свидетельская база. Никто не отменял действие презумпции невиновности, согласно которой лицо не может быть привлечено к административной ответственности, пока не будет установлена его виновность в совершении правонарушения (ст. 2.7 ПИК). Любые сомнения в обоснованности вывода о виновности лица, в отношении которого ведется административный процесс, должны толковаться в его пользу.

Однако судья ничего не хотел видеть и признавать. Он был заранее ориентирован на осуждение. Для него даже нормы Конституции не имели силы: судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону (ч. 1 ст. 110).

Видимо, излишне говорить, что в цивилизованном мире (в рамках ООН) действуют Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов (приняты VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в августе — сентябре 1985 года). В этом документе к судам предъявляется главное требование — независимость. В этой связи от судов требуется, чтобы они решали переданные им дела беспристрастно, на основе фактов и в соответствии с законом.

В отношении же судьи, который осудил человека «ни за что», остается только одна «перспектива» — ст. 392 УК «Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта».

Пока очевидно, что белорусскому обществу нужны другие суды и другие судьи. Но для того чтобы они появились, нужно провести радикальную судебную реформу, которая должна обеспечить независимость и самостоятельность судов и судей, которые будут вершить правосудие не в интересах власти, а на основании закона и по справедливости.

Хуже, чем в колонии

Административный арест относится к самым строгим мерам административного взыскания. Согласно ст. 6.7 КоАП, административный арест состоит в содержании физического лица в условиях изоляции в местах, определяемых органом, ведающим исполнением административных взысканий, и устанавливается на срок до 15 суток.

По словам Дмитрия Галко и других журналистов, условия содержания в специальном месте изоляции административных правонарушителей — Центре исправления правонарушителей на ул. Окрестина — мало чем отличаются от того, с чем приходится сталкиваться при отбывании лишения свободы в исправительных колониях и тюрьмах.

Не делает чести нашему государству то, что в местах изоляции административных правонарушителей запрещены передачи с продуктами питания, не разрешают пользоваться мобильной связью, интернетом, заниматься спортивными играми. Т. е. условия более жесткие, чем предусмотрены Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными, принятыми ООН еще в 1955 году. В них говорится о минимальной площади, которая должна отводиться для каждого осужденного, об освещении, отоплении, вентиляции, санитарных требованиях и даже о банных установках.

Позором является и то, что государство не стесняется брать деньги с «арестантов» за питание. При выходе на свободу им вручают квитанцию на оплату «обслуживания» за время нахождения в ЦИПе.

Мне представляется, что административный арест как вид административного взыскания следует отменить вообще, поскольку его последствия не соизмеримы с тем вредом, физическими и нравственными страданиями, причиняемыми «арестантам». Кроме того, следует иметь в виду политический подтекст такого взыскания, которое обычно применяется к политическим оппонентам власти с целью их наказания и устрашения.

***

Ситуация, которая произошла с журналистами Дмитрием Галко и Александром Ярошевичем, наглядно показала, какими беззащитными перед произволом властей остаются независимые журналисты и любой человек, имеющий мужество высказать критическое мнение в отношении царящего в стране беззакония. Только гласность, журналистская солидарность и информирование общества о всех нарушениях прав человека могут остановить этот произвол и изменить ситуацию в нашей стране к лучшему.

Фото Б. Горецкого

Почему важны права журналистов

Олег Агеев

Наши законы достаточно цивилизованны, но в результате пренебрежения ими Беларусь оказалась в списке нецивилизованных стран.

Абсолютно очевидно, что для нормального функционирования общества жизненно необходима свобода средств массовой информации. Ведь очень важно, чтобы любой член общества мог получить ту информацию, которую хочет иметь, и чтобы на основании этой информации люди приходили к тем или иным выводам по огромному спектру вопросов.

Не вызывает сомнений, что для реализации обозначенных возможностей должны существовать как механизмы донесения информации, так и люди, которые будут обеспечивать работу этих механизмов. Таких людей принято называть журналистами. И их роль в системе индивид — общество — государство настолько важна, что любому должно быть понятно, что права журналистов без законных оснований нарушать не следует. Ибо журналисты выполняют важную социальную функцию.

Наше государство совершило целый ряд шагов по закреплению гарантий и прав на получение членами общества информации, обещая предоставить индивиду всю гамму мнений по любому вопросу. Права гарантированы и журналистам, профессиональный долг которых — донести информацию и распространить различные точки зрения на ту или иную проблему.

Беларусь присоединилась к ряду международных пактов и договоров и согласилась в числе прочего с тем, что каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения. Это право включает в себя свободу поиска, получения и распространения всякого рода информации и идей, независимо от государственных границ, устно, письменно, посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по выбору человека (ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Указанные выше стандарты нашли свое отражение в Конституции Республики Беларусь. Там, наравне с другими правами, предусмотрено, что каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение.

Также Конституция гарантирует гражданам Республики Беларусь право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды.

Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы (ст. 33 и 34 Конституции Республики Беларусь).

Кроме того, на национальном уровне были приняты законы, предусматривающие, что не допускается незаконное ограничение свободы массовой информации (ст. 7 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации»).

Установив такие правила игры, государство абсолютно справедливо определило и ответственность за нарушение этих правил. Так, в Беларуси предусмотрено, что воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста либо принуждение его к распространению или отказу от распространения информации, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, уничтожением или повреждением имущества, ущемлением прав и законных интересов журналиста является преступлением и наказывается в уголовном порядке. И наказывается достаточно серьезно — до трех лет лишения свободы (ст. 198 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Таким образом, наше государство создало цивилизованную законодательную базу для функционирования средств массовой информации и работы журналистов.

Казалось бы, так четко прописанные законодательные нормы должны быть очень-очень понятны и исполняться всеми государственными чиновниками: как избираемыми, так и назначаемыми.

Однако на практике эти самые чиновники и просто люди в форме белорусских силовых ведомств

почему-то «забывают» о той роли, которая отведена законом и обществом журналистам. Каждый из нас может вспомнить не один десяток случаев, когда представители государственных органов в отношении журналистов совершали действия, которые по закону могут и должны быть квалифицированы как преступление. Вот краткий перечень неправомерных действий:

- привлечение журналистов к уголовной ответственности за выполнение ими профессиональных обязанностей;
- задержания журналистов во время несанкционированных властями митингов;
- избиение журналистов;
- аресты на основании заведомо ложных показаний;
- обыски и личные досмотры, зачастую без законных оснований;
- изъятие или повреждение аппаратуры;
- уничтожение фото, видео, аудио на носителях информации;
- безосновательные предупреждения о недопустимости нарушения закона;
- ликвидация средств массовой информации по формальным основаниям;
- отказ в аккредитации;
- отказ в предоставлении информации;
- угрозы;
- хамство…

Увы, это далеко не полный перечень того, что испытывают на себе белорусские журналисты практически ежедневно при осуществлении профессиональной деятельности.

Условия, в которых они выполняют свои профессиональные обязанности, никак нельзя назвать цивилизованными. Закономерно возникает вопрос: «Почему так происходит?» Что это — одиночные эксцессы исполнителей или целенаправленная, спланированная и хорошо организованная политика государственных органов?

Если действительно случаи нарушения прав журналистов не системны, то виновные в этом лица должны быть установлены. Нарушения ими закона должны быть расследованы государством. Нарушители должны быть привлечены к ответственности по процедуре, которая должна обеспечивать публичность и справедливость вынесенных решений. Наказание нарушителям должно быть соразмерным и основанным на законе.

Но происходит ли это? Можем ли мы привести примеры привлечения государственных чиновников хотя бы к дисциплинарной ответственности за воспрепятствование деятельности журналистов?

Если такое и происходит, то государственные органы делают все, чтобы как можно меньшее количество людей узнало о фактах привлечения чиновников и людей в погонах к установленной законом ответственности. Следовательно, на эксцессы исполнителей, которые, нарушая права журналистов при сборе и распространении информации и мнений, нарушают политику государства, это не похоже. А похоже на то, что нарушения прав являются частью большого и вполне известного чиновникам всех рангов замысла. И тут уже нет смысла выяснять и спорить, виновато ли несовершенство законодательной базы или практика применения качественно написанных законов.

Вопрос в другом. К каким результатам это приводит?

Большинство нарушений прав журналиста как личности напрямую касается его личных гражданских прав и свобод, гарантированных ему от рождения вне зависимости от профессии. Ведь журналист сам является частью общества. И, нарушая профессиональные права журналиста, государство зачастую нарушает гражданские и политические права личности: право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободное передвижение, право на свободу от пыток и бесчеловечного обращения, право на справедливое судебное разбирательство, право на невмешательство в личную жизнь, право на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, право не подвергаться незаконным посягательствам на честь и репутацию, право на свободу мнения, право на неприменение дискриминации, право на равенство перед законом.

Однако еще большую угрозу обществу несут нарушения этих прав, если вспомнить об особой роли средств массовой информации. Ведь если журналист не смог собрать, сохранить и распространить полную, достоверную и своевременную информацию о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды и еще о целом ряде явлений или процессов, значит, эту информацию не получит общество. Эти сведения не получат многие индивиды, составляющие это самое общество. У людей не будет возможности ознакомиться с мнениями других и выработать свою собственную точку зрения.

Следовательно, в итоге мы получим общество, состоящее из людей, которые не знают важной информации и не имеют своего собственного мнения. Таков прямой результат нарушения государством прав журналистов.

Любое цивилизованное государство должно быть прямо заинтересовано в соблюдении и защите законных прав и свобод журналистов при осуществлении ими профессиональной деятельности с целью создания полноценного информированного общества, в котором каждый индивид сможет сформировать, иметь и выражать собственное мнение на благо того же общества. Хочется надеяться, что и наше государство в ближайшее время также придет к такому выводу.

Рыхтуем відэа для інтэрнэту

Вітаўт РУДНІК

Лепш адзін раз убачыць, чым сто разоў пачуць. Гэтая народная мудрасць добра падыходзіць да апісання ролі відэаматэрыялаў у сучаснай журналістыцы. Замест чытання вялікіх тэкстаў і слухання радыёпраграм сённяшняя аўдыторыя аддае перавагу кароткім відэасюжэтам, якія дазваляюць зарыентавацца ў тым, што адбываецца, убачыць «карцінку» падзеі. Менавіта жывая «карцінка» вывела ў свой час у бясспрэчныя лідары сярод СМІ тэлебачанне.

Сёння, аднак, часы імкліва змяняюцца. Людзі ўжо не чакаюць з'яўлення навінаў на тэлеканалах, а аператыўна шукаюць іх на сваіх любімых сайтах, у сацыяльных сетках.

Сёння кожны чалавек можа зняць відэа на мабільны тэлефон альбо фотакамеру, апрацаваць яго з дапамогай простых праграм і змясціць у інтэрнэце. Тое, на што раней у тэлестудыях спатрэбіліся б гадзіны, цяпер можна зрабіць за хвіліны!

Усё гэта вымагае дадатковых уменняў ад журналістаў, якія павінны цяпер валодаць асновамі падрыхтоўкі відэаматэрыялаў для інтэрнэту.

Плануем падрыхтоўку відэаматэрыялу

Перад пачаткам працы над відэаматэрыялам трэба адказаць сабе на некалькі важных пытанняў:

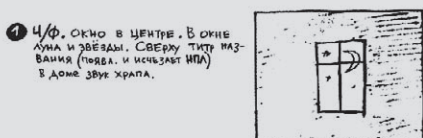
- што і для чаго я хачу паказаць у сваім матэрыяле;
- якой ён будзе працягласці;
- што мне спатрэбіцца для здымак (дамоўленасці з людзьмі, фотаздымкі, пытанні для інтэрв'ю і г. д.);
- якім абсталяваннем я буду карыстацца для падрыхтоўкі відэа (прафесійная ці аматарская камера, партатыўная камера, смартфон і г. д.);
- колькі ў мяне будзе часу на рэдагаванне знятага матэрыялу;
- якім патрабаванням якасці павінна адпавядаць знятае мною відэа.

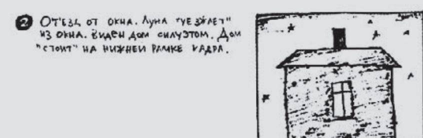
Адказы на гэтыя пытанні не толькі дазволяць лепш падрыхтавацца да здымкі відэа, але і значна скароцяць час на яго апрацоўку для змяшчэння ў інтэрнэце. У большасці сучасных мультымедыйных рэдакцый стаўка робіцца на тое, каб відэаматэрыялы ствараліся хутка, каб мінімізаваць час ад моманту з'яўлення задумы

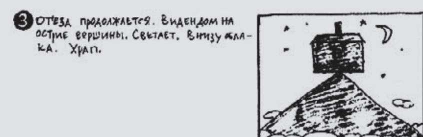
сюжэта да моманту з’яўлення гэтага сюжэта ў інтэрнэце.

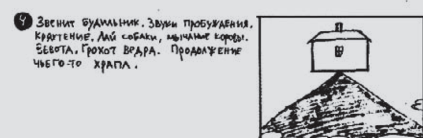
Як нараджаецца відэаматэрыял? Часта гэта здараецца выпадкова: вы сталі сведкам цікавай падзеі і зафіксавалі яе на відэа альбо па заданні рэдактара выехалі на месца здарэння і знялі адтуль сюжэт. Нават ва ўмовах абмежаванага часу варта памятаць пра мэту і структуру матэрыялу. Што вы хочаце паказаць свайму гледачу? У якой паслядоўнасці?

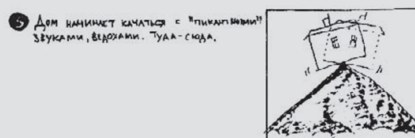
Разлічыць усё гэта дапаможа гэтак званая «раскадроўка» (альбо StoryBoard), з дапамогай якой вы сплануеце ключавыя кадры, што трэба будзе зняць. Калі няма магчымасці намаляваць план вашага сюжэта на паперы ці ў камп’ютары — зрабіце гэта ў галаве!

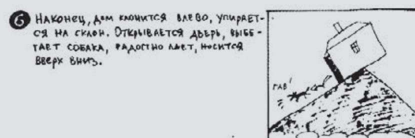

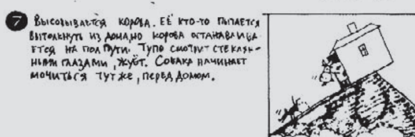

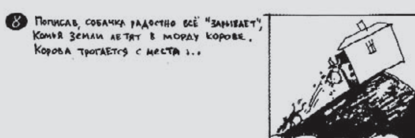

Узор «раскадроўкі» пачатку мультфільма «На краі зямлі», зроблена́й аўтарам праекта Канстанцінам Бронзітам (http://goo.gl/8CkrB)

Асаблівасці здымання відэа для інтэрнэту

Цяпер, калі мы выразна спланавалі, якія кадры павінны ўвайсці ў сюжэт, можна рыхтавацца да здымак. Нягледзячы на тое, што, працуючы над відэаматэрыялам, мы карыстаемся агульнымі прынцыпамі падрыхтоўкі відэа, трэба памятаць, што інтэрнэт дыктуе нам пэўныя абмежаванні. Напрыклад, варта пазбягаць бляклых фарбаў: падчас сціскання відэафайлаў перад іх публікацыяй у інтэрнэце якасць знятага матэрыялу пагаршаецца. Трэба таксама ўважліва ставіцца да факусіроўкі, калі вы набліжаеце аб’ект альбо аддаляеце яго.

Перад пачаткам здымак пастарайцеся максімальна стабілізаваць камеру. Напрыканцы таксама важна патрымаць камеру некаторы час у нерухомым стане перад тым, як спыніць здымку.

Вось яшчэ некалькі парадаў, якія дапамогуць вам падрыхтаваць больш якаснае відэа для інтэрнэту:

1. Старайцеся атрымаць добры гук. Вецер, шум транспарту і г. д. могуць сапсаваць вашую працу! Калі размаўляеце з чалавекам — падыдзіце бліжэй да яго, папрасіце яго гаварыць гучней альбо адвядзіце яго ў больш ціхае месца. Памятайце, што голас чалавека, які дае інтэрв’ю, дапамагае зразумець, што ён адчувае. Натуральны гук падкрэслівае дзеянні і стварае атмасферу. Людзі часта не ўсведамляюць таго, што яны даўжэй будуць глядзець матэрыял, зняты не вельмі добрай камерай, калі гук выдатны. Таму вельмі важна падрыхтаваць добрыя мікрафоны, бо якасны гук не менш важны за якасныя кадры.

2. Ваш суразмоўца павінен глядзець на вас, а не проста ў аб’ектыў.

3. Пазбягайце белага фону.

4. Старайцеся здымаць у добра асветленых месцах, бо кепскае асвятленне істотна пагоршыць якасць відэа.

5. Адпачатку «зачапіце» гледача нечым яркім, запамінальным. Што можа дапамагчы ў гэтым? Эмоцыі, якія дазваляюць гледачам спрычыніцца да гісторыі, адчуць яе асабіста. Людскія гісторыі (Human Story): самыя цікавыя сюжэты звычайна звязаныя з людзьмі, іх характарамі, канфліктамі паміж імі, чалавечымі пачуццямі і ўчынкамі.

6. Памятайце, што здымка буйным планам, увага да дэталяў — гэта заўсёды эфектыўна. Чаргуйце буйныя, сярэднія, дальнія планы. Пры неабходнасці здымайце з розных ракурсаў.

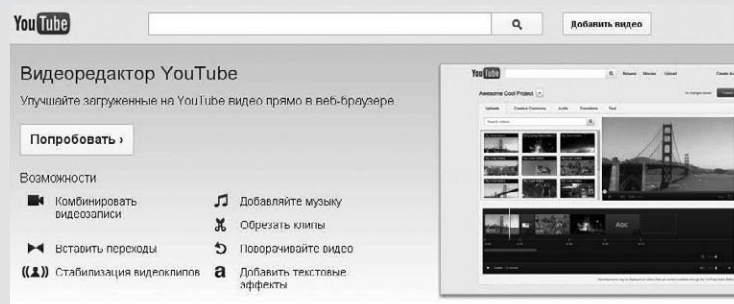
7. Важнасць. У адрозненне ад шматлікіх звычайных ролікаў, журналісцкія відэагісторыі павінны паказваць нешта новае, цікавае, незвычайнае альбо актуальнае. Не варта забывацца пра гэта!

8. Трымайцеся абранага фокусу! Увага гледачоў можа пераключыцца за лічаныя секунды, калі вы абцяжарыце сюжэтную лінію непатрэбнымі фактамі, дэталямі, вобразамі і г. д.

Мантаж відэа і яго публікацыя ў інтэрнэце

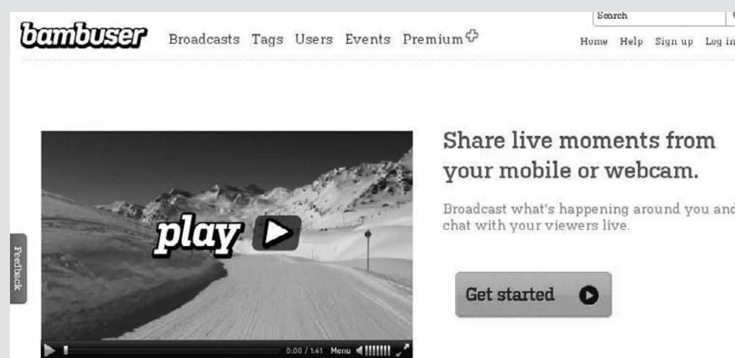
Пасля таго як матэрыял зняты, пераходзім да яго мантажу. Канчатковы выбар таго, што ўвойдзе ў сюжэт, кампаноўка кадраў, праца з гукам, дадаванне тэксту (назва, тытры) — асноўныя аперацыі, якія журналісту давядзецца выканаць на гэтым этапе. Зрабіць мантаж можна з дапамогай як Windows Movie Maker, «убудаванага» ў большасць камп’ютараў, так і з выкарыстаннем іншых бясплатных і платных праграм для рэдагавання. Падрабязныя інструкцыі лёгка знайсці ў інтэрнэце.

Працягнуць рэдагаванне можна і пасля таго, як матэрыял выстаўлены ў інтэрнэт. Прынамсі, такую магчымасць дае праграма для рэдагавання папулярнага відэасервіса YouTube. Вы можаце адразу запампаваць знятае відэа са свайго тэлефона альбо планшэта ў YouTube і пры патрэбе там жа адрэдагаваць яго альбо адразу пераставіць адтуль на сайт сваёй рэдакцыі.

Апублікаваць відэа можна як наўпрост на сайце ці ў блогу вашай рэдакцыі, так і з дапамогай спецыяльных анлайн-сервісаў. Найбольш вядомымі з іх з’яўляюцца такія сервісы, як YouTube альбо Vimeo.

З дапамогай сервіса Bambuser можна адразу весці прамыя відэатрансляцыі са свайго тэлефона, планшэта альбо ноўтбука.

Часам перад тым, як апублікаваць відэа ў інтэрнэце, трэба перавесці яго ў патрэбны фармат (avi., mp4 і г. д.). Зрабіць гэта можна таксама з дапамогай бясплатных праграм кшталту Any Video Converter.

Здымаем на тэлефон ці партатыўную камеру

Адным з важных фактараў якаснай здымкі відэа з’яўляецца добрае веданне абсталявання, якім вы карыстаецеся. Вывучыце магчымасці сваёй камеры (фотаапарата ці тэлефона, на якія вы здымаеце відэа), каб пазбегнуць патэнцыйных праблем з тэхнікай, што звычайна здараюцца ў самыя адказныя моманты.

Многія журналісты карыстаюцца сёння для падрыхтоўкі відэа кішэннымі камерамі кшталту Flip, Kodak і г. д. альбо смартфонамі. Гэта сапраўды кампактныя, простыя ў абслугоўванні, лёгкія прылады, якія дазваляюць здымаць дастаткова якасныя матэрыялы, калі ведаць асаблівасці выкарыстання такой тэхнікі.

Вось некалькі рэкамендацый па выкарыстанні такога абсталявання, змешчаных на сайце Міжнароднай журналісцкай сеткі **ijnet.org**:

1. Карыстайцеся кішэнным штатывам

Такія штатывы звычайна прадаюцца ў камплекце з кішэннымі камерамі. Калі штатыва няма альбо вы здымаеце на тэлефон — знайдзіце штосьці, каб зафіксаваць камеру.

2. Пазбягайце лішніх рухаў камеры

Паспрабуйце зрабіць так, каб усе дзеянні адбываліся ў межах кадра, дайце ім магчымасць зайсці ў кадр і выйсці з яго, паспрабуйце павялічваць і памяншаць карцінку. Калі неабходна — падыдзіце бліжэй.

3. Здымайце кадры паслядоўна

Тады вы зможаце змантаваць матэрыял лепш. Здымайце пад тупым вуглом, затым рухайцеся або памяншайце / павялічвайце карцінку, зрабіце кадры зблізку. Уявіце сабе, што вы заходзіце ў студэнцкую чытальную залу: вы бачыце памяшканне, у якім шмат навучэнцаў, вы звярнулі ўвагу на аднаго з іх, потым сфакусавалі камеру на кнізе, якую ён чытае. Кадр здалёк, бліжэй і зусім блізка; трымаеце кожны кадр па 10 секунд.

4. Інтэрв’ю

Змясціце героя інтэрв’ю справа ці злева ад рамкі. Паспрабуйце не зрэзаць верхавіну яго галавы і не пакідайце занадта шмат месца над яго галавой. Калі ў вас кішэнная камера, лепш за ўсё, каб герой інтэрв’ю глядзеў проста на вас. І не забудзьцеся пра штатыў!

5. Асвятленне

Паспрабуйце па меры магчымасці размясціць героя інтэрв'ю на цёмным фоне. Пазбягайце кантрастаў у асвятленні, не здымайце супраць святла.

6. Чысты і выразны аўдыязапіс

Калі запісваеце інтэрв'ю, падыдзіце бліжэй. Пастарайцеся мінімізаваць падчас гутаркі староннія шумы, якія вы можаце не заўважыць да рэдагавання. Па магчымасці карыстайцеся вонкавым мікрафонам.

7. Насіце камеру заўсёды з сабой!

Калі раптам апынецеся ў эпіцэнтры падзей — вы будзеце гатовыя фіксаваць іх!

Як пісаць тэксты для відэа

Напісанне тэкстаў для відэаматэрыялаў таксама мае сваю спецыфіку. Вось толькі некаторыя з агульных парадаў, якія варта браць пад увагу:

- Не спрабуйце расказаць усю гісторыю.
- Сфакусуйцеся на адной тэме і выкарыстоўвайце тэрміны з канкрэтным значэннем.
- Выкарыстоўвайце факты і будзьце дакладнымі.
- Напішыце ўступ, асноўную частку і заканчэнне.
- Пачынайце з найбольш моцнай часткі матэрыялу.
- Паспрабуйце зрабіць тэкст простым для ўспрымання.

Пры падрыхтоўцы тэкстаў для відэа варта распавядаць гісторыю ў лагічным парадку, пісаць так, як вы размаўляеце. Імкніцеся рабіць сказы кароткімі. Адзін сказ — адна думка. Пазбягайце спакусы зрабіць выснову за гледача: ваша задача палягае ў падачы фактаў, а вынікі гледачы ў стане падвесці самі.

Пры напісанні тэкстаў старайцеся часцей ужываць дзеясловы і радзей — прыметнікі. Першыя паказваюць дынаміку падзей, а другія надаюць адценне суб'ектыўнай ацэнкі.

Правілам добрага густу з'яўляецца пазбяганне жаргону, моўных штампаў. Таксама не выкарыстоўвайце абрэвіятуры і вялікую колькасць лічбаў.

Напісаны тэкст пажадана прачытаць уголас: гэта дазволіць адразу выявіць задоўгія сказы і многія іншыя магчымыя хібы.

Тэлевізійнае інтэрв'ю

Эдуард МЕЛЬНІКАЎ

Аднойчы на YouTube давялося ўбачыць відэа. Хтосьці выклаў у Сеціва здымкі аўтарытэтнага палітыка з суседняй краіны, які выказаў некалькі словаў наконт чарговай недарэчнасці, што ўзнікла ў стасунках з беларускімі ўладамі. Палітык быў зняты ў тры чвэрці, апрануты ў мяккі швэдар, і гэта толькі падкрэсліла паўнату паджылага чалавека, акругласць плячэй і некаторую адутлаватасць твару. Пытанняў яму не задавалі, проста падсунулі мікрафон і наставілі камеру. Знянацку ён доўга падшукваў словы, ледзь завяршаў сказы, таму што думкі ягоныя былі ў момант здымкі адцягнутыя на нешта іншае. Гэта добра было бачна.

Агульнае ўражанне ад такой сустрэчы з паважаным і ўплывовым чалавекам было кепскае. Напэўна, віна за гэта цалкам ляжыць на тым, хто лічыў сябе журналістам і не здолеў задумацца, дзеля чаго ён усё гэта робіць.

Нескладанасць атрымання «карцінкі» з дапамогай сучаснай відэаапаратуры спараджае ілюзію лёгкасці стварэння «прадукту» для масавай аўдыторыі. Дый само тыражаванне, дзякуючы інтэрнэту, зрабілася вельмі дасягальным. У выніку мы бачым шмат «відэа», якое нельга назваць журналістыкай.

Відэаінтэрв'ю, прызначанае для масавай аўдыторыі тэлевізійных каналаў, вырабляецца з улікам шэрагу фактараў. Толькі ў кантэксце жывой тэлевізійнай праграмы можна казаць пра якасці інтэрв'ю: ці адпавядае яно актуальнасці

менавіта сённяшняга дня, ці суадносіцца з фарматам вяшчання менавіта гэтага тэлеканала і жанрам канкрэтнай праграмы (ньюсы, тэлеагляд, аналітычны рэпартаж, ток-шоу і г. д.).

Найперш трэба памятаць, што інтэрв'ю на месцы падзей прыўносіць «чалавечы» элемент у сюжэт ці рэпартаж і з'яўляецца найлепшым сродкам адлюстравання эмацыйнага боку таго, што адбываецца. Прызначэнне ж студыйнага інтэрв'ю часцей за ўсё — атрымаць нейкую эксклюзіўную інфармацыю ад дасведчанага чалавека, кампетэнтнае тлумачэнне таго, што зараз адбываецца, але яшчэ не зусім зразумела для большасці гледачоў. Зыходзячы з гэтага, мы і выбудоўваем нашыя прафесійныя дзеянні.

Існуюць неабходныя этапы падрыхтоўкі і правядзення тэлевізійнага інтэрв'ю, якія абмінуць нельга аніяк.

Вернемся да таго відэа, з якога пачалі размову. Якія павінны быць дзеянні прафесіянала ў гэтай сітуацыі?

Найперш паведаміць пра тэму інтэрв'ю і атрымаць у палітыка згоду на здымкі. У яго будзе магчымасць падумаць, падрыхтавацца, зазірнуць у нейкія дакументы. Гэта толькі надасць грунтоўнасці будучай размове і паспрыяе таму, каб планаванае інтэрв'ю стала больш інфарматыўным.

Потым трэба звярнуцца да суразмоўцы з просьбаю абраць такую вопратку, якая, на вашу думку, адпавядае тэме размовы. Для палітыка гэта будзе, хутчэй за ўсё, цёмны строй з гальштукам.

Трэба падумаць і пра месца здымкі. Можа, гэта будзе працоўны кабінет палітыка, але мы і тут «пагаспадарым»: прыбярэм крыху на стале, паперамяшчаем фігуру героя здымак адносна фону на сцяне. Пажадана, каб фон неяк адпавядаў тэме інтэрв'ю. Вызначым ракурс здымкі і буйнасць плана. «Паварожым» крыху і выставім добрае святло, якое створыць эмацыйны фон размовы. Калі ж будзем здымаць на вуліцы, таксама падумаем пра «красамоўны» фон і найбольш выгоднае выкарыстанне натуральнага святла.

Далей нам неабходна загадзя, яшчэ да здымак, крыху «разгаварыць» суразмоўцу, дакладнымі пытаннямі «вывесці» на тэму, «разагрэць» да пэўнага псіхалагічнага стану, калі чалавек не толькі паведаміць нам нешта важнае, але і зробіць гэта эмацыйна і выразна. Але не трэба рэпеціраваць інтэрв'ю ці падштурхоўваць чалавека да пэўных адказаў. Проста варта папярэдзіць, што такія пытанні могуць прагучаць пры ўключанай камеры.

Усё гэта робіцца дзеля таго, каб пабудаваць вобразны лад будучага сюжэта (нават інфармацыйнага!), што, у сваю чаргу, будзе спрыяць добраму ўспрыманню зместу нашага інтэрв'ю.

А зараз — пра самае галоўнае.

З тэорыі добра вядома, што найбольш інфармацыі месціцца там, дзе мы бачым больш супярэчнасцяў, праблем. А кожная праблема мае сваіх носьбітаў — жывых людзей, якія зацікаўленыя даць менавіта сваё разуменне сітуацыі і схаваць тое, што ім невыгодна. Ёсць выраз, добра вядомы прафесійным журналістам шмат якіх краін: «Інфармацыя — гэта тое, што ад нас хаваюць. Усё астатняе — рэклама».

З гэтага вынікае, што добрае інтэрв'ю (не толькі тэлевізійнае) — гэта найчасцей псіхалагічны паядынак паміж журналістам і ягоным візаві. Запрошаны чалавек намагаецца давесці менавіта сваё бачанне сітуацыі ці праблемы і хавае тое, што яму невыгодна (а такое заўсёды ёсць). Перад журналістам, наадварот, стаіць задача здабыць поўную інфармацыю пра ўсе бакі з'явы, і зрабіць гэта трэба тут і цяпер, перад уключанай камерай, дый яшчэ, здараецца, у прамым эфіры. Таму найлепшыя сусветныя ўзоры тэлевізійных інтэрв'ю заўсёды захапляюць менавіта драматызмам здабывання эксклюзіўнай інфармацыі, якое адбываецца на нашых вачах.

Але менавіта гэтая акалічнасць вымагае ад журналістаў вельмі добра рыхтавацца да інтэрв'ю, што ёсць аксіёмаю. З гэтай нагоды кажуць: «Інтэрв'ю можа "правваліцца" шмат па якіх прычынах. Але яно дакладна праваліцца, калі вы да яго не падрыхтаваліся». Папярэдняя падрыхтоўка да інтэрв'ю палягае ў тым, што журналіст загадзя рыхтуе базавыя, «шкілетныя» пытанні, якія абавязкова павінны прагучаць. Ва ўмовах тэлевізійнага інтэрв'ю гэтыя пытанні трэба добра трымаць у памяці, таму што не заўсёды зазірнеш у блакнот — проста не знойдзецца часу. Да таго ж такія «зазіранні» руйнуюць натуральнасць зносін удзельнікаў размовы, парушаюць атмасферу шчырасці паміж імі.

Здаецца, ёсць супярэчнасць: інтэрв'юер павінен «здабыць» нейкія факты і ў той жа час ствараць атмасферу шчырасці і даверу. Гэта дасягаецца выкананнем шэрагу правілаў, якія добра ведаюць знакамітыя вядоўцы і каментатары.

Трэба даць суразмоўцу магчымасць выказаць сваю пазіцыю. Не перапыняйце яго, выслухайце да канца. І толькі, калі заўважыце нейкую супярэчнасць ці імкненне пазбегнуць адказу, актывізуйцеся. Не дазваляйце сыходзіць ад адказу на ключавыя пытанні вашага інтэрв'ю. Дзеля гэтага вар'юйце іх, але цвёрда стойце на лініі сваіх паводзін. Суразмоўца і сам зразумее, што выглядае нейкім «вужакай» і пастараецца выглядаць больш прыстойна, скажа нешта істотнае.

Не задавайце правакацыйных пытанняў і ўвогуле як мага меней дэманструйце сваё абурэнне ці здзіўленне адказамі суразмоўцы. Гэтым вы толькі пашкодзіце самому сабе. Па-першае, калі чалавеку будзе няма чаго губляць, ён проста адмовіцца адказваць — і будзе мець рацыю. Трэба быць настойлівым, але ветлівым. Ваша зброя — дакладнасць пытанняў і тактыка іх выкарыстання,

а не агрэсіўнасць і жорсткасць. Гэта зусім не значыць, што не трэба задаваць цяжкіх пытанняў. Пытайцеся ветліва, але цвёрда.

Адной з пастак для неспрактыкаванага інтэрв'юера ёсць так званыя «закрытыя» пытанні, то бок такія, на якія можна адказаць адназначна: «так» ці «не».

«Вы лічыце, што ўсё адбывалася менавіта гэткім чынам?» — пытаецеся вы і ў адказ чуеце: «Так». Размова прыпыняецца, тармозіцца, «абламалася» адна з вашых хатніх «нарыхтовак», вельмі для вас важная.

Яшчэ адна пастка ствараецца праз тое, што інтэрв'юер задае адразу два пытанні, дакладна — «два ў адным». Звычайна чалавек адкажа на адно пытанне, апошняе, а на першае — забудзецца. Можа, і наўмысна, але мы самі ў гэтым вінаватыя. Нават калі чалавек адказвае на вашы два пытанні, звычайна ён злівае ўсё ў адзін адказ, і на мантажы вам вельмі цяжка будзе аддзяліць адно ад аднаго.

Калі інтэрв'ю (з вашага пункту гледжання) ужо скончанае, заўсёды задавайце «кантрольнае» пытанне кшталту: «Пра што яшчэ я забыўся спытацца, а Вы вельмі б хацелі сказаць?» Звычайна чалавек ажыўляецца і прапануе нешта новае, нават нечаканае, да чаго вы самі не дадумаліся б.

Нарэшце, інтэрв'ю запісана, і трэба яго змантаваць. Здараецца і так, што размова ваша дала «кругаля», і на мантажы, пераставіўшы эпізоды, можна надаць ёй больш лагічнасці і паслядоўнасці. Трэба так і рабіць і не палохацца, што атрымаецца не «як у жыцці». Бо на экране размова ўспрымаецца па законах кінематаграфічнай мовы, дзе пануюць кампазіцыя, сюжэт, эстэтыка мантажу і гукавога суправаджэння і г. д.

Тут трэба баяцца толькі аднаго: каб мантаж, надта радыкальны, не сказіў лінію паводзін вашага героя і дакладнасць фактаў, пра якія ішла размова. За гэтым трэба пільна сачыць.

Пры здымцы інтэрв'ю трэба назапасіць шмат так званых «перабівак», каб «перакрываць» гукавыя купюры, не парушаючы логікі і стылістыкі вашага сюжэта. Трэба, каб перабіўкі не былі фармальныя і штучныя (кшталту буйных планаў рук героя), а працавалі на тэму. Пры гэтым не парушалі адзінства месца і дзеі вашага інтэрв'ю. Напрыклад, калі вы здымаеце ў кабінеце, то «перабіўка» павінна візуальна патлумачыць, чаму з'явілася гэтая фатаграфія (напрыклад, дагэтуль герой трымаў яе ў руках, ці яна ляжала побач, на стале).

І на заканчэнне — прыклады няўдалых інтэрв'ю неспрактыкаванага вядоўцы: http://www.youtube.com/watch?v=TqijQwrZUgw

Няхай у вас атрымліваецца толькі добра!

«У ВАСІЛЯ БЫКАВА БЫЎ ШАНС», —

так пасля яго скону гаварылі ўрачы ў Празе і Мінску

Сяргей ШАПРАН

Гэты матэрыял рыхтаваўся да друку вясной 2005 года ў газеце «БДГ. Для служебного пользования». Напярэдадні гадавіны з дня смерці Васіля Быкава я пагаварыў з двума дактарамі: Сяргеем Юрчанкам, анестэзіёлагам-рэаніматолагам, старшым ардынатарам універсітэцкай бальніцы «Матол» у Празе, і Генадзем Мураўёвым, кіраўніком аддзела НДІ анкалогіі і медыцынскай радыялогіі ў Бараўлянах.

Звязацца з Сяргеем Юрчанкам (дарэчы, ураджэнцам Беларусі) дапамог Сяргей Навумчык. Ніякіх праблем не ўзнікла: спачатку тэлефонная размова, пасля пэўныя ўзгадненні матэрыялу па электроннай пошце. Але іншая сітуацыя склалася з прафесарам Генадзем Мікалаевічам Мураўёвым (з якім я пазнаёміўся 17 чэрвеня 2003 года, калі разам з Рыгорам Барадуліным і Генадзем Бураўкіным мы былі ў Васіля Быкава ў Бараўлянах). Спачатку было інтэрв'ю, пасля чаго я вырашыў паказаць прафесару Мураўёву тэкст сваёй гутаркі з Сяргеем Юрчанкам, бо Генадзь Мікалаевіч неаднойчы там згадваўся. Прачытаўшы яго, ён нічога асаблівага не сказаў, але нельга было не заўважыць — настрой яго рэзка змяніўся. Ужо на наступны дзень, калі я пазваніў, Мураўёў, заўважыўшы, што ноч не спаў, гаварыў ужо зусім іншым тонам і па-руску (Генадзь Мікалаевіч у побыце і на працы карыстаўся пераважна беларускай мовай): «Кто такой Юрченко, что я должен ему отвечать? Он — не онколог. А в Прагу не позвонили, потому что времени не было. Забудьте о нашем вчерашнем разговоре. И чтобы не было никакого упоминания моей фамилии... Я готов предоставить все выписки из истории болезни Быкова...» (Заўважу, што, безумоўна, інтэрв'ю з Юрчанкам спадабацца Мураўёву не магло, але тут у абодвух свая праўда, і кожны меў права на публічнае выказванне сваіх думак і ацэнак: як Мураўёў, так і Юрчанка.) Тым не менш я ўгаварыў прафесара сустрэцца, сказаў, што дам у друк нейтральны варыянт гутаркі з Юрчанкам. Прыехаўшы ў рэдакцыю і забраўшы тэкст свайго інтэрв'ю і скарочаны варыянт гутаркі з Юрчанкам, Генадзь Мікалаевіч перазваніў у той жа дзень. Пражскага калегу ён ужо не прыгадваў, затое раптоўна запытаўся: «Вы хочаце, каб мяне заўтра звольнілі?! Ніякага майго прозвішча ў друку!» Я паабяцаў, што друкаваць яго інтэрв'ю не буду. Гутарка ж з Юрчанкам пайшла ў значна скарочаным выглядзе (цяпер друкуецца цалкам). У гранках «БДГ. ДСП» з'явілася «белая пляма» памерам у цэлую паласу. Цудам тады знайшлі матэрыял, каб тую пляму залатаць.

Прафесара Мураўёва я доўга не бачыў. Звярнуўся да яго праз пару гадоў — рыхтавалася да друку мая кніга «Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця». І я папрасіў дазволу ў Генадзя Мікалаевіча даць невялічкі фрагмент з яго інтэрв'ю — той, дзе размова ідзе пра Надзею Андрэеўну, першую жонку Васіля Уладзіміравіча. Мы сустрэліся, і Мураўёў цяпер ужо нічога не аспрэчваў. Што ж тычыцца публікацыі інтэрв'ю цалкам, дык пра тое я ўжо не пытаўся. З цягам часу я зразумеў прафесара: яго сапраўды маглі чакаць непрыемнасці, праца ж была, мусіць, сэнсам яго жыцця. І нашто яму, які — як і ледзь не ўся краіна — працаваў па кантракце, было рызыкаваць дзеля артыкула ў газеце? Газеты жывуць дзень, два, тыдзень, праца ж, калі ты яшчэ і добры прафесіянал, — рэч пажыццёвая. Тым больш што абвінавачваць Генадзя Мікалаевіча ў баязлівасці было б, мякка кажучы, некарэктна. Гэта менавіта ён, прафесар Мураўёў, калі ў снежні 2010 года кадэбісты скралі з рэанімацыйнай палаты бальніцы хуткай медыцынскай дапамогі

гвалтоўна збітага кандыдата ў прэзідэнты Някляева, даў дырэктару бальніцы кароткую тэлеграму, з адным толькі словам: «Нягоднік!» Потым Уладзімір Някляеў прыгадваў гэтую гісторыю ў сваім эсэ і звяртаўся да Генадзя Мураўёва: «Пазней на маю заўвагу, што, бадай, не варта было так, Вы сказалі, што, калі б былі паэтам, дык, можа, знайшлі б гэтаму слову сінонім, але, паколькі доктар, дык і не шукалі». Але хто прымушаў Генадзя Мікалаевіча зрабіць тое? Ніхто. Сумленне? Ён жа рызыкаваў, прычым нашмат болей, чымся ў 2005 годзе, калі гаварыў праўду пра апошнія дні Быкава. Але Някляеў быў яго сябрам, і таму Мураўёў, мусіць, і не змог змаўчаць. Не змаўчаў па абавязку сяброўства?

Цяпер, праз восем гадоў, я ўсё ж вырашыў надрукаваць тое інтэрв'ю. Наважыўся па адной толькі прычыне (і спадзяюся, Генадзь Мікалаевіч не быў бы на мяне ў крыўдзе): у мінулую восень прафесар Мураўёў раптоўна памёр. Зразумела, што ніякая публікацыя яму ўжо не можа нашкодзіць — ніхто і ніадкуль яго цяпер не звольніць. Між тым у дзясятую гадавіну з дня смерці Васіля Быкава варта прыгадаць, якімі ж былі апошнія дні пісьменніка, адным са сведкаў якіх (і сведкам важным) быў прафесар Мураўёў. Сам ён пасля гаварыў, што не пра ўсё распавёў падчас нашага інтэрв'ю, што хоча неяк сам сесці і напісаць. Але ці сабраўся, ці паспеў зрабіць гэта прафесар Мураўёў?..

Сергей ЮРЧЕНКО: «ЖИЗНЬ МОГЛА ПРОДОЛЖАТЬСЯ...»

— Сергей, не вспомните, когда Вы познакомились с Василем Владимировичем?

— В феврале 2003 года. Дело в том, что мы с женой работаем в одной из университетских больниц в Праге. Это одна из самых больших и известных больниц в Центральной и Восточной Европе — многопрофильный прекрасно оборудованный «монстр» на 2400 коек, работает здесь около шестисот врачей. Моя жена — врач-терапевт — работает в отделении для иностранцев. Когда у Василя Владимировича начались боли в животе, ей позвонил Сергей Наумчик. Он же и привез 27 февраля Быкова в больницу. После предварительного обследования моя жена, немедленно направив Василя Владимировича на ультразвуковое исследование живота, позвонила мне. В кабинете УЗИ мы и познакомились.

К сожалению, уже при обследовании были найдены отклонения от нормы, возбуждавшие подозрение на онкологическое заболевание. И так уж вышло, что именно мне пришлось сообщить об этой нерадостной новости Быкову. Его реакция была уравновешенной и совершенно спокойной. Он только спросил, какие еще будут нужны обследования, посетовал, что это нарушает его планы. Однако заключил: «Ну что ж, раз так случилось, делайте все, что необходимо для диагностики. Потом увидим. Надо так надо».

Через час была проведена компьютерная томография, способствовавшая уточнению диагноза. В последующие дни, после консультации с онкологами, диагностика была продолжена — лабораторная, эндоскопическая. Было проведено всестороннее обследование сердечно-сосудистой и дыхательной системы, назначена соответствующая поддерживающая терапия. После получения результатов анализов и обследований, когда стала ясна необходимость операции, с Василем Владимировичем обсуждались различные варианты лечения... К сожалению, уже в ходе этих консультаций было констатировано, что других вариантов, кроме операционного вмешательства, нет.

— Но вот сам Василь Владимирович писал позже в письме к своему другу Лазарю Лазареву: «Прошел месяц со дня операции, но я все не могу прийти в норму. Острые боли прошли, но тупые остались. Эти донимают по-прежнему, особенно ночью. В ближайшее время предстоит несколько курсов химиотерапии, не знаю, как она мне обойдется. А вообще, кажется, я сделал ошибку, доверившись друзьям и обратившись к медицине. Ну, немного побаливало в боку (иногда), вроде ничего страшного. А теперь в одночасье из нормального превратился в инвалида. Действительно — не тронь лиха, пока тихо».

Действительно ли операция была необходима?

— С одной стороны, ваш вопрос совершенно справедливый. Но дело в том, что Василь Владимирович не был врачом. Может быть, он не совсем ясно понимал некоторые медицинские вещи, хотя мы старались просто и доступно рассказать обо всем, что с ним происходит. В подобных ситуациях многие колеблются, надеясь, что может быть лучше, чем есть на самом деле, что необходимости в принятии радикальных решений нет. И если друзьям, как видно из приведенного вами фрагмента письма, Василь Владимирович об этом и писал, то нам говорил лишь одно: «Надо так надо». Он, кстати, много нас и не расспрашивал, детали знать не хотел. К тому же был, что называется, очень дисциплинированным пациентом. А тот факт, что спустя месяц у него была какая-то болезненность, объясняется просто: операция и не могла всецело решить проблему, она преследовала прежде всего одну цель — предотвратить возможную катастрофу.

Конечно, можно говорить, что операция могла в какой-то мере ухудшить состояние, ослабить или нарушить существовавший в то время баланс. По большому счету любая операция является стрессом, и немалым. Но тогда она была просто необходима, поскольку в противном случае могли

возникнуть серьезные осложнения, которые закончились бы смертельным исходом. Однако поскольку некоторые осложнения наступили уже и без того, пришлось применить и химиотерапию.

Решение об операции принимал, разумеется, не я, а профессор Павел Пафко, считающийся у нас первой величиной, профессор, которого знают не только в Европе, но и в мире: в 1997 году он первым в Восточной Европе осуществил пересадку легкого, а в 1996 году оперировал президента Чехии Вацлава Гавела. Профессор Пафко подробно рассказал Василю Быкову обо всех возможных тяжелых осложнениях, которые могут возникнуть в том случае, если операцию не делать. Причем некоторые из этих осложнений могли угрожать жизни Василя Владимировича уже в ближайшее время. После этого разговора Быков и согласился на операцию.

— Но ее несколько дней переносили, поскольку у него поднялась температура...

— Это не совсем так. В первой половине марта у Василя Владимировича было ОРЗ. После того же, как ему стало лучше, надо было выждать еще несколько дней. У нас есть такое требование: пациент не должен иметь подобные воспаления в течение десяти дней перед предстоящей операцией. Опять же Быкову было почти 79 лет, к операции его нужно было подготовить.

— Относительно химиотерапии... Она же была, что называется, щадящей?

— У наших онкологов не было никаких сомнений в выборе химиотерапевтического препарата. Медикам хорошо известно, что внутривенная химиотерапия дает сильные побочные эффекты, в том числе и на сердечно-сосудистую систему, почки, печень. Последние годы во всем мире все больше и больше применяется химиотерапевтический препарат Xeloda в таблетках. Препарат дорогой, но очень эффективный. Главное его преимущество — лучшая переносимость. Он часто назначается пожилым людям, поскольку оказывает намного меньшее негативное влияние на сердечно-сосудистую систему (так называемый кардиотоксический эффект). Лечение в Чехии, да и в других странах, проводится обычно амбулаторно. В случае хорошей переносимости человек возвращается потом к своей нормальной жизни.

Первые два цикла такой химиотерапии Василь Владимирович перенес в целом хорошо, причем с минимальными побочными эффектами (обычно бывают тошнота и легкая общая слабость), как, кстати, и саму операцию — уже на второй день, еще находясь в реанимационном отделении, он мог не только сидеть, но и принимать гостей. Он сам попросил посадить его, чтобы, не дай бог, гости не увидели его в постели. Т. е. состояние его было, скажем так, удовлетворительное. А уже 9 апреля (операция была сделана 27 марта) Василь Владимирович был дома. Правда, в мае он сказал, что ему нужно будет съездить в Минск. Мы не рекомендовали поездку до окончания хотя бы третьего цикла химиотерапии. Однако Василь Владимирович настаивал. Тогда мы не рекомендовали лететь самолетом, уговаривали поехать хотя бы поездом. Он не послушался...

Вообще говоря, у наших врачей-онкологов достаточный опыт применения Xeloda, причем людьми возраста Василя Владимировича и с похожим диагнозом. Эти люди жили потом и год, и два, и три. Например, я лично знаю одного сейчас уже 84-летнего больного, которому в 2002 году был поставлен практически такой же диагноз, что и Быкову. Перенеся подобную операцию, он потом длительное время принимал Xeloda. Конечно, ему было не легко все это время, нелегко и сейчас, тем более что теперь его состояние начало ухудшаться. Но три года жизни — это три года жизни...

Уже позже в СМИ сообщали, ссылаясь якобы на мнение пражских врачей, что Быков мог прожить как минимум год-полтора. В действительности ничего подобного никто сказать не мог, поскольку таких гарантий никто дать не мог. Но шанс у Василя Владимировича определенно был. Хотя это была бы, конечно, немного другая жизнь — жизнь больного человека. Тем не менее, повторюсь, жизнь могла продолжаться.

— Наверное, Вам известно о заявлении директора НИИ в Боровлянах Иосифа Залуцкого: «Его прооперировали в Чехии. Он получил два курса химиотерапии, но никто за ним не наблюдал, курсы оказались неэффективными. Мы в таком случае всегда смотрим за больным». Заявление прозвучало после смерти Быкова.

— Для этого не было никаких оснований. Дело в том, что регулярно либо сам Василь Владимирович приезжал в поликлинику нашей больницы для консультации с онкологами, либо его привозили ребята с радио «Свабода», либо я. Номера моего телефона и телефона моей жены были у него на специальном листке, лежащем на рабочем столе, — они шли сразу после телефонов «скорой», полиции и пожарников. Созванивались мы почти ежедневно и навещали Василя Владимировича дома тоже часто. Т. е. постоянный контроль за состоянием его здоровья был. К тому же он имел круглосуточную возможность контактировать с врачами — через меня или мою жену, а далее мы бы уже связались с необходимыми специалистами, причем очень быстро. (Однако замечу, что Василь Владимирович ни разу не воспользовался этой возможностью.) При худшем сценарии «скорая помощь» приехала бы через три-пять минут, а надо сказать, что каждая машина «скорой» в Праге — это полностью оборудованный реанимобиль. Регулярно проводились и контрольные анализы. Кроме того, ежедневно Василя Владимировича навещал кто-либо с радио «Свабода» или

Генадзь Бураўкін, Васіль Быкаў, Рыгор Барадулін. 17 чэрвеня 2003 года. Бараўляны. Фота С. Шапрана

просто пражские белорусы. Они же заботились и о его диетическом питании. В случае малейшего подозрения на ухудшение его состояния, они немедленно связались бы с нами...

Что же касается эффективности — об этом с г-ном Залуцким можно было бы говорить, если бы в те дни он удосужился хотя бы раз поднять телефонную трубку и связаться с Прагой, с тем чтобы попросить анализы для сравнения, результаты обследований, — лишь в этом случае можно было бы говорить об эффективности или неэффективности, о достаточном контроле или бесконтрольности.

— Но одно уточнение — профессор Геннадий Муравьев, в то время руководитель отдела НИИ онкологии и медицинской радиологии, в своих воспоминаниях о последних днях Быкова написал: «Сделали ее [операцию] безукоризненно. Единственным дальнейшим выходом была химиотерапия, которую и назначили. При этом должны были быть внимательный контроль, комплексная и целенаправленная кардиотропная терапия, коррекция проявлений бронхиальной астмы. Все это возможно только в условиях стационарного, а не амбулаторного лечения, в специализированном лечебном заведении с повседневным контролем. Обеспечить это, к сожалению, не удалось».

Обратите, пожалуйста, внимание: профессор Муравьев делает акцент на стационарном, а не амбулаторном лечении.

— Возможность амбулаторного лечения препаратом Xeloda — это не выдумка чешских врачей, это нормальная практика во всем мире. К тому же человек, находясь дома, в привычном окружении, получает гораздо меньше стрессов (желающие побольше узнать о препарате могут заглянуть на сайт www.xeloda.com). Это ненормально, наверное, только для НИИ онкологии. Повторяю, никаких угрожающих изменений в состоянии здоровья Василя Быкова после операции и с началом применения химиотерапии не было. Вплоть до отъезда в Беларусь. Василь Владимирович мог работать, ходить на прогулки в парк с женой, принимать гостей...

Если же г-н Муравьев считает, что применяемые в Беларуси химиопрепараты в такой степени представляют угрозу для здоровья, что вынуждают к стационарному лечению всех больных без исключения, — это его право. Но не надо, пожалуйста, переносить белорусский опыт на чешский. Тем более что чешское здравоохранение может обходиться и без этого. Да и не только чешское...

Теперь что касается внимательного контроля, комплексной и целенаправленной кардиотропной терапии, бронхиальной астмы Быкова.

Василь Владимирович приехал в Чехию, принимая одно-единственное лекарство, и то редко — аэрозоль для терапии бронхиальной астмы. Комплексные обследования в нашей больнице (в том числе эхокардиография, спирометрия) показали, что для такого возраста его сердечно-сосудистая и дыхательная системы имеют достаточные резервы. Что, кстати, подтверждает и то, что Быков перенес непростую операцию достаточно хорошо. И тогда же, еще в феврале, в дополнение к аэрозолю, который он носил в кармане, Василь Владимирович получил еще семь препаратов, в том числе и кардиотропные... Ну не идиоты же в самом деле здесь, в Праге, работают!

— Профессор Муравьев еще писал, подразумевая свои разговоры с Василем Владимировичем: «Я почувствовал, что между Быковым и чешским медицинским персоналом не всегда было полное понимание. А это так важно — чтобы между врачами, сестрами и больным было полное взаимопонимание. Чтобы больной не чувствовал, что в какой-то момент его понимают не совсем точно, а врачи и сестры не готовы быстро и адекватно реагировать на неожиданное изменение самочувствия больного. Это возможно только тогда, когда они говорят на одном языке. Если же этого нет, это тяжело сказывается на состоянии больного. Быков же чешского не знал...»

Можете Вы это прокомментировать?

— Чувства — вещь сильная. Г-н Муравьев «почувствовал»... Но факты будут все-таки посильнее. Давайте к ним и обратимся. Во-первых, начиная уже

с первого обращения мы с женой сопровождали Василя Владимировича здесь, в больнице, практически повсюду. Это было возможно потому, что мои начальники и коллеги освобождали меня от моих ежедневных повинностей немедленно, достаточно только было сказать, что надо помочь Быкову...

— Т. е. Ваши начальники и коллеги понимали, кто такой Василь Быков?

— Несомненно! Некоторые даже читали — на русском или в переводе. Но меня удивило то, что Быкова знали и несколько медсестер в возрасте 20–25 лет. Известие о его смерти поразило их. Они помнили его терпеливым, ни на что не жалующимся старичком в очках, который уже во второй день после операции держал в руках свою книгу. Правда, не помню, что это была за книга, но знаю, что была она издана без ведома Василя Владимировича. Он, кстати, сам говорил, что о выплате авторских гонораров издатели очень часто «забывают». И к слову, если кто-то думает, что Быков, написав столько книг (к тому же выходивших на многих языках), был богатым человеком, он глубоко ошибается...

Кстати, и на работе у моей жены была точно такая же, как и у меня, обстановка. Плюс ко всему, как врач отделения для иностранцев, она формально была и — чтобы было понятнее, скажем так — участковым врачом Быкова.

Далее. Ни одно обследование, ни один анализ, ни один консилиум не проходил без нашего участия как переводчиков. Правда, часто в этом и не было необходимости, потому что врачей, говорящих на приличном русском, в больнице довольно много — на русском способны изъясняться в достаточной мере почти все, кто старше 30–35 лет. Был я с Василем Владимировичем и в операционной, и в течение первых полутора суток уже в реанимации.

Мелкие же проблемы иногда действительно возникали — например, в стандартном хирургическом отделении, когда Василя Быкова не всегда понимали молодые медсестры. Однако и тогда находился выход: Василь Владимирович говорил с некоторыми по-немецки, с другими — по-белорусски (ведь в белорусском, чешском и словацком языках много общего). Впрочем, и сам Василь Владимирович учил чешский — постоянно записывал новые слова прямо тут, в больнице.

Ну и, наконец, когда пару раз объясниться никак не получалось, все решалось очень просто — он звонил мне, и я по телефону говорил с сестрой или врачом... Не знаю, нашелся бы в НИИ онкологии хоть один врач, который бы свободно говорил по-чешски и был бы доступен днем и ночью хотя бы по телефону?..

Уже когда Василь Владимирович уезжал в Минск, с собой мы ему дали все необходимые лекарства, в том числе и для поддержания сердечной деятельности, работы печени и т. д. А также несколько выписок из истории болезни. Одна, упрощенная — для, скажем так, немедицинской публики. Вторая, предназначенная для Боровлян, носила сугубо медицинский характер, хотя и она не была на сто процентов полной — только самое главное: даты, перечень обследований, диагнозы, дозировка Xeloda и последние анализы.

— Вы сказали, вторая выписка была предназначена для Боровлян. Т. е. когда Быков уезжал, уже было известно, что он ляжет в Боровляны?

— Нет, разговор шел о том, что, если состояние его здоровья ухудшится, другого варианта нет — надо будет обратиться в онкологический центр в Боровляны, где должны быть достаточно квалифицированные врачи. При этом мы говорили: «Василь Владимирович, если обратитесь туда, обязательно покажите нашу выписку, с тем чтобы врачи в Боровлянах связались с нами». В той выписке были все контакты: наши телефоны, факсы, электронная почта — абсолютно все! Если бы с нами связались, мы бы сразу выслали и сканированную компьютерную томографию, и старые анализы — в общем, перегнали бы в Минск всю дополнительную информацию. Это было бы делом двадцати минут. Но, к сожалению, никто к нам не обратился. И честно говоря... Я в данном случае высказываю не свое личное мнение, а всех наших врачей, имевших отношение к судьбе Василя Владимировича и, конечно, впоследствии интересовавшихся ею. Всех нас, в том числе и профессора Пафко, мягко говоря, удивило, а если говорить без обиняков, то оскорбило, что не обратился никто из Боровлян. Хотя это нормальная мировая практика в современной медицине, когда, например, семейные доктора из Италии или Кувейта присылают нам по факсу или электронной почтой истории болезней того или иного человека размером в тридцать-сорок страниц!..

Мне было стыдно, очень стыдно и горько за такую дикость — иным словом назвать это нельзя.

— И, кстати говоря, в Боровлянах было применено как раз то лечение, от которого отказались ваши врачи.

— Никакой официальной информации у меня на этот счет нет. Мы лишь слышали, что будто бы была применена внутривенная химиотерапия и что возникли осложнения с сердцем. Возможно, они были вызваны именно применением этой химиотерапии (и в результате Василь Владимирович и оказался в реанимации).

Конечно, каждый институт, каждый профессор имеет свое мнение о том, как именно следует лечить. Однако существуют и определенные международные представления о подобных вопросах. А опять строить высокие заборы или изобретать

велосипед — не очень-то разумно. Тот, кто прочтет в любом фармосправочнике о Xeloda (не говорю уж о научных медицинских публикациях), поймет, что это препарат первого выбора, т. е. лекарство, которое надо применять сразу, не дожидаясь неэффективности других препаратов, как раз при диагнозе, который и был у Быкова. Там же говорится и о необходимости монотерапии (без комбинации с другими химиотерапевтическими препаратами). К слову, примечательно, что в русской редакции показаний от изготовителя приводится только одно заболевание — рак молочной железы.

Василь Владимирович получил оптимальную дозу, рассчитанную по специальной таблице в зависимости от площади тела. Эту дозу не надо было менять. В связи же с незначительными проявлениями токсичности препарата во время приема (что, повторюсь, вызывает легкую тошноту и небольшую общую слабость) с очень большой натяжкой можно было говорить о 1-й

Рыгор Барадулін, Генадзь Мураўёў, Генадзь Бураўкін. 17 чэрвеня 2003 года. Бараўляны. Фота С. Шапрана

степени токсичности — это в соответствии с критериями часто встречающихся признаков токсичности, разработанными Национальным онкологическим институтом Канады (эти критерии рекомендованы изготовителем, швейцарской фирмой). Тот же канадский институт рекомендует при сильном повышении уровня билирубина в сыворотке крови прием Xeloda немедленно временно прекратить — до снижения уровня билирубина. Подчеркиваю, временно. Потом прием можно возобновить. (Поэтому, кстати, и делаются паузы между циклами химиотерапии.)

Перед отлетом Василя Владимировича в Минск уровень билирубина в сыворотке при контрольном анализе 16 мая совсем немного превышал верхнюю границу нормы. При этом не требовались ни изменение дозировки, ни отмена препарата. 4 июня, уже в Минске, Василь Владимирович должен был закончить второй цикл химиотерапии, начать же следующий — 11 июня. Допускаю, что в случае, если анализы в Минске показали ухудшение (хотя мне это неизвестно), этот срок мог бы быть передвинут, но менять терапию на более агрессивную, заведомо связанную с несоизмеримо высоким риском сердечно-сосудистой недостаточности, аритмии, инфаркта?.. Как реаниматолог я логику этого понять не могу. Как, впрочем, не поняли это и наши онкологи, когда я сообщил им о смерти Василя Быкова.

Не исключаю, что препарат Xeloda показался белорусским врачам слишком дорогим. Но дело в том, что его запаса, который мы дали Василю Владимировичу с собой, хватало на окончание трех курсов — до конца июня. (В дальнейшем тоже бы не было никаких проблем, поскольку такие препараты в Чехии для больных — бесплатны и всегда доступны.)

Впрочем, за день до госпитализации в Боровляны Василь Владимирович, сам позвонив мне, сказал, что чувствует себя не очень хорошо — после перелета, после всех этих стрессов, связанных с какими-то проблемами с квартирой и иными бытовыми вопросами. Сказал, что ему необходимо задержаться еще на несколько дней в Минске и что в связи с ухудшением самочувствия и усталостью не принимал Xeloda последние пару дней второго цикла, пояснив, что его уговаривают обследоваться в Боровлянах и до результатов обследования препарат принимать ему не советовали. Теперь же звонил, чтобы спросить нашего совета. Я ответил: «Ну что ж, Вы уже в Минске. Если Вам надо задержаться, у Вас с собой все необходимые бумаги, и если хотите пройти контрольное обследование в НИИ онкологии — пожалуйста, эту возможность мы обсуждали перед отъездом из Праги». Это был наш последний разговор. На этом наши контакты прервались...

Уже потом в прессе появились сообщения, что Быков приехал умирать на родину. Но это полный бред! У него были обратные билеты на 6 июня. Я должен был встретить его в аэропорту, и сразу оттуда мы должны были ехать в больницу на контроль — нас должен был ждать онколог. Мы думали, что это будет кратковременная поездка. По возвращении мы предполагали продолжить лечение.

— А кто посоветовал Василю Владимировичу не принимать Xeloda?

— Мне это неизвестно.

— Судя по всему, все-таки врачи из Боровлян, поскольку опять же профессор Муравьев свидетельствовал: «Как выяснилось по возвращении

на Родину, химиотерапия оказалась неэффективной, была отменена, и назначена новая схема на фоне всесторонней поддерживающей терапии. Ежедневно собирались консилиумы ведущих специалистов: онкологов, химиотерапевтов, радиологов, кардиологов, аллергологов, делалось все возможное и даже невозможное. Однако было поздно. Стало ясно, что жить ему осталось максимум месяц… Возник вопрос, как сделать, чтобы Василь Владимирович хотя бы смог встретить свой день рождения — 19 июня».

Если правильно понимаю, белорусские врачи поставили под сомнение послеоперационное лечение, проводившееся в Праге.

— Не думаю, что стоит сомневаться в компетенции высококвалифицированных пражских онкологов. Это по меньшей мере очень самонадеянно.

Что же касается состояния здоровья Василя Владимировича, то оно могло ухудшиться уже после перелета, не добавили ему здоровья и сил в том числе и известные передряги сразу по возвращении в Минск. В конце концов, на ухудшение состояния могло влиять и развитие болезни.

Что же до ежедневных консилиумов массы специалистов, то тут есть одна скрытая опасность. Во время таких консилиумов кто-то старается что-то придумать, кто-то старается «засветиться», а кто-то скрывается за спины других, и все вместе подавлены авторитетом академиков и профессоров. Голос разума и осторожности в таких случаях часто может быть и не услышан. А главный принцип медицины — не навреди! Назначение же иной схемы химиотерапии (вероятно, внутривенной — у меня нет данных на этот счет) в результате и привело к фатальному исходу.

Впрочем, возникает и другой вопрос. Если состояние Быкова действительно за несколько дней объективно изменилось настолько, что ситуация оказалась безнадежной, то зачем, как говорится, стегать загнанную лошадь? Ради дня рождения? Это, в конце концов, антигуманно. А если ситуация не была столь драматической, тогда уж тем более зачем было рисковать?

— И еще по поводу причины смерти Быкова. Вот что сообщили мне 23 июня врачи: «Проведенный в Минске курс химиотерапии подействовал благоприятно, однако не выдержало сердце на фоне бронхиальной астмы и всех остальных изменений: раковой интоксикации, распада опухоли…»

— В первую очередь должен оцениваться возможный риск. Погони за результатом любой ценой в работе с больными людьми быть не должно (да и со здоровыми тоже). А если уже рядом обследований в НИИ онкологии были доказаны раковая интоксикация, распад опухоли или метастазы, т. е. терминальная стадия заболевания, то единственное, что возможно было сделать для человека, — обеспечить ему достойную смерть, без страданий, боли и главное — бессмысленных экспериментов. Однако оценить степень ухудшения перед принятием решения можно, лишь сравнив старые и новые результаты обследований. Этого сделано не было — никто, снова повторюсь, не догадался (или не захотел) послать в Прагу коротенький e-mail.

— Сергей, и еще один вопрос. В те месяцы Вы регулярно виделись с Василем Владимировичем. Что более всего запомнилось?

— Обычно показательна первая реакция людей, узнающих о таком, как у Василя Быкова, диагнозе, о перспективах… Помню, когда мы сидели и говорили, ожидая результатов компьютерной томографии, Василь Владимирович вел себя действительно мужественно. Все-таки он был умудренным человеком, логично и трезво рассуждавшим. Что называется, он даже не моргнул глазом, узнав о своем диагнозе. Обратило внимание и то, что прежде, чем что-то сказать или спросить, он всегда это обдумывал, не торопился, делал паузы. И вопросы его были неизменно конкретные: «Как? Что? Почему? Какие перспективы?..» К слову сказать, вопрос: «А что, если не делать операцию?» — возникал не раз. Но и тут он вел себя прагматично и опять же мужественно. Я не замечал, чтобы Василь Владимирович беспрестанно думал о болезни, — нет, он продолжал жить прежней жизнью. И даже в реанимации на столике у него лежали книги. Хотя, конечно, как взрослый человек он не мог не решить своих личных дел на тот случай, если что-то с ним произойдет (поэтому и поехал в Минск). Это абсолютно нормально.

Естественно, что я старался как-то отвлечь его от неприятных мыслей. Например, иногда, когда ехали к нему домой, заворачивали куда-нибудь просто на что-то посмотреть… А так, это были обыкновенные разговоры из повседневной жизни.

— Вы же с Василем Владимировичем были земляками — оба с Витебщины…

— Да, и поэтому говорили в том числе и о Витебщине, о Полотчине…

Я всю жизнь испытывал чувство любви и уважения к этому писателю. Но мы же познакомились, мягко говоря, не в самый удобный момент. И хотя бы поэтому я не считал себя вправе, что называется, лезть к нему в душу.

(Працяг у наступным нумары)

Наш магілёўскі калега, сябра Праўлення ГА «БАЖ» Генадзь Вітольдавіч Суднік пайшоў з жыцця ў ноч з 23 на 24 жніўня ў выніку цяжкой анкалагічнай хваробы.

Ён вельмі мужна змагаўся з немаччу і да апошняга займаўся прафесійнымі справамі. За некалькі дзён да смерці спадар Генадзь сустрэў свой 70-гадовы юбілей на бальнічным ложку.

Пад віншавальным матэрыялам на сайце БАЖ Генадзь Вітольдавіч паспеў напісаць:

«Не маючы магчымасці гэтыя 2 дні падысці да камп'ютара, толькі сёння назапасіў сіл для напісання водгуку, а водгукі эмацыйныя, якімі вы ахуталі мяне гэтымі днямі, — яны папросту працягнуць маё жыццё (вось убачыце!), дададуць творчых сілаў, умацуюць у святой веры ў дружбу, сяброўства, згуртаванасць на добрай справе!..
Я люблю вас усіх, каго ведаю. Я люблю вас тых, з кім мне давядзецца пазнаёміцца, каму пашчасціць дапамагчы звычайным словам, хоць цяпер трэба будзе ставіцца як да мудрага слова. Але мы так рабіць не будзем яшчэ...
Так гэтак годзікаў праз 70... А што тут — рукой падаць, ды яшчэ з такімі калегамі і сябрамі. ДЗЯКУЙ! HS».

Вечная яму памяць...

